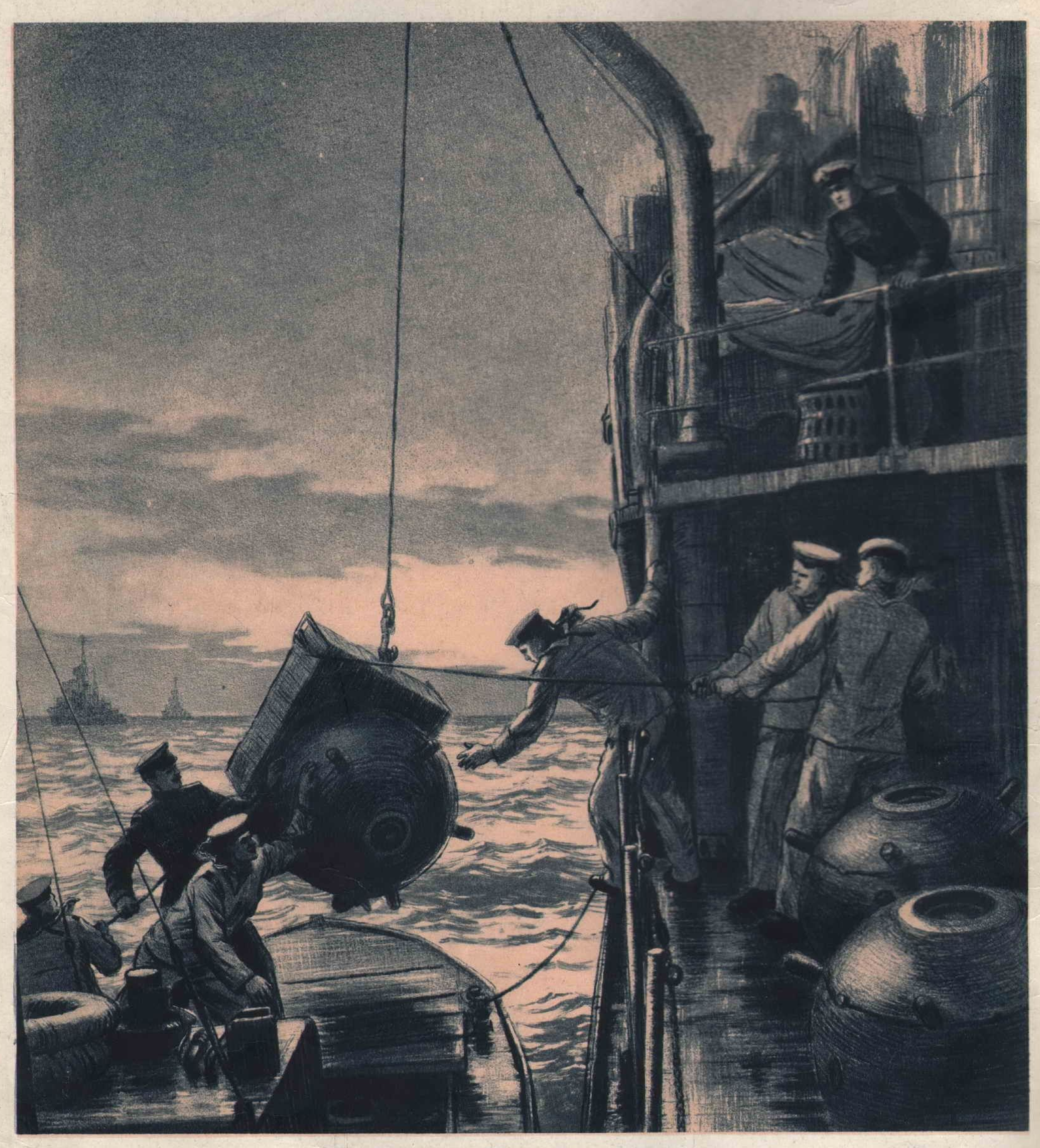

ОГОНЁК
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

П. И. Баранов. ПЕРЕД ВЫХОДОМ В МОРЕ.

На первой странице обложки: **Н. Бут, А. Горпенко, Н. Денисов, В. Правдин.** Фрагмент мозаики «СОВЕТСКИЕ ВОИНЫ».

На последней странице обложки: В московском парке культуры и отдыха «Сокольники». Показательные конноспортивные выступления спортсменов общества «Урожай».

Фото Ю. Кривоносова.

Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев посетил Рязанский станкостроительный завод. На снимке: Н. С. Хрущев беседует с членами бригады коммунистического труда, возглавляемой В. Шишкиным.

Фото С. Раскина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 9 (1654)

22 ФЕВРАЛЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Рязанская область за высокие темпы производства продуктов животноводства и успешное выполнение плана заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов удостоена высшей правительственной награды — ордена Ленина.

За успехи, достигнутые по увеличению производства и сдачи государству продуктов сельского хозяйства, орденом Ленина награждена также Тульская область.

Для вручения наград в Рязань, а затем в Тулу прибыл Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев.

Товарищ Н. С. Хрущев выступил на торжественном заседании Рязанского областного комитета КПСС и областного Совета депутатов трудящихся, а также перед десятками тысяч трудящихся на стадионе «Спартак».

Товарищ Н. С. Хрущев посетил Рязанский станкостроительный завод и колхоз «Россия», Рыбновского района, беседовал с рабочими, инженерами, служащими и колхозниками об исторических решениях XXI съезда КПСС, о грандиозных планах семилетки.

В Туле товарищ Н. С. Хрущев направился на знаменитый оружейный завод, где после окончания дневной смены выступил на многолюдном митинге. Затем Н. С. Хрущев побывал в колхозе «Новая жизнь», Щекинского района, беседовал с колхозным активом и осматривал фермы. В заключение товарищ Н. С. Хрущев выступил перед колхозниками, поздравив их с награждением Тульской области орденом Ленина, и пожелал новых успехов в работе.

17 февраля товарищ Н. С. Хрущев выступил на торжественном заседании обкома партии и областного Совета депутатов трудящихся.

Тула. 16 февраля. Выступление товарища Н. С. Хрущева на митинге тульских оружейников.

МЕЧТА И ЯВЬ

Любомир ДМИТЕРКО

В эти дни вся Советская страна живет в приподнятом, праздничном настроении, словно каждый из нас взошел на высокую гору и увидел новые, манящие горизонты. Мы знаем, что впереди — как это не раз было и в прошлом на нашем историческом пути — нас ждут трудности, испытания, борьба, что гигантские предначертания семилетнего плана ко многому обязывают. Но именно в этом предвкушении сражений и побед героического трудового похода таится подлинная радость настоящего труженика и творца.

Мы осуществляем то, о чем мечтали многие поколения лучших сынов человечества, что они проповедовали, за что отдавали свои жизни. Среди них были кузнецы и крестьяне, монахи и профессора, люди, постигшие таинства наук, и люди, не умевшие расписаться. В снах и мечтаниях им брезжил рассвет того сверкающего дня, в сиянии которого выпало счастье жить и трудиться нам!

Бродя по улицам мглистого Лондона, великие основоположники научного коммунизма предвидели то светлое будущее человечества, которое мы превращаем в действительность. Гениальный зодчий нового общества В. И. Ленин подхватил знамя борьбы из рук Маркса и Энгельса и передал его миллионорукой армии борцов за новый мир — армии ленинцев.

Ленин начал жить в эпоху бурных социальных сдвигов и столкновений. В центре капиталистической Европы, в городе, знавшем Вольтера, Монтескье, Гюго и Бальзака, в городе, удочерившем «Марсельезу» и разрушившем Бастилию, вспыхнуло гневное восстание коммунаров, озарившее алым пламенем далекий небосклон. Не случайно в восставший Париж из глухого уголка Балкан была послана телеграмма, подписанная славным сыном маленькой, угнетенной турками Болгарии — Христо Ботевым, заканчивающаяся словами: «Да здравствует Коммуна!» В этих словах звучало пожелание всех сражавшихся за свободу.

Величие Ленина в том, что он и мудрость марксизма, и революционный пыл Парижской коммуны, и несгибаемость русского рабочего класса, и социальные интересы трудового крестьянства, и еще многое из того, что мог увидеть зорким глазом, постичь пытливым умом, понять сердцем, сумел сцементировать непоколебимой волей, обогатить гениальной мыслью, окрылить конкретным, целеустремленным лозунгом, превратить в боевую задачу дня, сделать достоянием масс.

Великое наследие Ленина, бессмертное знамя марксизма-ленинизма ведут Коммунистическую партию Советского Союза по славному, победоносному пути. Решения XXI съезда партии, утвердившего изложенные в докладе Н. С. Хрущева задачи развернутого коммунистического строительства, являются новым, знаменательным этапом в осуществлении заветной мечты человечества о разумной и справедливой организации общества.

В иностранной печати, в беседах с иноземными недругами, с людьми, не определившими свою точку зрения, а иногда и с друзьями часто возникает вопрос об индивидуализме и коллективизме, о так называемой свободе личности и прочих понятиях, давно превратившихся при капитализме в абстрактные фикции и лицемерные ширмы.

Идеологи капитализма видят единственное спасение от бурь и гроз современности, от угроз надвигающегося будущего в разжигании расовой вражды, в отрыве единицы от коллектива, в окружении человека непроницаемой стеной суеверий и предрассудков, в растлении его души патологическим индивидуализмом и эгоцентризмом. Живи сам для себя, считай себя центром вселенной, делай свой бизнес, хватай сколько удастся, а если рядом с тобой кто-то погибает от нищеты или болезней — это тебя не должно касаться. Вот циничный и убогий смысл подобных философствований.

О какой «свободе личности» или «свободе творчества» могут помышлять художники Парижа, рисующие за бесценок портреты туристов в переулках Монмартра или чертящие разноцветным мелом свои «полотна» на тротуарах больших бульваров в ожидании жалкого гонорара от прохожих!

А разве намного лучше, к примеру, судьба писателей Аргентины, которые, чтобы заработать на жизнь, вынуждены торговать железом в порту Росарио или служить счетоводами в конторах Буэнос-Айреса?! Подавляющее большинство из них давно отказалось от литературных гонораров,— хотя бы книгу как-нибудь издать не за свой счет!

А что могут сказать о «свободе личности», о «правах человека» коренные жители Африки, познавшие все мерзости и подлости капиталистической «цивилизации» колоний и полуколоний, или безработные, ночующие на улицах Парижа, в римском Колизее, на берегах Гудзона?

Социализм утвердил себя в умах и сердцах передовых людей всего мира как самый гуманный социальный строй. Переход от социализма к коммунизму будет знаменовать дальнейшее торжество творческого труда, гуманных, человеческих отношений, торжество строя, при котором общество, государство обеспечивают право на труд по призванию, на всестороннее образование, культурный отдых, счастье.

Мы, строители коммунизма, поставили сейчас величественную задачу дальнейшего мощного развития техники, всех видов промышленности, сельского хозяйства, торговли, бытового обслуживания, жилищного строительства, расцвета социалистической культуры. Если внимательно изучить каждую цифру семилетки, проанализировать каждую задачу, охватить мысленным взором пути будущего, то, право же, не найдешь той грани, той черты, которая отделяла бы интересы государства, общества от твоих собственных, личных!

Разве гигантский размах капитального строительства не касается тебя, твоих близких, твоих детей, не является твоей целью, твоей задачей? Разве увеличение продукции земледелия и животноводства не повлияет на твой жизненный уровень, на твое благополучие? И так в каждой отрасли труда и строительства.

Советские люди давно привыкли быть подлинными хозяевами не только своей личной жизни, но и жизни своего села, города, республики, страны. Это и есть полноценная жизнь, настоящее счастье.

В конце прошлого года я покидал Нью-Йорк, где провел три тягостных месяца. Облаченные в традиционную одежду, местные деды-морозы собирали милостыню на рождественские подарки для безработных. В Нью-Йорке сотни тысяч официальных и неофициальных безработных. Что им дадут собранные жалкие центы? Несколькими днями раньше на 5-й авеню и 42-й стрит я видел промокших под дождем девушек в белых передниках с красным крестом. Это сестры милосердия просили о помощи муниципальным больницам. Только небольшой процент самых нищих пациентов пользуется услугами городских госпиталей, существующих на жалкие подачки жертвователей. Медицинское обслуживание населения США в частных руках. Болезнь даже для среднего американца часто является причиной материального разорения. Как разительно мрачна эта картина по сравнению с тем, что установлено у нас законом: бесплатное медицинское обслуживание, широкая сеть больниц и поликлиник!..

Рядом с небоскребами в Нью-Йорке, как и в других городах Америки, ютятся допотопные трущобы, и даже в них, несмотря на чудовищную грязь и тесноту, квартиры непомерно дороги. А домовладельцы не только не улучшают санитарного состояния этих лачуг, они не только не строят новых домов, но сносят малорентабельные домишки и на их месте устраивают более прибыльные стоянки для автомобилей.

И как тут не вспомнить о цифрах, которые назывались в докладе товарища Н. С. Хрущева и в речах выступавших с трибуны внеочередного XXI съезда КПСС! Сто двадцать миллионов квадратных метров жилой площади введено в нашей стране только за последние два года. За семилетие будет построено в одной лишь Украине 100 миллионов квадратных метров отличного жилья для тружеников города и деревни, а по всему Союзу намечается построить жилые дома общей площадью 650—660 миллионов квадратных метров, или около 15 миллионов квартир.

Какие стороны современной жизни ни взял бы, всюду видно колоссальное преимущество социализма и коммунизма. Вращающаяся вокруг Солнца, созданная руками советских людей, искусственная планета является ярким символом нашего неустанного стремления вперед и ввысь, неопровержимым доказательством того, что самые дерзновенные мечты мы претворяем в явь!

В дни декады

В связи с декадой искусства и литературы Узбекской ССР в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открыта выставка художников Узбекистана. На выставке представлены самые разнообразные жанры, широко показано народное искусство: керамика, резьба по дереву, роспись лаком.

На снимке: директор Музея изобразительных искусств А. И. Замошкин, заместитель министра культуры СССР В. И. Пахомов, народный художник СССР Б. В. Иогансон, заместитель Председателя Совета Министров Узбекской ССР Р. Г. Гуламов и секретарь ЦК КП Узбекистана З. Р. Рахимбабаева знакомятся с выставкой.

Фото Б. Вдовенко.

ПЕРЕЛОМ

Планом намечается укрепление межреспубликанских экономических связей и расширение социалистического разделения труда.

(Из доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС).

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Фото С. Кулишова и М. Фришмана

Эта непростая история началась несколько лет назад...

Директор завода вернулся из поездки в Москву невеселый, чем-то раздосадованный. Когда инженер Саладдин Мансур оглы Гаджибеклинский, недавний выпускник Азербайджанского индустриального института, вошел в кабинет Насруллаева, куда уже собирались вызванные начальники цехов, директор разговаривал по телефону. По его раздраженным репликам: «Теперь ни вала, ни товара!», «Разве с нами посчитаются?» — инженер понял, что Насруллаев привез из командировки печальные вести.

— У нас отбирают производство «ЖЭС»,— без всяких предисловий сообщил директор, положив телефонную трубку.— Передают ереванскому заводу. С чем и поздравляю!

Саладдин невольно поежился вместе со всеми.

«ЖЭС» — сокращенное название передвижных электростанций для целинных совхозов и новостроек. Вот уже несколько лет эти портативные агрегаты, работающие на жидком топливе,— основная продукция родного для Гаджибеклинского Электромашиностроительного завода, возникшего после войны на северо-восточной окраине Баку, на пустыре возле поселка Кишлы. На «ЖЭС» он впервые испытал свои силы как инженер. Сколько натерпелись, намучились, пока отладили технологию, подобрали станки, оснастку, научили людей!.. И теперь, когда «ЖЭС» стали приносить предприятию и доходы и имя, их отнимают у завода!

— Разве были рекламации на наши «ЖЭС»? — спросил кто-то из начальников цехов.— В чем дело?

— Никаких рекламаций,— сказал директор.— Тут другое. Нам предложено целиком переключиться на выпуск двигателей. Нам — двигатели, а Еревану — передвижные. И все...

«Какая несправедливость! Почему все-таки не хотят с нами считаться?» — с недоумением думал инженер, возвращаясь после совещания в цех.

...Вечером на квартиру к Гаджибеклинскому в большом заводском доме в поселке у Балаханского шоссе заглянул старый его товарищ — коммунист конструктор Тер-Микаэлян, невысокий, рано поседевший человек, с умными, чуть печальными глазами.

Разговор за чаем шел, конечно, о большой заводской новости.

— Подумай! Дали один месяц на всю перестройку, а планы по валу не снижают. Где мы столько обмотчиц возьмем? Механический участок разве справится? Завалим по всем показателям!

— Только в панику не впадай,— негромко сказал Тер-Микаэлян.— Москва требует, но Москва и поможет. Ну, что такое «ЖЭС»? Положа руку на сердце, малоинтересная работа. Сочленяем каркас и генератор, щиток управления монтируем. Двигатели же получаем со стороны... А тут будем делать все сами. Сами! Запустим целую серию асинхронных до ста киловатт. Да еще свыше ста киловатт — одиннадцатого габарита. Я давно об этом мечтал: используем новейшие синтетические изоляционные материалы с высокой теплостойкостью. Есть на чем себя проверить как инженеров. Разве плохо? Или хочешь спокойной жизни?

— Это ты все с конструкторской точки зрения. А будь ты в моей шкуре...

— Не с конструкторской, а с политической,— серьезно возразил Тер-Микаэлян.— С общегосударственной, если хочешь. Все эти разговоры, что «нас обидели», «обошли», «чем мы хуже Еревана», и т. д., и т. п.,— все это отдает узостью... местничеством. Партия сейчас борется с местническими настроениями. В Ереване и раньше строили передвижные электростанции. Там, в Ереване, легко удвоить, утроить выпуск «ЖЭС». А нам здесь, рядом с промыслами, рядом с перерабатывающими заводами, где всегда такая огромная потребность в моторах,— нам сам бог велел специализироваться на двигателях.

— Может, ты и прав,— хмуро уронил Гаджибеклинский.

Он принадлежал к типу людей горячих, увлекающихся, для которых мучительно трудно бывает порой переменить взгляд по тому или иному вопросу, хотя бы этого и требовала жизнь.

Простой, казалось бы, незначительный случай вывел главного технолога из этого неопределенного душевного состояния.

Попросил расчета с завода один из лучших мастеров-сборщиков.

— Нам тут больше делать нечего,— сказал он Гаджибеклинскому.— Другие сборщики тоже уходят.

— Подожди. А двигатели? Запустим целую серию асинхронных,— неожиданно для себя повторил технолог фразу Тер-Микаэляна.

— Двигатели... А что на них заработаешь? — усмехнулся мастер.

И вот эта холодная усмешечка вдруг вызвала взрыв в душе Гаджибеклинского.

Бегут! Бегут с завода в самые трудные дни...

Но разве вправе он обвинять этих людей, когда сам фактически находится сейчас «в бегах» от дела?..

...Вскоре Гаджибеклинский поехал в Москву с важным поручением: на станкостроительном заводе имени Серго Орджоникидзе нужно было договориться о подготовке технического проекта автоматической линии для обработки станин двигателей. Из Москвы — в Таллин, на старый известный завод «Вольта». Оттуда вернулся не один, а с бригадой квалифицированных обмотчиц: они должны были научить бакинских девушек, работниц БЭМЗа, скоростным приемам обмотки статора и ротора.

Как нередко бывает в крутые, переломные моменты жизни больших коллективов, одни люди, имевшие прежде и заслуги и положение, терялись и уходили в тень, а другие — скромные, незаметные — выдвигались вперед.

Теперь много помогал налаживать производство слесарь-рационализатор Николай Петрович Новиков.

Николай Новиков — высокий, светлолицый, говорит глуховатым отрывистым голосом. Всегда с какими-то очень нужными и удивительно своевременными мыслями: «На продольно-строгальном шлифовальную головку хорошо бы поставить, а? Как ты считаешь, Саладдин Мансурович? Это же сколько времени тратим на ручную шабровку!.. А как будем с прессами? Неужто начальника цеха Мурадова не одолеем?»

Об эпизоде с прессами рассказать надо подробнее.

Каждый пресс обслуживался двумя работницами: одна вкладывала заготовку под штамп, другая вынимала.

Один только двигатель требует пятьсот стальных листов. Посчитайте, сколько же нужно на сотню! Поскольку заводская программа по двигателям резко возросла, возросли и требования к прессам: они должны были теперь работать в три — четыре раза быстрее. Как достичь этого? Над трудной задачей бились рационализаторы.

Технолог предложил очень простую идею: изменить положение пресса — поставить его не ровно, прямо, как обычно стоят в цехе станки, а с наклоном в одну сторону. Использовать силу свободного падения! Он рассчитал, что тогда отпадет необходимость в рабочем, который вынимает из-под штампа заготовку. Заготовка сама упадет! Темп работы значительно ускорится. Одной ручной операцией, к тому же весьма опасной, нередко приводящей к травмам, станет меньше.

«Все повалится! — предрекали скептики.— Только пресс угробим». Начальник штамповочного цеха Мурадов не разрешил рационализаторам использовать для эксперимента один из действующих прессов. «Не мешайте работать!— ответил он грубо на просьбу Гаджибеклинского.— Что вы все ломать стараетесь!»

Пришлось пойти в партком, к директору.

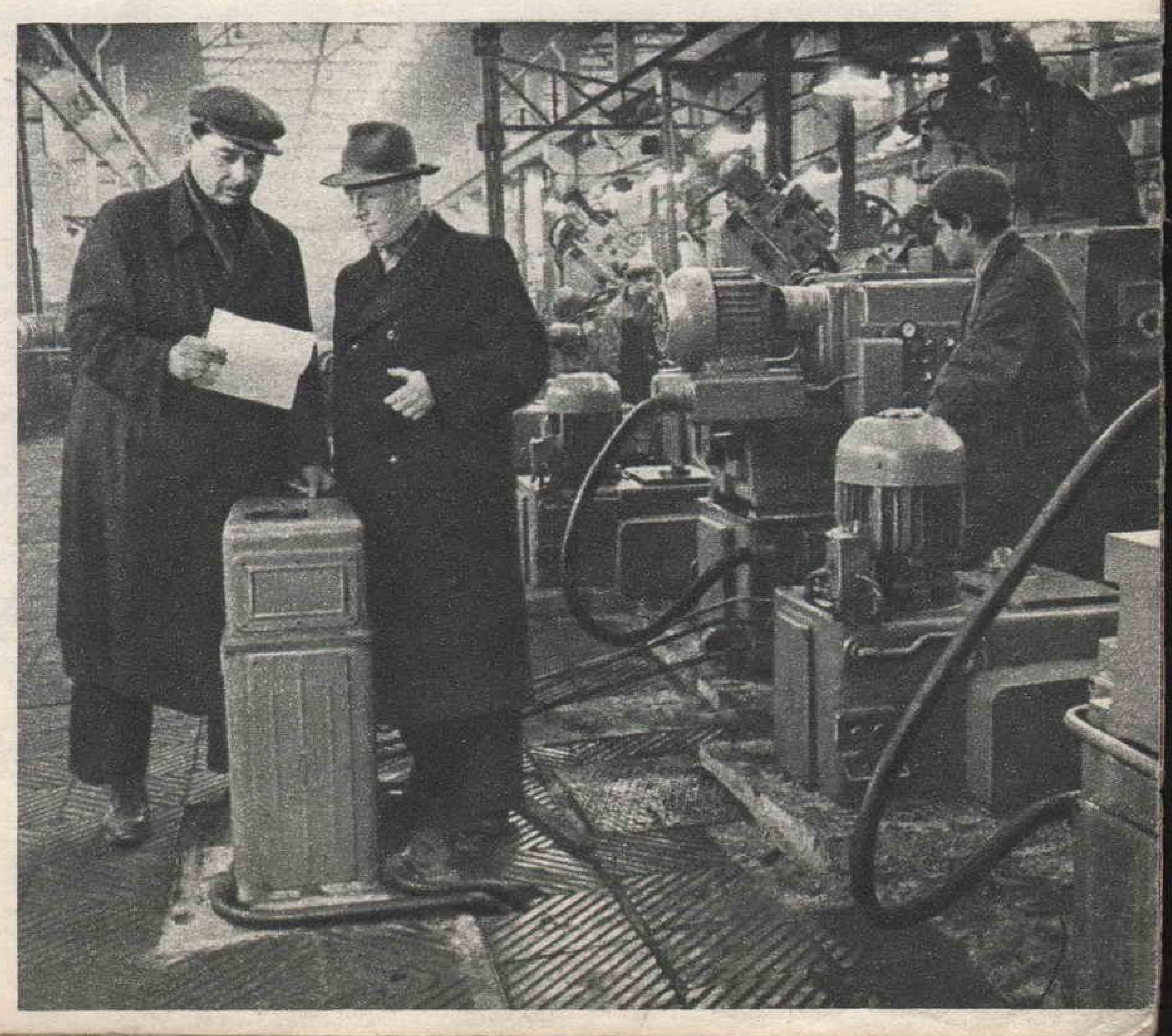
Вопреки литературной схеме директор завода сразу же поддержал новаторов. Насруллаев так сказал Мурадову:

— Если вы, уважаемый, чего-то не понимаете, постарайтесь понять, поучитесь. А рационализаторам мешать не смейте.

На группу Гаджибеклинского все еще смотрели, как на опасных чудаков, когда они соорудили яму возле одного из прессов. Пресс отвинтили от пола и осторожно наклонили в сторону ямы, потом прочно закрепили в наклонном положении. Это было странное, непривычное зрелище: машина покосилась, как пьяная. Но когда началась штамповка стальных листов, иронические реплики сменились возгласами удивления и одобрения. Пресс выбрасывал отштампованные листы быстро и равномерно.

— Такой один — три пресса заменит!

А что же Мурадов? Он не руководит больше штамповочным цехом: перевели товарища на другую работу, попроще. Что же, в

На автоматической линии по обработке станин двигателей. Начальник моторного цеха Федор Степанович Леонтьев (слева) и директор завода Насрулла Идаятович Насруллаев.

Инженер Саладдин Гаджибеклинский (слева) и техник-конструктор Али Садыхов.

этом тоже есть своя закономерность.

...Шли месяцы. Менялся облик завода. Двигались на новые линии станки. Расширялись цехи, возникали новые лаборатории. Недалеко от старых корпусов стали подниматься стены большого механизированного литейного цеха.

Но еще интересней, чем внешние перемены, были перемены внутренние.

Ни у кого не просил БЭМЗ новых кадров специалистов — он сам их готовил, растил: и у рабочих мест в пролетах цехов, и на постоянно действующих двухгодичных курсах мастеров, и в заводском филиале Энергетического техникума, и в вечернем филиале Политехнического института.

Тер-Микаэлян приходил на рабочие собрания и рассказывал, что двигатели с маркой «БЭМЗ» идут уже по сотням адресов. Они нужны и там, где качается нефть, и там, где катается сталь, где обмолачивается зерно и где прокладываются новые дороги. Нужны не только в Советской стране, но и в Китае и Египте, в Афганистане и Турции. Семилетка потребует, чтобы двигателей производилось в три раза больше, чем сейчас, причем в самых различных вариантах и самого высшего качества.

Из Москвы, с завода имени Серго Орджоникидзе, прибыл наконец долгожданный груз — ящики с оборудованием для первой заводской автоматической линии.

У Саладдина Гаджибеклинского снова началась страда.

Кому доверить монтаж и пуск? Видимо, без вызова из Москвы специальной монтажной бригады не обойтись. Так он и сказал директору завода.

— А если доверить Санану Ахундову? — спросил Насруллаев, подумав.

— Ахундову?

Саладдин считал молодого инженера Ахундова не очень-то подходящим человеком для такого серьезного дела.

— Футбол больно любит,— неопределенно заметил он.

— Ты, что ли, не любишь? — засмеялся директор.

— Энергии в нем, правда, много...

С неким внутренним укором вспоминал потом главный технолог этот разговор. Почему усомнился в Ахундове? Разве сам он был опытнее, когда прямо со студенческой скамьи попал в цех?

Только сам бригадир Ахундов и его ребята-комсомольцы, сутками не покидавшие сборочную площадку, могли бы рассказать, чего им стоило отладить эту линию.

Незадолго до пуска Гаджибеклинского назначили начальником специального конструкторского бюро, у которого главной темой была механизация и автоматизация. Он не возвращался домой после работы — ночевал на диванчике в кабинете. И нередко, еще не совсем проснувшись, видел смутно маячившую в дверях кабинета долговязую фигуру Ахундова, слышал горячий шепот:

— Золотниковую опять заело... На «АО-7» головка не держится.

Начальник СКБ стряхивал остатки дремы и вместе с бригадиром шел доводить линию «до ума».

Уже ожили транспортеры, площадки — «спутники», которые несли на себе станины двигателей, как вдруг опять заело... Что такое? Малюсенькая деталь — собачка механизма подачи станин — соскочила со своего места и упала куда-то в картер станка. Там темно, ничего не увидишь. Переносная лампа не помогает...

— Черт тебя возьми, Ахундов! Где твои глаза были?

— Сделаем новую собачку, Саладдин Мансурович.

— Так ведь полчаса осталось до пуска!

— Успеем!

И они успели.

И вот линия пущена. Первая автоматическая линия не только на заводе, не только в Баку, но и во всей Азербайджанской ССР.

...Под мягкими голубоватыми лампами дневного света медленно, но неуклонно движется цепочка отливок. Железные пальцы механизмов подставляют их под резцы, фрезы, развертки, поднимают в воздух, чтобы вытряхнуть изнутри мелкую стружку, опять ставят на транспортер. В конце линии растет горка готовых станин. Они обработаны с минимальной затратой физического труда.

Гаджибеклинский вспоминал и сопоставлял. Да, Тер-Микаэлян оказался дальновиднее его. Друг уже тогда, в самом начале перестройки, понял то, что теперь стало ясно и ему: перестройка означала большой скачок в техническом прогрессе на заводе. Вот этот автоматический участок — островок будущего. Правда, пока еще один только островок. Сразу за ним — тесные пролеты с тихоходными станками, старые верстаки, горы стружки, медлительные краны... Как много еще предстоит сделать!

— Саладдин Мансурович, есть предложение!

Это опять комсомольцы: Ахундов и его товарищи — Володя Рябчиков, Агавеис Мурсалов, Али Садыхов... В руках у них листок, лица разгорелись, видно, о чем-то спорили... Спорят — значит, мыслят, значит, рвутся к будущему!

* * *

Концовкой этой истории может быть телефонный звонок, который на днях прозвучал в редакции. Звонили из Баку, с Электромашиностроительного:

— Если можно, внесите дополнение в очерк. Монтируется уже вторая автоматическая линия, а летом пустим третью. Семилетку начали так: в январе 1959 года дали моторов на шестьдесят процентов больше, чем в январе прошлого. Так коллектив отвечает на решения Двадцать первого съезда...

Славу Ленину, Партии славу пою

Гафур ГУЛЯМ

Я, узбек, на кремлевской трибуне стою.
Ты, Советская власть, мне дала это право!
Я великую Партию славлю свою.
Ей народ мой обязан всесветною славой.

Не могло и присниться отцу моему,
Чтоб держал свою голову так высоко я.
Ленин дал эту гордость мне — слава ему!
От светлейшего солнца мне счастье такое!

Братской дружбы взрастили мы в мире цветы.
Золотым кирпичом нашей Родины зданье
Довели до невиданной мы высоты,
Укрепив небывало его основанье.

От позорного рабства избавив людей,
Делом чести мы сделали труд человека.
Свой у каждого путь среди многих путей.
Хлопководство — издревле дорога узбека.

Как своих земляков тут приятно встречать!
В сердце радость поет, как веселые трубы.
Кумрихон! Твои косы цветами венчать
Здесь, в Кремле, мне сегодня особенно любо!

И тебя как я счастлив тут видеть, Шермат!
Своего Избаскента ты слава и чудо!
На узбекских полях всем отец я и брат,
Все мне дочки и сестры, и гость я повсюду.

Вы, что здесь заседаете нынче в Кремле,
Вы, чей хлопок в стране, словно золото, ценен,
Вы счастливейшие из людей на земле:
Ведь сюда пригласил вас бессмертный наш Ленин!

Кто в Голодной степи свет науки возжег?
Это Ленинский гений и Ленина подпись!
Кто свободы завет, великан мой Восток,
Начертал на груди твоей жемчугом строк?
Это Ленинский гений и Ленина подпись!

Мы растем, и наш хлопок растет что ни год,
Мы работаем, знанья и силы утроив.
Щедро Партией ты награжден, мой народ,—
Мы имеем и дважды и трижды героев!

Ты, Ташкент мой,— ворота Востоку всему,
А Москва, наша мать,— средоточье вселенной.
Нам дала она мир, и несем потому
Знамя мира народам и дружбы священной.

Как чисты Алишеровы совесть и стих
И как светел в столетиях ум Улугбека,
Как горячая кровь древних предков моих,
Что бурлит в моих жилах поэта-узбека,

Наша братская дружба чиста и светла.
Мы от ленинского не отступим завета.
Нас забота о мире сюда привела,
И об этом, друзья мои, слово поэта!

Хлопок стал знаком дружбы на мирном пути,
Он принес для узбекских дехкан изобилье.
Окрыленный народом, ты, стих мой, лети
И народ вдохновляй, чтоб тебя не забыли...

Размышляя о будущем, здесь я стою,
И рокочут, ликуют души моей струны.
Славу Ленину, Партии славу пою,
Приношу им спасибо с кремлевской трибуны.

Перевел с узбекского
Л. ПЕНЬКОВСКИЙ.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

В. П. Пасхин (слева) и плотник А. В. Липкин на строительстве Череповецкого телецентра.

Фото Г. Удальцова.

Кандидат строителей

На стройках Череповца уже давно считают обычным, что там, где особенно трудно, где от плотников требуется не только мастерское владение топором, но и искусство столяра, работает бригада В. П. Пасхина. Первой она освоила и совершенно новые плотницкие работы на строительстве крупнопанельных бескаркасных домов.

Вдумчивый, расчетливый, увлеченный своим делом бригадир умеет организовать работу. Его рационализаторские предложения облегчают труд строителей, делают его безопасным.

По достоинству оценила Родина труд Василия Петровича Пасхина, наградив его в прошлом году в День строителя орденом Ленина.

Многотысячный коллектив стройки назвал Пасхина кандидатом в депутаты Верховного Совета Российской Федерации.

В. ВИКУЛОВ

Посланец серовских металлургов

Кажется, недавно здесь была проезжая дорога, где весной и осенью то и дело буксовали машины, с трудом проходили люди. А теперь тут протянулось асфальтовое шоссе. Идет иной человек по гладкому асфальту да и вспомнит Петра Филипповича Лопатина. Немало усилий приложил он для того, чтобы добиться ассигнований на благоустройство этой дороги, ведущей к поселкам металлургов и железнодорожников. Сооружается новый квартал домов в Серове, и здесь доля труда Петра Филипповича. Это он в областном Совете добился изменения проекта застройки города, и теперь новоселы получат гораздо больше удобств.

В Серове, городе металлургов Северного Урала, пожалуй, нет человека, который не знал бы Петра Лопатина. Люди молодые и среднего возраста уважительно величают его по имени-отчеству, а старые доменщики, которые помнят Лопатина «фезеошником» — подручным горнового, зовут его «наш Петя».

...В 1953 году старшего горнового, имевшего уже почетное звание «Лучший горновой Советского Союза», серовцы послали своим депутатом в областной и городской Советы, и часто после смены его можно было встретить на новостройках города, в коллективных садах, рабочих столовых, на квартирах избирателей. Всюду он чувствовал себя хозяином, посланцем рабочего класса.

П. Ф. Лопатин.

Фото И. Тюфякова.

В нынешнюю избирательную кампанию серовские металлурги дружно назвали коммуниста Лопатина, самого молодого на Серовском металлургическом комбинате мастера доменных печей, своим кандидатом в депутаты Верховного Совета Российской Федерации.

За прошлый год смена Лопатина выдала 4 286 тонн чугуна сверх плана и сэкономила один миллион сто тысяч рублей. Коллективы доменных печей, которыми руководит кандидат в депутаты Верховного Совета РСФСР, борются за звание бригад коммунистического труда.

А. ГРИГОРЬЕВ

Лейда и Линда Коппель репетируют песни, с которыми они выступят перед избирателями.

Фото С. Розенфельда.

Избиратели округа № 14

Во время прошлых выборов в Верховный Совет Эстонской ССР агитаторы обходили это место на улице Ломоносова сторонкой: за дощатым забором, рыча, бульдозеры расчищали последние в Таллине развалины, самосвалы увозили груды битого кирпича и искалеченного железа.

Теперь здесь стоит пятиэтажный дом с большими широкими окнами. Год назад в него вселилась дружная, веселая молодая семья — 350 человек—студенты Таллинского педагогического института, новые избиратели округа № 14 по выборам в Верховный Совет Эстонской ССР.

В субботний вечер студентка Хельга Нукки — председатель совета общежития знакомит нас с жителями этого дома.

На нижнем этаже — студенты физкультурно-музыкального факультета, самый веселый и подвижной народ. Мы застали их у выхода, в спортивных костюмах, с лыжами на плечах: пока еще не совсем стемнело, торопились на лыжную прогулку.

Заглядываем в чистенькие комнаты на 3—4 человека: стенные шкафы для белья и одежды, удобные столы для занятий.

— С тех пор, как мы перешли на самообслуживание и убираем не только свои комнаты, но и коридоры, кухни, столовые и комнаты отдыха, у нас стало значительно чище: ребята строже сохраняют порядок,— говорит Хельга.

Здесь же, на первом этаже, амбулатория. У врача часы приема. Но больных нет, пустуют койки в двух изоляторах.

В одной из комнат отдыха постукивают белые мячи настольного тенниса; здесь много любителей этого спорта. Этажом выше играют в бильярд, а в комнате отдыха третьего этажа сестры-близнецы Лейда и Линда Коппель готовятся к предвыборному концерту, который в ближайшую субботу состоится в институтском агитпункте.

В общей комнате на пятом этаже тишина. Здесь студенты 5-го курса Ильзе Уутам, Лууле Маркс, Хели Ааре и Яан Муре заканчивают алфавитные списки избирателей общежития и сегодня же отнесут их на участок, который находится в институте.

— Народ у нас живой,— говорит на прощание Хельга Нукки,— большинство комсомольцы, во всех общественно-политических делах участвуют активно. Да могут ли иначе будущие учителя!

Н. ХРАБРОВА

ЕГО ВЫДВИНУЛИ КРАСНОЛИМАНЦЫ

Коллектив депо Красный Лиман выдвинул беспартийного машиниста Макара Ильича Шпака кандидатом в депутаты Сталинского областного Совета депутатов трудящихся.

Фото Б. Аксельрада.

Память о герое

Имя разведчика Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова — символ беспредельного мужества и любви к Родине.

Как память о замечательном боевом товарище хранил командир партизанского отряда Герой Советского Союза Д. Н. Медведев кобуру пистолета Кузнецова, которую разведчик сменил, уходя на одно из последних заданий.

Сейчас эта реликвия передана в Центральный музей Советской Армии.

В. ГЕТМАН

О тех, кто встретился у рейхстага

На одной из стен рейхстага была сделана надпись: «Братья Саркисовы из Баку с победой пришли в Берлин» — и четыре имени под этими словами. Разными фронтовыми дорогами шли они в столицу Германии. Но победу отпраздновали вместе.

С первых же дней Великой Отечественной войны старший сын старого бакинского сталевара Мелика Саркисова — Григорий — защищал Ленинград, участвовал в освобождении Белоруссии, Польши, штурмовал Берлин. Шесть боевых орденов и медалей украсили грудь храброго воина. Второй сын — Шаген — с танковой ротой прошел путь от Сталинграда до Берлина. Три ордена и пять медалей — свидетельство боевых подвигов офицера Шагена Саркисова. Третий сын — Рафик— тоже стоял на защите Ленинграда, участвовал во многих боях, отличился при освобождении Варшавы. Командование польской армии наградило советского воина боевым орденом. Нелегкий путь от Сталинграда до столицы Германии прошел и младший из братьев — Вачаган.

По счастливой случайности в Берлине Григорий встретился с Шагеном. Через несколько дней братья разыскали Вачагана, а затем и Рафика.

Что же делают братья сейчас?

В сталелитейном цехе завода имени лейтенанта Шмидта варит сталь Григорий. Он ежегодно избирается председателем цехового профсоюзного комитета. На должность начальника цеха выдвинут Рафик. Вачаган окончил институт и работает инженером в морском порту. Подполковник Шаген Саркисов служит в рядах Советской Армии.

Н. ПАНИЕВ

г. Баку.

Братья Саркисовы в 1945 году у рейхстага.

Саркисовы (слева направо): Рафик, Григорий, Вачаган.

Фото В. Ибадова.

ТОЛЬКО ПЕРВЫМ СОРТОМ

С. МОРОЗОВ

Фото М. САВИНА.

Сколько обуви износили вы на своем веку? Начнете припоминать — собьетесь со счета. Сколько сменили фасонов и покроев ботинок, цветов и оттенков кожи, подчиняясь всесильным и порой малопонятным законам моды!

Если башмак жал вам ногу, натирал «любимую мозоль», быстро стаптывался, вы в сердцах чертыхались, разглядывая на подметке уже полустертую фабричную марку. Но, странное дело, редко кто помянет добрым словом сапожного мастера, если обувь хороша, прочна, удобна в носке...

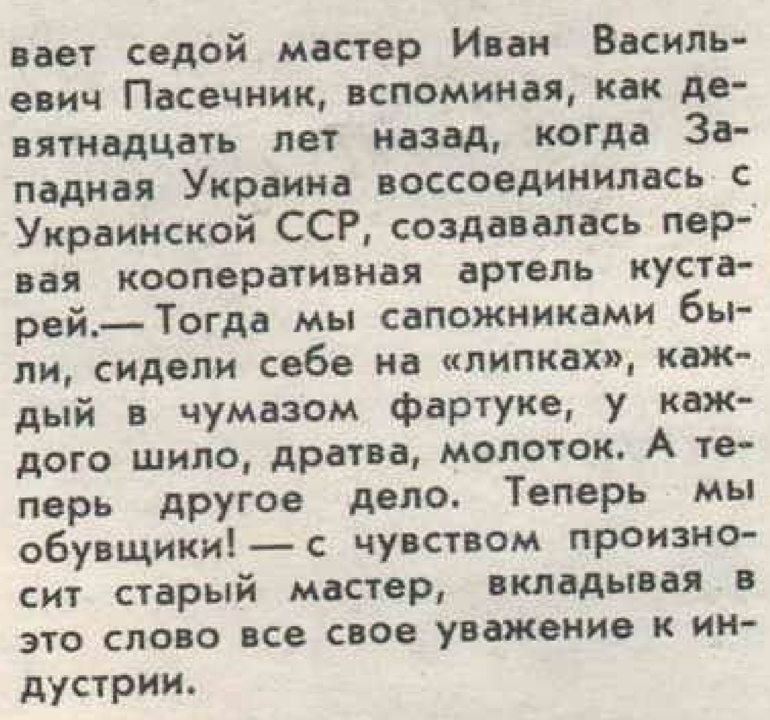
Обо всем этом мы задумались во Львове, на тихой улице Декабристов, у фабричных ворот, где вместе с нами получали пропуска приезжие из Москвы, Ленинграда, Киева. На их командировочных удостоверениях красовались штампы фабрик «Парижская коммуна», «Скороход» и других крупнейших предприятий страны. Были тут и мастера, и бригадиры, и технологи, и начальники цехов. И никто не скрывал цели своего приезда: прибыли учиться, перенимать опыт.

Хоть и невелика фабрика во Львове, но прочную славу завоевала она в обувной промышленности. Здесь выпускают продукцию только первым сортом.

Вот и бюро пропусков позади. Мы проходим во двор и в недоумении спрашиваем: «А где же фабрика?» Как-то непривычно выглядят тут ряды тополей, садовые дорожки со скамеечками. Аккуратностью, щеголеватостью поражают и люди в белых халатах и золотистые шары электрических ламп рядом с ветвистыми пальмами, которые осеняют почти бесшумно движущийся конвейер.

Этими приметами любуются вместе с нами и гости львовских обувщиков: москвичи, ленинградцы, киевляне. Чистота, опрятность и в цехах и на дворе сразу заставляют забыть о том, что, в сущности, здесь порядком тесновато, что помещения отнюдь не специально выстроены для фабрики, а лишь приспособлены к нуждам производства.

— Склады тут были,— рассказывает седой мастер Иван Васильевич Пасечник, вспоминая, как девятнадцать лет назад, когда Западная Украина воссоединилась с Украинской ССР, создавалась первая кооперативная артель кустарей.— Тогда мы сапожниками были, сидели себе на «липках», каждый в чумазом фартуке, у каждого шило, дратва, молоток. А теперь другое дело. Теперь мы обувщики! — с чувством произносит старый мастер, вкладывая в это слово все свое уважение к индустрии.

— Раньше звались мы сапожниками, а теперь стали обувщиками,— говорит старейший мастер И. В. Пасечник.

Он широким жестом обводит ряды станков, на которых вырубаются по штампам подошвы, набойки, стельки — все то, что принято называть «деталями низа».

В соседнем цехе под массивными прессами большие разноцветные кожи раскраиваются на множество замысловатых по форме частиц, из которых будут сшиты ботинки, туфли, сандалеты.

Интересно рассказывает о «топографии кожи» начальник цеха Клавдия Павловна Бессонова.

— Вот чепрак. Видите, какой он эластичный, гибкий, в любую сторону тянется. Из чепрака мы кроим союзки — передние, наиболее прочные детали обуви. А берцы — детали менее ответственные — можно кроить из лап...

На стене эта «топография кожи» представлена наглядно. Точно обширный материк на карте, испещренный хребтами, озерами, заливами, выглядит на плакате кожа, пестреющая множеством пятен: продолговатых, извилистых, полукруглых. Таковы наглядные инструкции каждому рабочему.

— Ведь кроить надо так, чтоб меньше было отходов, чтоб самая узенькая полоска кожи не пропадала впустую,— поясняет Бессонова и добавляет с улыбкой: — Говоря бухгалтерским языком, процент использования сырья у нас обязательно выше планового.

У Стефы это получается лучше всех в цехе, — продолжает Клавдия Павловна, знакомя нас с молодой закройщицей Стефанией Олениной.— Недавно, кажется,

— Молодец, Стефа! Больше деталей — меньше отходов.— Начальник цеха К. П. Бессонова довольна работой лучшей закройщицы Стефании Олениной.

еще бегала Стефа в школу ФЗО, а теперь глядите, любуйтесь.

И впрямь залюбуешься уверенными, быстрыми движениями закройщицы, позавидуешь ее точному глазомеру. Вот широченная «штука» кожи раскроена на множество кусочков, полосок, таких сложных по форме и столь несхожих меж собой. Тончайшим кожаным кружевом выглядят остатки.

Единственный контролер в цехе — приемщик готовой обуви В. П. Карпинец. Но за качество борются все рабочие на конвейере:

Отходы? Нет, отходами это назвать нельзя. Из обрезков на фабрике делают ремешки для ручных часов — изящные плетеные браслеты, которые буквально нарасхват в галантерейных магазинах.

«Копейка рубль бережет». Львовские обувщики избрали эту пословицу своим девизом. За один год из 180 тысяч пар обуви, выпущенной сверх плана, 105 тысяч пошиты фабрикой из сэкономленного материала.

«А не в ущерб ли это качеству?» — такой вопрос хотели мы задать контрольному мастеру в цехе. Но на всей фабрике ни в одном цехе мы не нашли подобной должности. Только там, где с конвейера сходит готовая продукция, качество ее проверяет приемщик.

В цехе модельной обуви, например, мы беседовали с приемщиком В. П. Карпинцем, который придирчиво осматривал то мужские полуботинки, то сандалеты, то босоножки.

— Виновника брака сразу узнаю по клейму: каждый рабочий оставляет на обуви свое клеймо,— рассказывает Карпинец. — А пока обувь идет по конвейеру, каждый старается не только отлично выполнить свою операцию, но и следит за работой соседа.

После короткой паузы он показал в глубь цеха:

— Вон, глядите: Глебов — на затяжке, Попов — на строчке подошвы, Садовой — на фрезеровке... Все за одного, и один за всех. Весь цех душой болеет за нашу фабричную марку.

Затем мы беседовали с директором фабрики Федором Федоровичем Коваленко.

— Было у нас раньше,— сказал он,— семьдесят межоперационных контролеров. Семьдесят наблюдателей — шутка ли? А теперь все они, что называется, при деле. У каждого своя производственная специальность, свое рабочее место. И хоть нет штатных контролеров, но такой массовый контроль за качеством куда строже.

Мы попросили директора рассказать, давно ли начался выпуск продукции только первым сортом и кто был инициатором этого.

— Точную дату не назову,— улыбнулся директор,— обязательство мы приняли в сентябре, когда начали соревноваться в честь XXI съезда партии, а в октябре уже во всем нашем выпуске не было второго сорта и в десятой доле процента. Однако, чтоб добиться такого результата, понадобилось три года упорной, последовательной борьбы за качество. Межоперационных контролеров мы ликвидировали еще в 1955 году. Теперь насчет инициаторов... В каждом цехе можно назвать лучших рабочих. Но это будет несправедливо в отношении остального коллектива. За план, за первый сорт борются все как один.

И, раскрыв объемистую папку, директор познакомил нас с любопытной статистикой: по часам и сменам, по неделям и месяцам. Равномерно, ритмично, без рывков и спадов трудятся львовские обувщики. Каждый день утром и вечером, каждый месяц — в первые и последние числа — здесь выпускается одинаковое количество продукции. Быстрый, но равномерный темп, строгий ритм, высокие показатели и по количеству и по качеству.

В новое семилетие львовские обувщики вступают с большими планами, надеждами. Добрых две сотни моделей самой разнообразной обуви, которые еще недавно красовались на выставочном стенде, внедряются в производство.

Рядом со зданиями цехов движутся по рельсам башенные краны, возводя железобетонные стены нового массивного фабричного корпуса.

Нет, не зря едут учиться во Львов и москвичи, и ленинградцы, и киевляне! Большую, всесоюзную славу завоевала себе скромная с виду фабрика на улице Декабристов.

и затяжчик Д. Я. Глебов,

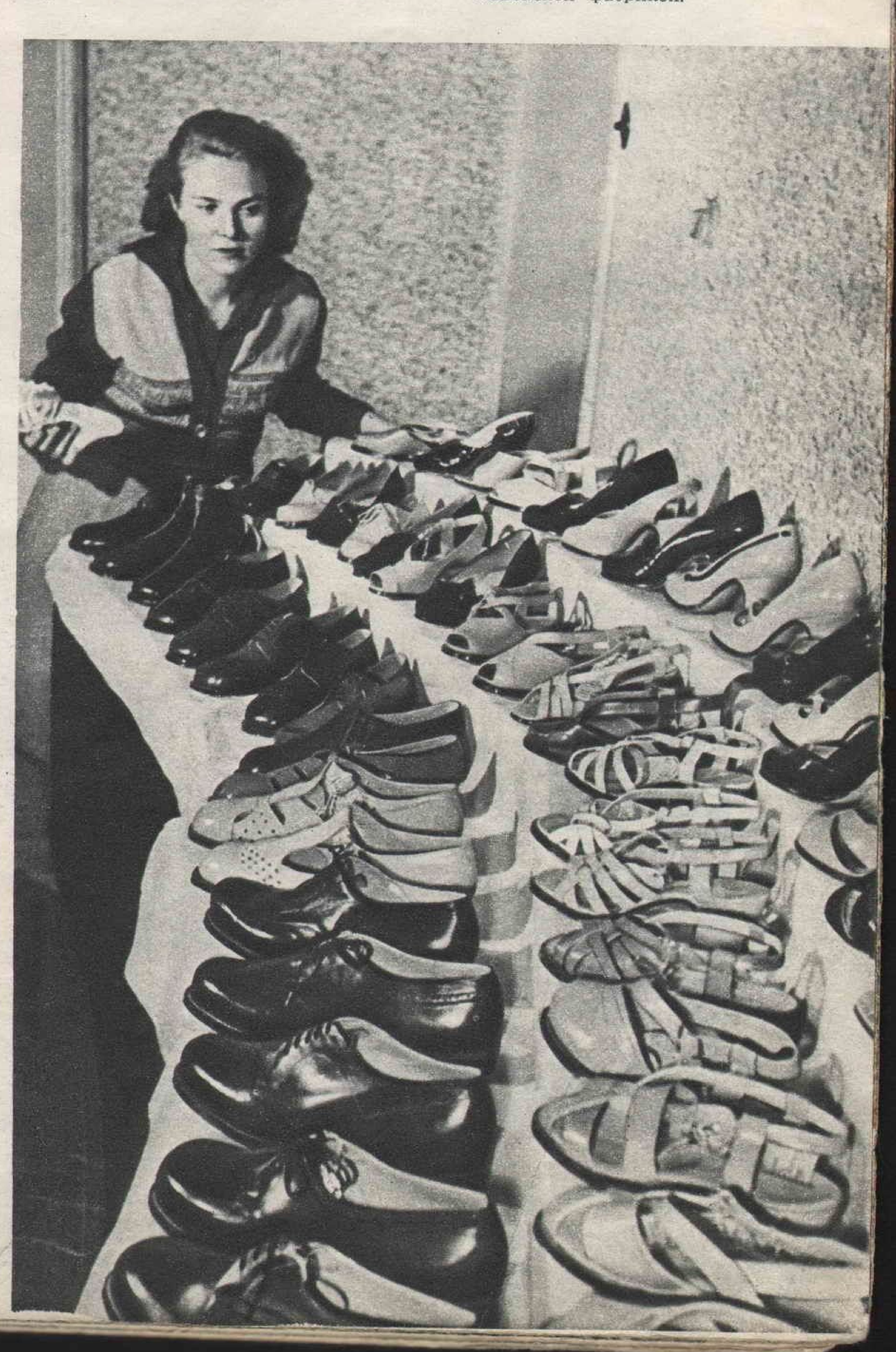
и работница Е. И. Шперх,

и фрезеровщик подошвы М. И. Садовой,

и рабочий И. К. Попов.

Какие только фасоны обуви, цвета и оттенки кожи не встретишь на этом стенде! Все эти новые модели, которые так тщательно расставляет технолог Т. И. Ткачик, в 1959 году будут выпускаться Львовской фабрикой.

Мы солидарны с тобой, Камерун!

События в этой стране иногда называют «Алжиром в миниатюре». Здесь так же, как и на севере Африки, уже несколько лет льется кровь, пылают мирные деревни, тысячи людей загнаны в тюрьмы и концлагеря, а народ не менее упорно и героически борется за независимость и воссоединение своей родины. Об этой стране миру известно меньше, чем об Алжире. И, быть может, поэтому судьба пятимиллионного народа, терзаемого колонизаторами на протяжении десятилетий, предстает еще более трагической и горькой. Эта страна — Камерун.

В глубине Гвинейского залива, на западном берегу Африки, под палящими лучами экваториального солнца лежит Камерун. Как и весь африканский континент, это сказочно богатая страна. В ее недрах есть золото, нефть, бокситы, титановые руды, уран, олово. Ее земледельцы выращивают бананы, какао, кофе, добывают в тропических лесах ценнейшую древесину. За плечами камерунцев изумительная тысячелетняя культура.

Но ни богатства недр, ни плоды труда камерунского народа не принадлежат ему. Камерун продолжает оставаться колонией. Вот история его бед и его борьбы.

Летом 1884 года на народ этой страны набросили ярмо колониального рабства конквистадоры кайзеровской Германии, вынудившие вождей племен приморской Санаги подписать соглашение о «покровительстве» сроком на тридцать лет. После первой мировой войны в стране объявились новые «покровители» — колонизаторы Англии и Франции, взявшие на себя «бремя» международной опеки и поделившие между собой страну. Франция получила 432 тысячи, а Англия — 88 тысяч квадратных километров территории Камеруна. Поначалу эта «опека», а точнее говоря, колониальный разбой, осуществлялась под эгидой Лиги Наций, а после второй мировой войны — ООН.

Кончилась вторая мировая война. Африканские солдаты возвращались на родину. Там, на фронте, сражаясь против гитлеровского фашизма, они верили, что отстаивают независимость не только Англии и Франции, но и независимость и свободу стран Африки. Вернувшись, они увидели, что колонизаторы не собираются менять прежних порядков. Камерунские солдаты первыми почувствовали это. Уже в 1945 году забастовка в городе Дуала была потоплена в крови сотен негров. Не случайно поэтому народ Камеруна оказался в первых рядах национально-освободительного движения Черного континента, поднявшегося на борьбу за свою свободу и независимость.

В 1948 году родился Союз населения Камеруна, одна из крупнейших массовых организаций страны, возглавившая борьбу камерунцев за независимость и объединение своей родины, искусственно разобщенной Англией и Францией. Наливалось силами, крепло и стало одерживать первые успехи народное движение. У колонизаторов начала уходить почва из-под ног. Они решили перейти в контрнаступление.

25 мая 1955 года в Камеруне разыгралась кровавая трагедия. Мирные демонстрации в городах Дуала, Яунде, Эдеа, Эсека и других были встречены пулями карателей, возглавляемых только что назначенным верховным комиссаром во «французском» Камеруне Роланом Прэ. Запылали деревни. Жестокие репрессии обрушились на камерунцев в обеих частях страны. Но колонизаторы и после кровавых репрессий не чувствовали себя спокойно. Вскоре же, решив окончательно сломить народное сопротивление, колониальные власти запретили и объявили вне закона все демократические организации камерунского народа. Патриоты ушли в подполье.

Началась партизанская борьба. На вооружении партизан — охотничьи ружья, топоры, сабли. Но самым могучим их оружием является неистребимая воля к свободе и независимости. Вот почему в лесах приморской Санаги и Бамилике все чаще взвивается красный флаг с черным крабом посредине — знамя Союза населения Камеруна, создавшего единый антиколониальный фронт. Оно возвещает народу страны, что беззаветная борьба продолжается.

Полицейские допрашивают молодого камерунца, встреченного ими на лесной дороге.

Военный транспорт колониальных войск.

В 1956—1957 годах колонизаторы провели ряд мероприятий, которые должны были создать видимость «преобразований» в Камеруне. В обстановке колониального террора была организована комедия выборов в органы местного самоуправления, «избранникам» колонизаторов «разрешили» управлять страной. Конечно, под полным контролем колониальных властей. Что же изменилось? Камерун так и остался бесправным и раздробленным на две части. Более того, английские колонизаторы «присоединили» часть страны к своей соседней колонии Нигерии. Но, быть может, изменилось положение в стране? Вот что писала около года тому назад правая французская газета «Фигаро», говоря о настроениях французской колониальной администрации в Камеруне:

«Если бы все шло хорошо, если бы царил полнейший порядок, если бы злая фея коммунизма (!) не склонялась над колыбелью, все было бы отлично!» Бедная «злая фея коммунизма»! Уж не она ли виновата, что на сказочно богатой земле тысячи камерунцев погибают от нужды и болезней, что многие из них могут позволить себе роскошь поесть только один раз в день? Не ее ли вина, что заработная плата европейцев в Камеруне в двадцать раз выше заработной платы африканского рабочего той же квалификации? И что 85 процентов населения Камеруна неграмотно?

Фальшивые «преобразования» колонизаторов не остановили борьбы народа. Не помог колонизаторский «пряник» — в ход был пущен кнут. Не перечислить злодеяний «добрых фей» колониализма. Год тому назад только за три месяца были истреблены 5 тысяч камерунских патриотов. Пятьдесят тысяч камерунцев томятся и умирают медленной смертью в концлагерях. Колонизаторы содержат 60-тысячную армию. Они изобретают изуверские пытки, вроде «пытки ямой». Роют большую яму, как это было в Номе и Бун-Джоке; в яму бросают «подозрительных». Затем ее закрывают железными листами, на которых жгут костры. Через некоторое время ямы вскрывают и вытаскивают оттуда трупы. Если же жертва выживает, то ее ждут мучительный допрос и новые пытки.

Об этих и других чудовищных зверствах, воскрешающих ужасы средневековья, говорится в меморандуме Союза населения Камеруна, переданном недавно в Организацию Объединенных Наций. Уже не первый год ООН обсуждает вопрос о положении в Камеруне. И не первый год колонизаторы срывают принятые решения.

Тернист и залит кровью путь к независимости. За героической борьбой народа Камеруна с пристальным вниманием и сочувствием следят народы мира. Проходившая в конце прошлого года в Аккре конференция народов Африки призвала африканские организации провести 20 февраля День солидарности с народом Камеруна. В этот день не только в Африке, но и во всем мире все, кому дороги независимость и свобода, кто ненавидит колониализм, поднимают свой голос солидарности с народом Камеруна и желают ему победы в его борьбе.

Л. НИКИТИН

Сталевар завода «Запорожсталь» Николай Грошев. Запорожские сталевары обратились ко всем сталеплавильщикам Советского Союза с призывом повысить производительность мартеновских печей. Работая на мартеновской печи, Николай Грошев добился высокой производительности.

Фото М. Савина.

Таллинская трикотажная фабрика «Марат». Выпускница средней школы Тийна Киммель отлично работает на кругловязальной машине.
Фото М. Еленина.

ВСТРЕЧА В БЕРЛИНЕ

Рассказ

Лев СЛАВИН

Рисунки А. ВАСИНА.

1

Через несколько лет после второй мировой войны в Берлин приехал московский хозяйственник Антон Анисимович Прицепа. Он сопровождал маршрут с зерном, которое Советский Союз прислал в подарок жителям Берлина.

Часть зерна предназначалась для населения западных секторов. Его погрузили на большие трехосные «студебеккеры», чтобы отвезти в амбары склада Целендорф. Туда же должен был отправиться и Антон Анисимович для совершения необходимых формальностей.

Наблюдал за погрузкой американский офицер с золотыми майорскими листочками на погонах. Это был такой же высокий и дюжий мужчина, как Прицепа. Его плотное, красноватое и моложавое лицо с седыми висками казалось добродушным. По-русски он говорил довольно чисто, почти так же, как Антон Анисимович по-английски.

Едва познакомившись («Теодор Пингри, к вашим услугам! Для друзей, надеюсь, в скором времени и для вас, просто: старый Тэдди!»), американец принялся награждать Прицепу приветственными тумаками в спину. При этом «старый Тэдди» беспрерывно балагурил и хохотал тем оглушительным, оптимистическим смехом, который через несколько минут становится несносным.

С места в карьер он предложил Прицепе место в своем «джипе».

— Весьма признателен, мистер Пингри,— сказал Прицепа с подчеркнутой вежливостью,— пойду пешком: хочется посмотреть город.

— Вонючая куча старых черепков! Так я жду вас, Антони! — крикнул майор, выпустил струю оптимистического грохота и укатил.

Антон Анисимович углубился в берлинские улицы. Он был взволнован. Франкфуртер-аллее... Силезский вокзал... Александер-плац... Еще так недавно это были названия плацдармов, командных пунктов, огневых позиций... И то острое, ни с чем не сравнимое, сладко тревожащее чувство, которое овладевает нами, когда мы вновь попадаем в места, где когда-то боролись, любили, страдали, не отпускало бывшего старшину Прицепу.

Рослый, плечистый, заложив руки в карманы широкого пальто и сдвинув на затылок мягкую, элегантно заломленную шляпу, стоял он на набережной Шпрее и задумчиво смотрел в ее лоснящиеся воды.

Да, это было здесь! Вот она, эта пятиэтажная руина! Прицепа сразу узнал характерный вылом на ее правом крыле, образовавшийся оттого, что чердак рухнул под ударом нашей стодвадцатидвухмиллиметровки. Только сейчас развалина мертва под своей скосившейся черепичной треуголкой, а тогда беспрерывно прыскала в воду мины и пулеметные очереди.

Именно здесь вот таким же дождливым апрельским вечером сорок пятого года морская пехота форсировала Шпрее. Антон Анисимович усадил своих людей в легкие гоночные шлюпки (они нашлись тут же, у маленькой пристани). На реке вставали фонтанчики, Шпрее шипела под пулями, как газированная. Ребята гребли лопатами, пилотками, руками, чем попало.

Миша Дочкин свалился в воду — осколок угодил ему в шею,— маленький шумливый Миша, с которым он, Прицепа, проделал весь путь от Севастополя до Берлина. Через несколько дней после победы ребята обшарили дно, хотели похоронить Мишу по-человечески, да не нашли уже...

Прицепа мотнул своей массивной головой, словно отмахиваясь от воспоминаний, и побрел дальше. В тот вечер на многих улицах Берлина видели его высокую статную фигуру: и посреди облысевших аллей Тиргартена, и на Вильгельмштрассе, у развалин Новой имперской канцелярии, и в подземельях метро, где теперь благонравно снуют аккуратные вагончики, и на площади Республики, у выщербленных стен рейхстага, на которых Антон Анисимович тщетно искал свою подпись, видно, давно смытую дождями, а может быть, и усердием английской комендатуры.

Когда он проходил по Лейпцигерштрассе, откуда-то из сада вдруг донесся аромат сирени. Прицепа вздрогнул. Штурм Берлина навсегда связался в его памяти с запахами сирени и гари. Он на мгновение зажмурил глаза, и ему вдруг почудилось, что воздух снова наполнился треском автоматов, громом «катюш». Он оглянулся. Поблизости никого не было. Только промчался американский бронетранспортер, скрежеща осями.

Войдя в здание американской администрации, он отыскал майора Пингри. Там был еще один майор, худощавый, в очках, похожий на школьного учителя, а также человек в штатском с орденской розеткой в петличке, отрекомендовавшийся депутатом Городского собрания. Посреди делового разговора в голосе немца и в одном каком-то мгновенном повороте его дородного лица с черной щеточкой усов Прицепе вдруг почудилось что-то знакомое.

Составление документов затянулось. Русский экземпляр писал Антон Анисимович, немецкий и английский — депутат Городского собрания, трудолюбиво стуча на машинке и мурлыча под нос: «Schenk mir dein Lächeln, Maria» — «Подари мне твою улыбку, Мария».

Теодор Пингри беспрерывно болтал. По-видимому, специальностью его были сплетни о высокопоставленных земляках. Называл он их уменьшительными именами или кличками, иногда с прибавлением энергичных эпитетов (например: «святоша Джонни», или: «этот старый морской еж Билл», или: «малютка-людоед Дуг»), и Прицепа не понимал, так ли Пингри был короток с ними или это было следствием его бесцеремонных манер.

Другой майор — его звали Чарлз Бэрд — все время молчал и с безразличным видом смотрел в окно, за которым капал кислый берлинский дождик. На продолговатом и сумрачном лице Бэрда не выражалось ничего, кроме скуки.

Один раз, впрочем, он чуть оживился. Это было, когда майор Пингри заговорил об одном вашингтонском сановнике.

— Уж как я его знаю, джентльмены, нашего старого шарманщика Гарри! — сказал веселый майор.

При этом он сделал некий жест, имеющий международное хождение, потому что и Антон Анисимович понял его. В этой немой и не совсем приличной характеристике не содержалось ничего лестного.

Прицепа не мог удержаться от смеха. И даже на скучающем лице Бэрда мелькнула тень улыбки. Громче всех смеялся сам Пингри.

— А что? Не верно разве, джентльмены? — орал он.— Когда я показал эту штуку нашему психу Джимми, я думал, что этот старый бак с газолином лопнет от смеха. Антони, вы увезете отсюда в Москву целую трехтонку первоклассных острот. Это все, что мы можем вам предложить за ваше зерно. В Москве еще должны помнить старого Тэдди, я там жил две недели в прошлом году. Передайте же там, Антони, что мы здесь не разучились веселиться и что мы здесь не все такие меланхолики, как этот старый славный глист Чарли Бэрд, ха-ха-ха!

И он нанес Бэрду один из своих демократических тумаков в спину.

— Перестаньте выбивать из меня пыль! — сказал Бэрд с досадой.— Вы просто пошляк в стандартной упаковке «хорошего парня». Хватит! Больше вы меня не проведете своим наигранным добродушием. Русские вас тоже раскусили во время ваших двух московских недель. Недаром вы не остались там на третью.

К удивлению Антона Анисимовича, «старый Тэдди» нисколько не обиделся, а еще пуще захохотал, раздвинув свой здоровенный зев,

в глубине которого молочно мерцали великолепно сделанные зубы.

— Нет, Чарли,— изнеможенно бормотал он,— вы не поссорите меня с моими друзьями русскими. Американцы, черт побери, ближе к русским, чем к американцам! Тоже недурно сказано, а?

Он снова занес руку для тумака, но тут же опустил ее, подчеркивая, что вконец обессилен смехом.

— Акты готовы, господа,—объявил депутат Городского собрания, вынимая из машинки длинные листы бумаги.

— Давайте их сюда, Цишке,— сказал майор, утирая слезы.

Услышав это имя, Антон Анисимович внимательно посмотрел на немца.

— Я надеюсь, Антони,— продолжал Пингри все еще расслабленным от смеха голосом,— мы не будем разыгрывать из себя Генеральную ассамблею Объединенных Наций, а подмахнем по-джентльменски — не читая.

— Вас зовут Цишке? — спросил Прицепа.

Немец любезно поклонился.

— В сорок втором году вы были в Одессе? — продолжал Антон Анисимович.

Цишке поднял голову. Мгновение он и Прицепа молча смотрели друг на друга.

— О, я бывал на многих фронтах! — холодно сказал Цишке и взялся за шляпу.

— Зачем такая поспешность? — мягко сказал Прицепа.— Посидите минутку. Есть о чем поговорить.

Он встал перед дверью, заслонив ее своей широкой фигурой. Американцы с удивлением смотрели на него.

— Прошу прощения, господа,— сказал Антон Анисимович.— Вероятно, вы не знаете, что капитан Цишке — крупный гестаповский палач. Его хорошо помнят на Украине и в Польше.

Цишке отступил за монументальную спину майора Пингри и негодующе развел руками.

— Ах, вот что!—сказал Бэрд, оживившись.— Я вам как-то говорил, Пингри, нам в свое время сообщали о нем из баварского профессионального союза служащих как о видном нацисте, припоминаете?

— Господа, эти сведения шли из левых кругов! — вскричал Цишке.— И натурально...

— Ну, вы там, помалкивайте! — прикрикнул на него Пингри.— Это вам не ваша магистратская говорильня. Будете отвечать, когда вас спросят. Послушайте, Антони, милый, что же такое он у вас там натворил?

— Я вам расскажу, господа. Постараюсь покороче, хотя, думается мне, вам не мешает получше узнать, кто такой Цишке, прежде чем передать его суду.

Он придвинул стул и сел на него верхом, прислонившись спиной к двери.

2

— Так вот, значит, осенью сорок первого года я воевал под Одессой. Служил я тогда в 1-м полку морской пехоты, и мой начальник полковник Яков Иванович Осипов отправил меня в рыбацкий поселок Большой Фонтан. Там стояли батареи добровольных защитников Одессы.

Это были рабочие, учителя, счетоводы — словом, всё штатский народ, и, между прочим, дрались они отлично, но им не хватало военного искусства, и мне дали поручение проинструктировать их.

Вот не знаю, дошло ли до вас, господа, что Гитлер положил под Одессой двадцать своих дивизий, а Антонеску — половину своей армии? Короче: обстановка там была горячая, мы дрались один против шести.

Моя батарея стояла на берегу. Ребята как раз подобрались способные: один старик вагоновожатый, один художник и один парнишка с судоремонтного завода, Самсон Левин, с ним я, между прочим, потом сильно подружился. Подучив своих питомцев обращению с орудиями и пулеметами, я собрался ехать обратно в порт, потому что моему полку вышел приказ грузиться на транспорт. Красная Армия оставляла Одессу, и нас уже звал Севастополь.

Но тут меня ранило. И надо было тут же вынимать из меня пулю, иначе мне был бы капут.

И если я сейчас перед вами живой, то только потому, что меня спасла семья профессора Сказкина.

Не знаю, слышали вы, господа, о профессоре Александре Мефодиевиче Сказкине? Большой человек! Биолог! Знающие люди говорят, что если бы не война, он полностью решил бы проблему долголетия.

Его институт помещался как раз над нашей батареей. Шикарный белый дом с зелеными шторами. Профессор, и его жена, она врач-хирург, и дочка Сонечка, молоденькая студентка, уже погрузили свои вещи на машину. Они должны были в тот день эвакуироваться.

Собственно, они могли это сделать и раньше. Но профессор чересчур увлекся своими опытами и задержался. И вообще он мало понимал обстановку. Как это иногда бывает: человек работает над проблемой долголетия и не видит, что смерть стоит у него за плечами.

А тут меня продырявило. Сказкины отнесли меня к себе в институт. И сделали операцию. А машина ушла без них. И последний пароход ушел. И все мы остались в оккупированной Одессе. Целый месяц Сказкины меня прятали.

Нужно сказать, что фашисты поначалу церемонились с профессором. Они все его уговаривали, чтобы он продолжал свои работы. Обещали ему полную самостоятельность, деньги, все на свете. Конечно, это был бы для них огромный козырь. Мировой ученый!

Александр Мефодиевич не давал окончательного ответа. Говорил, что подумает. Делал вид, что колеблется. Словом, тянул для того, чтобы выиграть время и связаться с подпольщиками. Сказкины ждали, чтобы я встал на ноги и наладил связь.

Наконец я поправился и был уже в силах держаться на ногах. В это время капитан Цишке со своей бандой ворвался в дом Сказкина.

Как сегодня, вижу все это. Я находился в лаборатории. Это большая комната с широким окном. Вы должны ее помнить, капитан Цишке. Сквозь окно видны были прибрежные холмы, трава на них побурела, дальше виднелось море, осеннее, почти черное. Природа печальная, одичалая. И на душе было черно от всех дел, что творились вокруг.

Я успел спрятаться. Но, несмотря на это, я слышал все. И даже видел. Потому что мой тайник находился в той же комнате. Сейчас объясню.

Лаборатория была вся уставлена высокими, до потолка, шкафами со стеклянными дверцами. На полках стояли клетки с подопытными зверюшками и химическая посуда.

Снаружи казалось, что все шкафы стоят, как полагается, вплотную к стенам. На самом деле один из них был немного отодвинут. Вот там я и помещался, между шкафом и стеной. Чтобы попасть в мой тайник, надо было войти в шкаф и отодвинуть его заднюю стенку. Неплохо было устроено. Это придумал сам профессор.

Сквозь дырочку, провернченную в задней стенке шкафа, я ясно видел лицо капитана Цишке, вот как сейчас, с черными усиками, с любезной улыбочкой. Только я тогда не знал его по имени. Да, он был вначале очень любезный, даже торжественный. Он сказал: «Господин профессор, я уполномочен передать вам почетное предложение».

А старик не выдержал и вскипел: «Да? Какое? Стать лакеем в фашистском кабаке?»

Цишке кисло улыбнулся и говорит: «Я призываю вас к серьезности, господин профессор. Вам предлагают высокий пост ректора имперского университета».

А старик ему в ответ: «А разве это не то же самое?»

Не стану приводить дальнейшего разговора. В конце концов Цишке положил на стол бумагу и говорит: «Ваше согласие изложено в этом письме. Вам остается только подписать его. Ну что вы медлите? Это жизнь, почет, слава! Самому фюреру будет доложен ответ профессора Сказкина».

Сказкин схватил письмо, порвал его и сказал: «Вот ответ профессора Сказкина!»

Тут же их всех увели. Смерть Сказкиных была ужасна. Нет, я вас не выпущу отсюда, Цишке! Слушайте до конца. Вы спровоцировали их на побег. А когда они бежали, вы спустили на них своих псов. Да, своих знаменитых, огромных, натасканных на людей овчарок. Спаслась только девочка...

3

Но это было не последнее преступление капитана Цишке.

Мне не сразу удалось связаться с подпольщиками. Некоторое время я работал в одиночку. По мелочам, конечно. В порту мне удалось пустить ко дну немецкую шаланду с военным грузом, на Сортировочной — засыпать песком вагонные буксы. Все это, конечно, детские номерочки по сравнению с работой партизан.

Поверьте, это было очень досадное чувство — знать, что где-то в городе работают ребята, и не иметь возможности добраться до них. Я знал, что они где-то в катакомбах, но где? Здорово они были законспирированы. Но

действовали почти каждый день: то подожгут военные склады на Товарной станции, то по всему городу разбросают листовки, то на самом высоком шпиле взовьется красный флаг, то полетит под откос воинский эшелон — так Одесса помогала Сталинграду.

Однажды вечером я проходил по Дерибасовской улице; фашисты ее перековеркали в «улицу Муссолини». Слышу, музыка. Смотрю, ресторанчик. На вывеске намалевано какое-то чудовище. Это был известный в Одессе при фашистах кабак «Веселый Осьминог». Вижу: на шторе, которая затемняла стеклянную дверь, надорван уголок. И потянуло меня посмотреть.

Народу полно. Офицеры, спекулянты, проститутки, пьянство — дым коромыслом. Был там, между прочим, и капитан Цишке.

Что, нет? Ну так я сейчас вам напомню.

На его счастье, я все еще тогда не знал его имени. То есть я не знал тогда, что толстенький офицер с красной мордой и с выпученными от пьянства глазами, которого я встречал второй раз, и есть самая знаменитая гестаповская ищейка Цишке. Не знал я тогда еще и того, что именно он погубил Сказкиных.

Я вошел в «Веселый Осьминог». И вот почему. Когда я смотрел через дырочку в шторе, я увидел среди всей этой шпаны нашу Феню.

Фенечка до войны работала электросварщицей на судоремонтном заводе. Кроме того, она училась в музыкальном техникуме, как и Соня Сказкина. Они были приятельницами, и я с Феней познакомился в доме профессора. Славная восемнадцатилетняя девушка, тоненькая, как тростиночка, и походку имела такую, будто идет она по узенькой дорожке между двумя пропастями, но — уверенно. Так она и через жизнь шла, была одной из самых смелых партизанок. Грациозная и умная девушка. Комсомолка, конечно. Невеста Самсона Левина, о котором я вам говорил.

И вот я вижу ее в этом кабаке. В качестве официантки. С подносом в руках, с шуточками, с улыбочками, видно, имеет успех. Словом, скользит над пропастью. А место действительно для работы богатое, масса народу, откровенные разговоры пьяных офицеров, короче, место, идеальное для разведчика. И я страшно обрадовался, что наконец-то добрался до ребят.

Вошел, стало быть.

Забыл вам сказать, что я был в форме немецкого офицера.

Подхожу к бару. Рядом никого нет, только Феня за стойкой. Вскарабкался я на табурет. Облокотился, лицо закрыл руками, словно в пьяной задумчивости. А Феня ко мне: «Что прикажете, господин лейтенант? Ром? Коньяк? Может, коктейль «Черноморские брызги»?»

Я открыл лицо и говорю: «Спокойно. Без шума. Узнала?»

Ну, она молодец. Ни одна черточка не дрогнула. Только шепнула: «Ой...»

Объяснила, как найти явку. Рассказала про ребят. Кстати, использовала меня как внеочередную связь, чтобы передать кому надо последние сведения.

При этом она делала вид, что обслуживает меня, а я — что любезничаю с ней.

Не буду распространяться, хочу только упомянуть об этом господине, который смеет утверждать, что видит сейчас меня якобы первый раз в жизни.

Значит, мы с Феней таким манером тихонько переговариваемся, а за спиной гудит весь этот «Осьминог», набитый фашистами. А на душе у меня такой праздник, как будто в пустыне, где одни камни и змеи, я вдруг встретил человека.

В это время подошел к бару вот этот капитан Цишке. И с места в карьер стал приставать к Фене. «О, Фанни, — он орал, — приди ко мне! Во всем мире есть только одна реальность: мое я. Все остальное нереально. Миф!»

И лезет к ней своими грязными лапами.

Вот тут, должен сознаться, я не выдержал и въехал ему в морду так реально, что он грохнулся со всей своей вонючей философией на заблеванный пол.

За мной не гнались. Посчитали пьяной офицерской ссорой, каких там бывало много.

Конечно, это был неосторожный поступок с моей стороны. И я, между прочим, потом имел за него здоровую протирку от партийной организации.

А я жалею об одном: не оплеуху ему надо было влепить, а пулю в череп. Я бы погиб — пускай! Зато было бы спасено много жизней.

Через две недели он выследил Феню...

— Выследил-таки? Ай-ай-ай! — помотал головой майор Пингри.— Ловкие черти! Наши растяпы могли бы у них поучиться. Ну, ну, валяйте дальше, Антони.

4

— Конечно, это была война, господа. Тут против смерти возражать не приходилось. Но честной солдатской смерти.

А ведь он ее замучил.

Фене удалось передать нам письмо через одного подкупленного эсэсовца. Этого письма, конечно, при мне нет. Оно хранится в архивах комиссии по расследованию фашистских злодеяний. Но мы, Фенины товарищи, помним каждое его слово наизусть:

«Дорогой Сенечка! (Она обращалась к Самсону Левину.) Пишу тебе, может быть, последнюю свою записку. На допросах вела себя спокойно. Все отнекивалась. Меня повели бить. Били три раза. В третий раз я потеряла сознание. Больше всех пытал меня капитан по фамилии Цишке. Он бил меня резиной, опутанной проволокой. А по жилам бил железной палкой. И другие пытки были. А я молчала. Бежать отсюда, по-моему, невозможно. Не унывай, Сенечка. Наше дело все равно победит. За мою кровь они ответят. Целую тебя, Сенечка. Передай привет Антону и всем ребятам. Не плачь, ты должен гордиться, что твоя Феня умирает за Родину. Прости меня, если я когда тебя в чем обидела. Прощай, любовь моя единственная. Феня».

Думается мне, господа, что к этому письму прибавить нечего, и вам теперь понятно, что представляет собой Цишке со своим орденом в петлице. Вы знаете, за что он получил этот орден? Ну-ка, Цишке, скажите им. Не хотите? Ну так я скажу.

Я уже говорил вам, господа, что партизанская база была в катакомбах. Там же прятались и многие жители, особенно из сел, чтобы фашисты не угнали их в Германию. Там прятались тысячи людей с семьями, с добром.

И вот капитан Цишке предложил фашистскому командованию злодейскую идею, которую он сам же осуществил: пустить в катакомбы удушливые газы.

Да, газы. Об этом есть протоколы. И сохранилась докладная записка самого «изобретателя» — капитана Цишке.

Множество женщин, детей, стариков было задушено газами. За эту акцию капитан Цишке был награжден орденом Черного Орла, который вы сейчас видите на нем.

Ну что, Цишке, скажете: нет?

5

Все посмотрели на немца.

Он отвернулся и молчал. Лицо его было бледно.

— Я, конечно, не перечислил всех преступлений капитана Цишке,— сказал Прицепа,— это дело будущего суда. А сейчас я требую немедленного ареста Цишке и прошу сообщить, где он будет содержаться.

— Попросите мистера Пингри,— сказал майор Бэрд, — чтобы он его посадил в свои подвалы на улице...

— Ну, вы!..— перебил майор Пингри, гневно глянув на Бэрда.

Бэрд замолчал.

А Пингри, повернувшись к Антону Анисимовичу, снова расплылся в добродушной улыбке.

— Ваш рассказ был прелестен, Антони,— сказал он.— Подумайте, сколько еще бродит среди нас подобных субъектов! Нет, мы дети. Говорю вам, Антони, мы совершенные дети.

И он сокрушенно помотал своим шишковатым лукавым лицом.

— Так, значит, где он будет содержаться? — нетерпеливо спросил Антон Анисимович.

Он положил в карман подписанные акты и взялся за шляпу.

Цишке выглянул из-за спины Пингри.

— Господа,— сказал он,— ставлю вас в известность, что я член центрального правления христианско-демократического союза...

— На это нам, положим, наплевать,— сказал Пингри,— и вообще помалкивайте, пока мы тут решаем вашу судьбу. Слушайте, Бэрд, вам ничего не приходит в голову? Ведь вы же когда-то околачивались где-то там в Принстонском университете, если не врете. Как вы полагаете, этого типа действительно можно еще упечь под суд за его старые проказы? Ну, напрягите немножко ваш набалдашник. Почему, черт побери, вы все взваливаете на меня и на Антони?

— Я знаю, чем это кончится,— пробормотал Бэрд.

Он снова со скучающим видом смотрел в залитое дождем окно.

— Тянете вы, Пингри. Не по-военному,— сказал Прицепа хмуро.

— Господа, я уже был судим! — вскричал Цишке.

Он извлек из кармана аккуратный портфельчик и из множества документов вырыл вчетверо сложенную бумажку, торжественно развернул ее и протянул майору Пингри.

«Старый Тэдди» взял бумажку кончиками пальцев, брезгливо, точно прикасаясь к чему-то грязному.

— Да,— сказал он лениво,— вообразите, этот ловкач уже прошел через суд.

Прицепа вскочил со стула и подошел к майору.

— Позвольте! — вскричал Прицепа, заглянув в бумажку.— Это же комедия: суд по денацификации!

— Комедия,— подтвердил Пингри, зевая.— Они по приговору уплачивают ничтожный штраф или в крайнем случае отдыхают парочку недель в комфортабельном лагере, как туристы в отеле. И после этого они чисты и невинны, как младенцы. Но ничего не поделаешь: суд. Я вам говорю, этих ловкачей не ухватишь, они смазаны бриолином от темени до пяток.

Он захохотал и, не вставая со стула, воткнул Цишке в ребра свой демократический кулак. Цишке улыбнулся, польщенный.

— Майор Пингри! — сказал Антон Анисимович, сдерживая гнев.— Я вам напоминаю в последний раз, что, согласно резолюции Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций от 13 февраля 1946 года «О выдаче и наказании военных преступников», капитан

Цишке должен быть судим по законам той страны, где он совершил преступление.

— Антони, вы меня обижаете: к чему этот официальный тон между нами? — с мягким упреком сказал Пингри и, повернувшись к Цишке, заорал:

— Что вы, немецкая замухрышка, тут торчите и вносите разлад в нашу дружескую компанию!

Одним прыжком Пингри подскочил к дверям и распахнул их. Цишке выскользнул на лестницу. Оттуда послышался поспешный топот его ног.

Пингри вернулся к столу и с видом работяги, честно заслужившего отдых, хлебнул виски.

— Садитесь, Антони. Выпьем, поболтаем. Уходите? Тут до метро всего километра четыре, у вокзала Весткрейц, это, значит, налево, потом...

— Знаю,— сказал Прицепа, мрачно глядя на Пингри,— мы брали его 28 апреля сорок пятого года.

— ...потом прямо,—продолжал Пингри, словно не слыша,— потом за угол налево...

— Метро уже не работает, поздно,— пробормотал Бэрд.

— Ах, так? — изумился Пингри.— Смотрите, как мы заболтались. Ну, Антони, вы ведь любите побродить пешком. Валяйте все прямо, до Тиргартена, это английский сектор, вы знаете...

— Не знаю,— сказал Антон Анисимович, не спуская с Пингри яростного взгляда.— Тогда не было никаких секторов, тогда Берлин был весь завоеван нами, нашей кровью.

Он пошел к дверям.

— До свидания! — крикнул ему вслед Пингри.— Сожалею, если огорчил вас. Такова жизнь. Не надо ее идеализировать.

Прицепа на секунду остановился.

— Да, я вас идеализировал,— сказал он,— я считал, что вы просто дурак. Оказалось, что вы подлец.

Против обыкновения майор Пингри не захохотал. Он посмотрел на Прицепу с пристальной злобой.

Антон Анисимович повернулся и вышел.

На перекрестке кто-то тронул его за локоть. Он оглянулся. Это был Чарлз Бэрд.

— Послушайте,— сказал Бэрд смущенно,— я хотел вам сказать, чтобы вы не думали, что я такой же, как он.

Антон Анисимович пожал плечами.

— Я просто ничего не могу сделать,— сказал Бэрд,— они здесь почти все такие. Это зло Америки.

Он снял очки и протер их. Без очков его худое лицо с большими близорукими глазами казалось еще грустней.

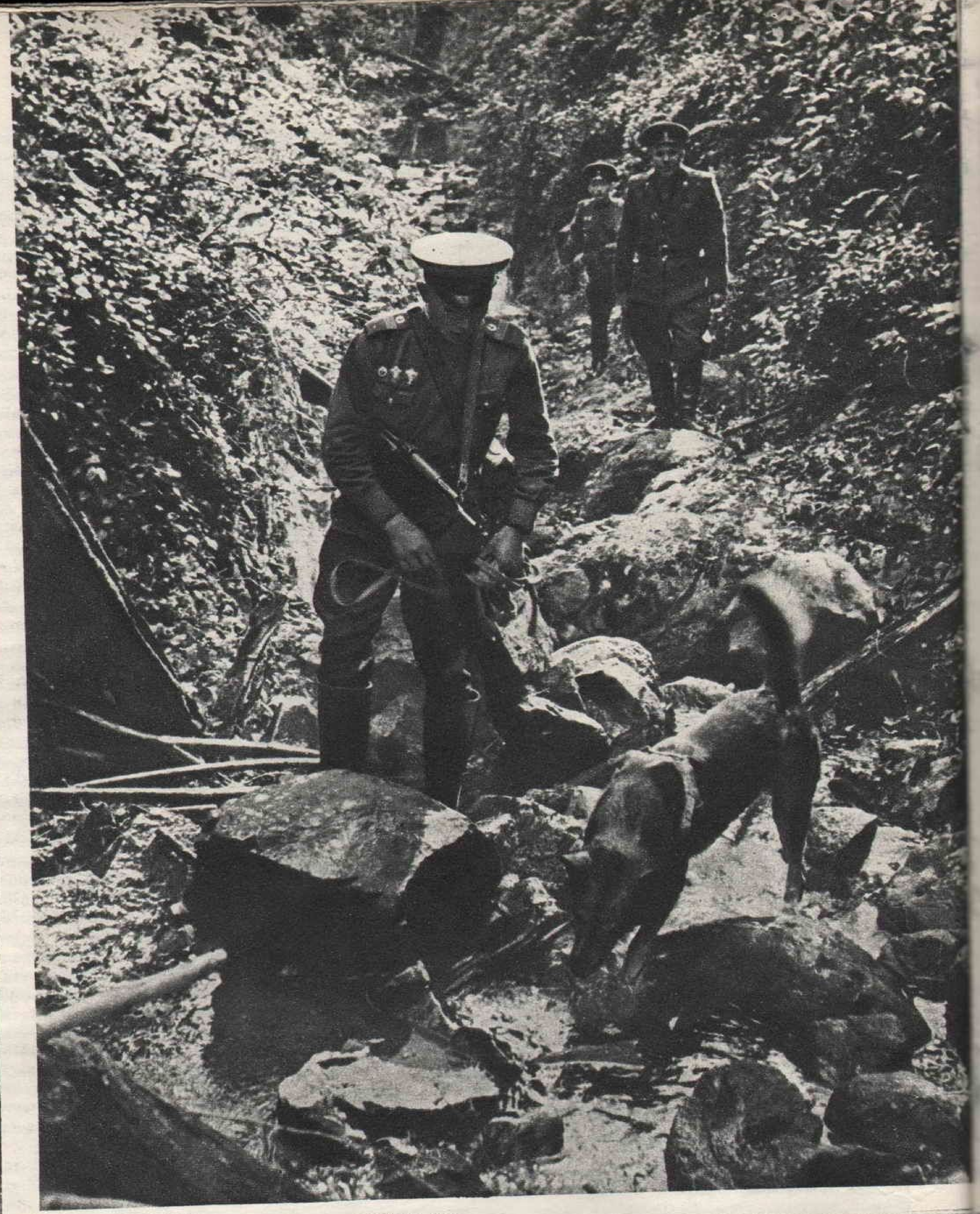
Он сказал:

— Вы все-таки пришлите заявление о Цишке. Я постараюсь дать ему ход. Но боюсь, что это бесполезно. Даже эсэсовские генералы работают у нас. Все-таки я постараюсь. Если успею, конечно. Меня ведь отсылают в Штаты. Пингри послал на меня донос. Это страшный человек. Он нисколько не лучше Цишке. Это политический гангстер. Его выслали из Москвы за то, что он шлялся с фотоаппаратом возле заводов. Ну, а здесь, в Берлине, и в Мюнхене, он... Ну, ладно, я скажу. Словом, его ревизовал судья Венгроден из юридической комиссии сената. Вскрылась целая куча гадостей. Пытки... Пингри надевает на головы арестованных немцев колпаки и затем бьет по лицу металлической палкой. Разумеется, не таких немцев, как этот Цишке. О, я мог бы многое рассказать о Пингри! Но я боюсь задержаться. Знаете, на меня и так много написали. Мне было бы тяжело, если бы вы думали, что все американцы такие, как «старый Тэдди». Есть другая Америка, настоящая...

Он крепко пожал Прицепе руку и быстро пошел прочь. Он мелькнул еще раз на секунду под фонарем, высокий, чуть сутулый, и пропал в берлинском мраке.

Прицепа пересек Курфюрстендам, где, несмотря на поздний час, еще копошились остатки черной биржи. Он облегченно вздохнул, когда достиг Бранденбургских ворот. Антону Анисимовичу показалось, что самый воздух переменился и стало вольнее дышать.

Дождь прошел. Блестели лужи. Небо стало легким и высоким. В разрывах облаков загорелись звезды. И сирень, как всегда после дождя, запахла с пронзительной силой.

Сержант Вячеслав Старшинов с собакой Буяном идет по следу. За ним — начальник заставы И. К. Зубков и рядовой Виталий Чеснов.

Тишина и покой. Изредка послышится шуршание камешка, покатившегося под гору, да сухой шорох налетевшего ветра в безлистых кустах. Легкая туманная дымка глушит, смягчает звуки, размывает очертания предметов, так что кажется, будто видишь их сквозь запотевшее стекло...

Двое в зеленых фуражках с автоматами на груди идут, бесшумно ступая. Под ногою то ребристая твердость гранита, то увлажненная упругая земля. Они шагают спокойно, размеренно. Лишь по особой их подобранности можно догадаться, с каким напряжением они вслушиваются в тишину...

Вдруг идущий впереди резко присел. На небольшом островке мягкой серой земли отпечатался след каблука... Не понадобилось долго исследовать эту «визитную карточку», чтобы решить: кто-то прошел здесь совсем недавно.

Быстро осмотрены прилегающие окрестности, выяснено: следы пересекают тропу под прямым углом. Теперь надо определить, в какую сторону шел неизвестный. То, что следы указывают в сторону границы, еще ничего не значит. Возможно, нарушитель прошел затылком вперед.

Рядовой Валерий Сычев вернулся из наряда, и повар Михаил Куренков быстро накрыл на стол

Но вот и этот вопрос решен: человек двигался к границе.

Спустя минуту дан сигнал на заставу. Теперь вперед!

След петляет. Он то уходит вниз, в лощину, то отклоняется в сторону, параллельно границе, взбирается в гору. Тренированные сердца пограничников легко справляются с неожиданной нагрузкой. Но... Впереди лежит узкая, похожая на мостовую каменная дорога. Это русло пересохшей горной речки. Неизвестный ступил на камни, и теперь уже человеческому глазу след недоступен.

Вскоре подоспел проводник с собакой. А через двадцать минут неизвестный был остановлен властным окриком: «Стой!»

...На разборе операции присутствовали и двое из наряда и сам «нарушитель» — их товарищ по службе. Начальник заставы оценил действия наряда как отличные.

Это были занятия. Но у пограничников учебные операции максимально приближены к боевым. И можно не сомневаться: будь в данном случае нарушитель не «учебным», а настоящим, ему все равно не уйти бы от тех, кто обнаружил след. Недаром застава офицера В. Н. Грибанова и застава офицера И. К. Зубкова носят звание отличных.

В летопись застав записано много историй, повествующих о бесстрашии, находчивости и боевом мастерстве пограничников — рядовых, сержантов, старшин, офицеров.

...На границе многословие не уважается. И если вы попросите, скажем, сержанта Николая Каленчука рассказать о том случае, когда он задержал крупного преступника, пытавшегося уйти за кордон, он изложит все в двух словах. Рассказ его будет скуп и некрасочен.

Но если подробно расшифровать этот рассказ, мы узнаем о днях и месяцах упорной тренировки, о долгом воспитании воли и характера. И о беззаветной верности солдатской присяге.

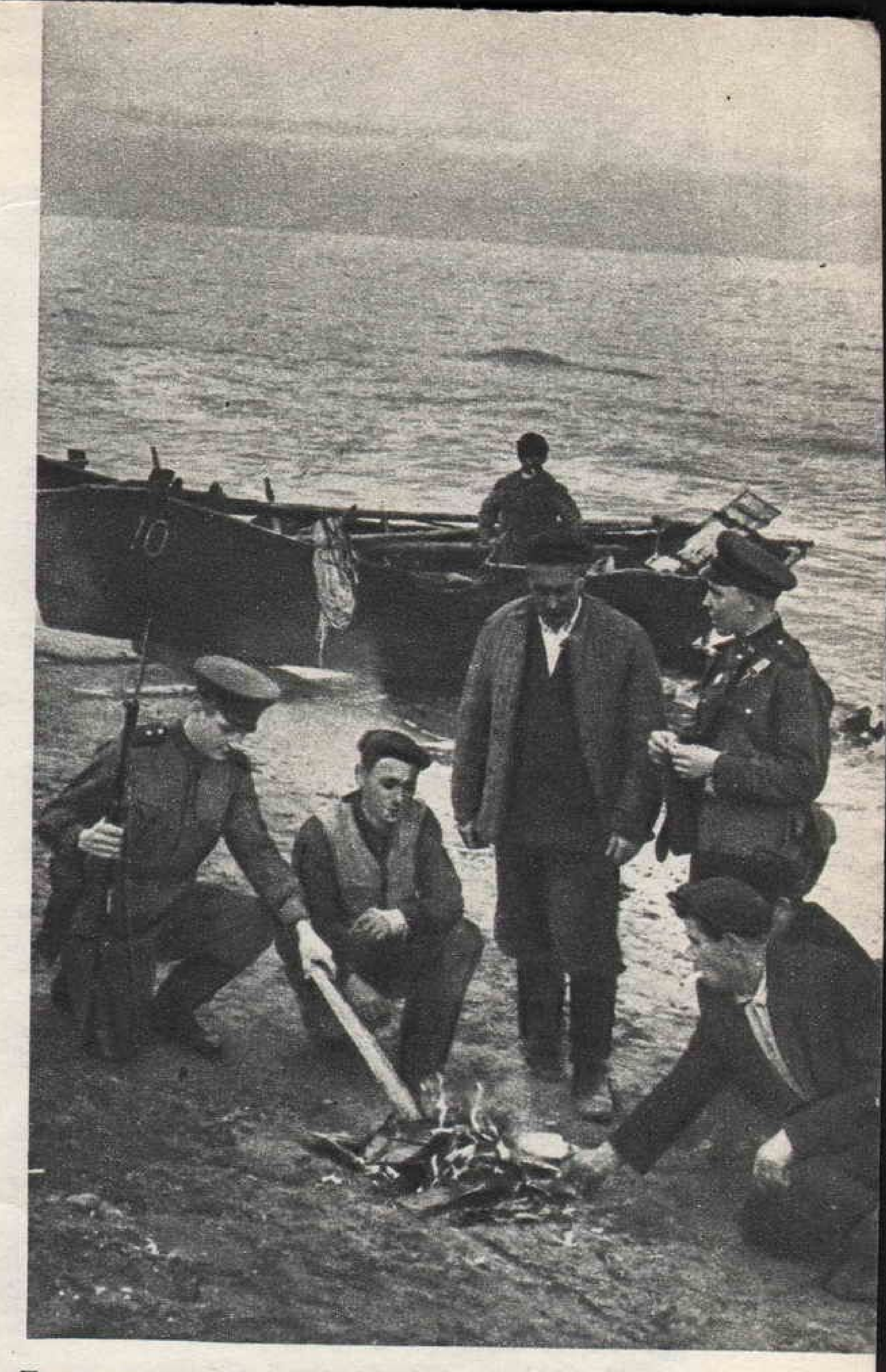
Таких, как сержант Каленчук, не обманет враг, кто бы он ни был, в каких бы зловещих «академиях» ни готовили его к переходу на территорию СССР.

Но даже если нарушителю удастся оторваться от погони, он далеко не уйдет. Человек не иголка, ему не спрятаться в щель стены, не затеряться в стогу сена. Уже в ближнем тылу на незнакомца обязательно обратят внимание пастух или парнишка с красным галстуком на шее, рыбак, смолящий лодку, или девушка, полоскающая белье в ручье... Обратят внимание и тут же дадут знать друзьям-пограничникам. А финал возможен только один: враг будет задержан или уничтожен, если откажется сдаться.

У пограничников есть пословица: если смелость берет города, то бдительность бережет их...

Тишина и покой. Лишь изредка прошуршит камешек, покатившийся под гору, да послышится в кустах сухой шорох налетевшего ветра.

О. ШМЕЛЕВ

Пограничники Владимир Матвеенко и Анатолий Гришанов беседуют со своими друзьями — рыбаками колхоза «Прогресс».

Конный наряд: сержант Николай Каленчук, рядовой Баки Хаджаев.

Алексей ЭЙСНЕР

ЖИВ ОН, ЖИВ!

*«Тот, кто падет в бою за свободу
не умирает...»
Христо Ботев.*

Будучи в Болгарии в гостях у боевых друзей по испанской войне 1936—1939 годов, я осматривал находящийся в центре Софии, на Русском бульваре, Музей истории революционного движения. Естественно, дольше всего я задерживался у витрин, показывающих участие болгарских добровольцев в интернациональных бригадах в Испании. Много хорошо знакомых, полузнакомых или совсем незнакомых загорелых лиц смотрело на меня с увеличенных фотокопий. Они были сделаны с портретов и выцветших снимков более чем двадцатилетней давности. Только одно веселое, мужественное лицо заставило меня задуматься. Я забыл имя, однако ясно помнил, что это один из советских добровольцев. Как он оказался среди членов болгарского землячества в Испании?

Тревожимый воспоминаниями, я вышел в следующий зал. Здесь уже сорок первый год. Гитлеровские бронированные орды вторглись в Советский Союз. В огромной раме висит известное воззвание ЦК Болгарской рабочей партии от 22 июня. Первые шаги Сопротивления — и первые жертвы. Имена, фотографии погибших. И среди них большой портрет: бритая голова, блестящие смелые глаза в глубоких орбитах, крепко сжатый рот над квадратным подбородком...

Опять он! Тот самый, кого я только что видел среди бойцов интербригад... И вдруг, будто выключатель повернули, мгновенно озарилось в памяти: Родионов! Ну, конечно, Родионов!

Я встречал его под Мадридом. Он был советником при полковнике Эредиа. Внешний вид, фамилия и чистое русское произношение долго обманывали меня, я и не подозревал тогда, что он болгарин...

Взволнованно смотрю на портрет. Точно таким, как здесь, но с четырьмя шпалами на петлицах я видел его за год перед второй мировой войной в Москве. Узнаю я портреты и других знакомых «испанских» болгар: комиссара Михайлова (Сыби Димитров), инженера Ташека (Иван Штерев). Подхожу ближе, читаю подписи.

«Процесс восемнадцати»... Военно-полевой суд в Софии приговорил всех к смертной казни. Приговор приведен в исполнение 26 июня 1942 года.

Наклонившись над соседней витриной, я с трудом разбираю набросанное карандашом предсмертное письмо Родионова, рассматриваю его личные вещи: поношенную скромную куртку, старенький бумажник, кепку...

Родионов... Легендарная жизнь и мужественная смерть человека, подвиг которого принадлежит трем народам. Без малого двадцать лет верой и правдой он прослужил в Красной Армии, сражался в осажденном Мадриде и умер на родной болгарской земле за общую нашу свободу.

Его настоящее имя было Цвятко Радойнов. Родился он в тихом селе, получил педагогическое образование, вернулся домой сельским учителем. Уча народ, он сам

Радойнов на фронте под Мадридом (слева).

← Полковник Радойнов перед Великой Отечественной войной.

Цвятко Радойнов во время следствия. → (Фотография из архивов болгарской полиции.)

учился у народа. Не удивительно, что он становится коммунистом, а в двадцать семь лет — участником сентябрьского восстания 1923 года.

После того как восстание в районе Бургаса было подавлено, он вместе с тринадцатью товарищами уходит за турецкую границу. В кемалистской Турции побежденных болгарских революционеров встретили сочувственно, они нашли кое-какую временную работу. Потом друзья собрали им денег на дорогу, и вот они в Одессе.

В семье Радойновых мне показали ветхое украинское «посвідчення», датированное 1925 годом и подтверждающее, что болгарский гражданин Радойнов действительно трудился в одной из земледельческих коммун. Позже, уже получивший советское гражданство, «Андрей Константинович Родионов» идет на службу в Красную Армию. Вскоре он был принят в Академию имени Фрунзе, на один курс с Ватутиным.

Осенью 1936 года он добровольно едет в Испанию, где становится во главе соединения, обороняющего один из участков мадридского фронта. Особенно отличается он в боях на Эбро.

А в августе 1941 года болгарский коммунист Цвятко Радойнов отправляется в царистскую Болгарию, против воли народа сделавшуюся союзницей гитлеровской Германии.

Радойнову удается связаться с нелегальным партийным руководством, его назначают руководителем центральной военной комиссии при ЦК. Но в апреле 1942 года предатели помогают фашистской охранке напасть на след Радойнова, схватить его и еще семнадцать товарищей. В полицейских застенках притихшей Софии ведется поспешное следствие, затем суд выносит предрешенный приговор.

За пять дней до смерти Радойнов успел написать и передать на волю два письма: одно на русском языке, адресованное дочери в СССР (нескоро оно дошло до нее), другое — на болгарском, брату и сестре. В первом он пишет:

«Милая моя дочурка Инночка, я, наверное, не увижу больше тебя, не услышу твоего голоса, не поцелую тебя больше. А как хотелось бы хоть еще раз взглянуть на тебя!

Здесь, на своей родной земле, в Болгарии, я попал в плен, как красноармеец, и враг не выпустит меня, не простит потому, что я боролся за свободу своего народа, за его независимость, за мир. Я чувствую, что настал мой последний час, и могу сказать тебе, что твой папочка умер с честью, и ты можешь гордиться тем, что ты моя дочь.

Как хотелось бы увидеть конец войны и радость народов после победы нашей славной Красной Армии. Но я умру спокойно, потому что верю в победу, верю, что настанут еще хорошие времена для человечества. Вспомни тогда своего папочку, который так любил тебя. Со слезами на глазах и болью в сердце я вспоминаю нашего Спартака[1]. Он ушел рано от нас. Пойди на его могилку и положи цветочек от меня. Утешай свою мать умело, как делала это и раньше, и поцелуй ее вместо меня.

Будь всегда примерной гражданкой великой Советской страны.

21. VI. 1942 год. София. Ваш Цв.».

Письмо к брату и сестре торопливее, многие слова написаны сокращенно. Вот его русский перевод:

«Дорогие брат и сестра!

Прошло двадцать лет разлуки, пока мне удалось завернуть в родное село, но я не смог повидаться с вами...

Я прожил бурную жизнь, и был счастлив потому, что передо мною всегда стояла благородная цель — отдать свои скромные силы на благо народа. Я отхожу спокойно, так как верю, что близко, очень близко осуществление моей цели. Я мечтал, что тогда я повидаю моих односельчан и разделю общую радость. Передайте же поклон от меня всем, всем в тот счастливый день. Уверен, что вы сделаете все, чтобы жизнь стала прекрасной, и никогда больше не позволите вернуться прошлому, с его войнами, несчастиями, страданиями и несправедливостью.

21. VI—942. Ваш брат Ц.».

Наступил день казни. Радойнова соединили с другими товарищами. Те из них, кто был постарше, участвовали в сентябрьском антифашистском восстании без малого двадцать лет тому назад; почти все они воевали с фашистами в Испании. Внешне они были похожи на побежденных: одежда их была поношенна и помята, лица истощены и небриты, голоса, должно быть, звучали хрипло. Но, идя навстречу смерти, стоя плечом к плечу против наведенных на них полицейских винтовок, они громко запели старинную победоносную песню на слова великого своего предка, павшего в героической борьбе с турецкими поработителями его родины. Они пели о том, что павший в бою за свободу не умирает, что земля и небо тужат о нем и поэты слагают о нем стихи...

Вечер настанет, месяц заблещет,
Звезды с небес сиянье прольют,
Ветер подует, лес затрепещет,
Песнь гайдуков Балканы поют...

А в тот час, когда загремели выстрелы и пал Радойнов, новые гайдуки, коммунисты и комсомольцы, уже поднимались с оружием в зеленые чащи Балкан, запевая песни на слова той же баллады Христо Ботева, которая начинается строкой: «Жив он, жив!»

[1] Сын Радойнова.

САМАЯ ТРУДНАЯ ПРОБЛЕМА АНГЛИИ

Очередь безработных у биржи труда в Лондоне.

Кони ЗИЛЛИАКУС,
член английского парламента

— Все начинается сначала, — сказал пожилой человек. — Уже восемь недель, как я потерял работу и не знаю, когда найду новую.

— Да... — протянул молодой. — Вот ты толковал про минувшие годы и все уверял, что прежнее не вернется. А теперь и я и мои дружки работаем неполную неделю, а тут еще говорят, что завод совсем закроют...

Разговаривали отец с сыном. Оба были квалифицированные рабочие-машиностроители, но старику последнее время пришлось работать в железнодорожном депо. Это были мои избиратели, в каждом их слове чувствовалась тревога. Обеспокоены были и их жены и многие соседи. Старое, полузабытое чувство неуверенности, страха за будущее поселилось снова в сердцах рабочих Англии.

Мне знакомо это, потому что мой избирательный округ с 1955 года — Гортон, рабочее предместье Манчестера (Ланкашир). Это в «черном поясе», где почти два столетия тому назад начался промышленный переворот.

Этот густонаселенный, индустриальный и усеянный городами район особенно пострадал в двадцатилетие хронической безработицы между двумя войнами. Хуже всего пришлось рабочим, занятым в старых, отсталых отраслях промышленности: в угольных шахтах Уэлса и Дургама, на текстильных, главным образом хлопчатобумажных, фабриках (Ланкашир), в судостроении (Клайд и Тайн). Безработица свирепствовала до войны и в Шотландии и вернулась туда сейчас, поднявшись вдвое против среднего английского уровня. Все эти охваченные хронической безработицей места носили кличку «обездоленных районов». Потом их стали называть «специальными районами»: должно быть, так звучало мягче. А после второй мировой войны их окрестили еще более уклончиво и заумно: «районами развития».

Начиная с 1951 года пришедшее к власти правительство консерваторов последовательно уничтожало элементы экономического контроля и планирования, введенные лейбористами. Консерваторы денационализировали сталелитейную промышленность и транспорт и вернулись к политике «свободного предпринимательства». Первым результатом было то, что темп роста общего производства снизился вдвое — до 3,4 процента в год, а занятость стала все больше зависеть от растущего производства вооружений. В послевоенной английской экономике была дана свобода рук тем, кто живет рентой, процентами и прибылями, иначе говоря, все вернулось к предвоенному положению. Стоимость жизни стала повышаться, в то время как мировые цены шли вниз. Затем наступили инфляция и кризис платежного баланса.

Консерваторы решили «справиться» с инфляцией при помощи классического капиталистического «лекарства»: они подняли банковскую учетную ставку до 7 процентов, ограничили банковские кредиты, сократили расходы на такие общественные цели, как строительство дорог, школ, больниц и жилых домов, урезали капиталовложения в промышленность. В результате скромный годовой прирост производства с 3,4 процента упал почти до нуля.

Английская промышленность работает только на $^2/_3$ своей производственной мощности. Сократился промышленный спрос на уголь. 37 миллионов тонн угля скопилось на шахтных дворах. Национальное угольное управление ведет переговоры с Национальным союзом шахтеров о закрытии 40 шехт и сокращении добычи угля открытым способом. Угольное управление утверждает, что, если это не будет сделано, запасы угля возрастут в 1959 году до 50 миллионов тонн. Но все это означает, что от 12 до 20 тысяч шахтеров потеряют работу.

Тем временем загрузка сталелитейной промышленности также упала на $^3/_4$ ее производственной мощности. В результате железные дороги, для которых сталь и уголь составляют основную статью товарных перевозок, стали терпеть большие убытки.

Короче говоря, капиталистические методы преодоления инфляционного кризиса привели только к застою в производстве. Застой же, в свою очередь, породил безработицу. Правда, наиболее откровенные капиталистические экономисты прямо говорят, что определенное количество безработных даже необходимо для нормального функционирования «системы свободного предпринимательства». Ведь при «полной занятости», рассуждают эти экономисты, рабочие становятся настолько «наглыми», что начинают выдвигать чрезмерные требования, а профсоюзы приобретают такой вес, что предприниматели не в силах противостоять их требованиям. Естественно, что капиталист предпочитает иное положение дел: его вполне

устраивает, если на место каждого уволенного рабочего уже готовы двое или трое других...

Английские рабочие наших дней реагируют на безработицу более наступательно, чем их отцы и деды до войны. Массовая безработица давала себя знать даже перед первой мировой войной, еще чувствительнее сказывалась после нее, а совсем тяжело — после большого кризиса начала тридцатых годов. Все это создавало настроения фатализма и отчаяния в рядах рабочего класса. Коалиционное правительство военного времени под давлением лейбористов впервые провозгласило, что обеспечить работу всем — это долг современного государства.

Во время войны работы хватало для всех. Так было и в последующие пять лет при лейбористском правительстве. Так продолжалось в течение 6—7 лет и при правительстве консерваторов — главным образом в связи с преодолением экономического паралича, причиненного войной.

Сегодня безработица в Англии составляет 2—3 процента к общему числу рабочих (в абсолютных цифрах от 500 до 600 тысяч безработных), а до войны безработных бывало до 2,5 миллиона (8 процентов). Но в рабочем классе растет тревога и усиливается недовольство. Уже возникают зловещие черты массовой безработицы в предвоенных «обездоленных районах». Рабочие этих районов, — в их число входит и Гортон,— чувствуют, что старые беды вновь всплывают на поверхность жизни.

Консерваторы пытаются преуменьшить размеры безработицы. Гарольд Вильсон, министр торговли в последнем лейбористском правительстве, ныне министр финансов «теневого» лейбористского кабинета, утверждает, что официальные цифры безработицы сильно занижены и что число безработных в действительности приближается к миллиону. Молодежь, оканчивающая школы, не может найти работы; но, поскольку молодые парни и девушки еще не были зарегистрированы как рабочие, их не включают в списки безработных. Сильно распространено и такое явление, как неполная рабочая неделя (например, трех- или четырехдневная).

Консервативное правительство вновь делало попытки справиться с создавшимися серьезными экономическими затруднениями, применяя меры, которые, однако, вели все к тем же результатам — инфляции и кризису платежного баланса. Оно снизило банковскую учетную ставку до 4 процентов, сняло кредитные ограничения, увеличивает вложения в национализированную промышленность, предложило местным властям расходовать больше средств, стало предоставлять кредиты частным компаниям по продаже домов в рассрочку и т. д. Консерваторы знали, что этих мер хватит ненадолго и что меры эти иллюзорны, в особенности как лекарство от безработицы. Но они надеялись, что как-нибудь протянут подольше, а потом с помощью нового, так называемого «мягкого бюджета», полного всяких громких обещаний, добьются новой победы на предстоящих парламентских выборах.

Все эти расчеты не учитывают одного обстоятельства: возросшей чувствительности и более острого реагирования масс на безработицу, чем в довоенное время. Игнорируется и тот факт, что в следующие 2—3 года, начиная с 1959 года, будет резко вырастать число выпускаемых из школы подростков, родившихся во время и вскоре после войны. По окончании учения дополнительная масса ищущих работу появится на рынке труда.

Консерваторы закрывают глаза также на то, что единственной преградой массовой безработице в современной капиталистической Англии является усиленная гонка вооружений (я не говорю уже о Соединенных Штатах, где 3 миллиона человек служат в армии, 10 миллионов заняты в военной промышленности, а около 5 миллионов лишены работы). Однако бремя вооружений стало таким чудовищным, что оно приносит нестерпимые беды нашей экономике.

Наконец, перед консерваторами встает во весь рост самая трудная для современного капитализма проблема — переход к новым технологическим методам производства. В этом отношении английская «свободная капиталистическая экономика» становится все более безоружной. Если она позволит себе обратиться к новой технике, в том числе к электронике и атомной энергии, то сотни тысяч, если не миллионы, рабочих окажутся «лишними». Провести автоматизацию в широком масштабе в устарелой промышленной системе Англии — все равно, как если бы на старую извозчичью карету поставить тысячесильный мотор гоночного автомобиля.

Существующие отношения собственности заставляют производительные силы современной Англии испытывать постоянные судороги, заявил Эньюрин Бивен на митинге, организованном еженедельником «Трибюн» во время конференции лейбористской партии в Скарборо. Он добавил, что единственный выход из положения — замена капитализма социализмом и что лейбористская партия должна посвятить себя этой цели и найти в себе силы осуществить эту цель.

Многие из нас, членов лейбористской партии, говорили это уже давно. И сейчас рабочие, которым грозит безработица, чутко прислушиваются к таким словам.

Все возрастающая неуверенность в капиталистическом мире, идущем к тупику, невольно вызывает в моем сознании образ того гигантского экономического подъема, который намечен в докладе Н. С. Хрущева о семилетнем плане. «Мы не можем игнорировать этот реальный вызов коммунистов,— писал наш еженедельник «Нью Стейтсмэн» по поводу тезисов этого доклада.— Судя по ходу дел, коммунистические страны в недалеком будущем обгонят в области производства находящийся в застое Запад... Перед лицом такого положения,— заключал «Нью Стейтсмэн»,— правители Запада сами роют себе могилу, продолжая мыслить в категориях гонки вооружений и борьбы с «опасностью подрывной работы извне».

«Уверенное предсказание Хрущева, что коммунистический блок в 1965 году будет производить больше половины мировой промышленной продукции,— писала «Трибюн»,— ошеломило западный мир. Ибо никто не сомневается, что изумляющая способность Советского Союза к быстрому экономическому развитию дает возможность выполнить эту задачу».

Еще до опубликования контрольных цифр семилетнего плана Хью Гэйтскелл, лидер лейбористской партии, выступая в прениях в палате общин, говорил:

«В течение этих нескольких дней мы обсуждали то, что, на мой взгляд, является величайшей проблемой экономической и социальной политики, перед которой стоит не только наша нация, но и весь западный мир. Это факт — хотим мы или не хотим, — что советский и коммунистический блок, Россия и Китай, идут вперед, что их промышленность быстро расширяется от года к году. У них могут быть случайные задержки, но в быстроте их развития не может быть сомнения.

Мы говорим, что мы никогда не выиграем в этом состязании и никогда не сравняемся в темпах развития с коммунистическими странами, если производство у нас будет постоянно задерживаться, как это было в последние пять лет в Англии и в известной степени в других западных странах. Это означает, что нам нужно правительство, которое использует все имеющиеся в его распоряжении силы, чтобы ликвидировать тенденцию к инфляции и одновременно стимулировать расширение производства».

Месяцем позже Эньюрин Бивен, выступая на митинге в Скарборо, говорил на ту же тему, но в несколько ином плане. «Хотя,— сказал он,— мы не согласны с политическими режимами в странах, управляемых коммунистами, нам не надо закрывать глаза на огромные успехи Советского Союза и Китая и на тот факт, что эти успехи продемонстрировали громадное превосходство советской экономической системы над капиталистической экономикой. Это явилось, так сказать, экспериментальной проверкой убеждения лейбористской партии, что социализм — не просто далекая цель и конечный идеал, но неотложная необходимость, ответ на наши сегодняшние нужды и путь к решению стоящих перед нами проблем».

Таков вывод, уже сделанный левыми в лейбористской партии Англии, вывод, к которому приходит все большее число рабочих и прогрессивных людей этой страны.

Лондон.

Старшина

Яков КОЗЛОВСКИЙ

Он, человек общительного нрава,
Не для меня, пожалуй, одного
Был воплощеньем строгости Устава,
Как наш полковник — мудрости его.

И засыпал я на земле шершавой,
Маскировал костра ночную медь,
Мог с головной походною заставой
Пройти сто верст — и ног не натереть.

Из боевой,
мне вверенной винтовки
Мишень была пробита не одна.
Я понял цену воинской сноровки:
Во мне ее чеканил старшина.

За каждый промах взыскивал сурово,
А за удачу каждую хвалил.
Любивший солью чуть присыпать слово,
Он слов высокопарных не любил.

Не говорил он: «Будь самоотвержен»,
А говорил: «Не бойся, старина,
Ты будешь артиллерией поддержан,
Тебя прикроют танки, как стена.

Не думай о привале до привала.
Как надобно, маневр свой понимай.
Не маленький — теряться не пристало.
Убьют меня, команду принимай!»

Поэт

Арсений ОНИЩЕНКО

Крепышом, веснушчатым и рыжим,
Был он в том предгрозовом году.
В школу не носил с собою книжек;
Дрался у девчонок на виду.

Не читал своих стихов ребятам:
Говорят, боялся, что смешны...
С рюкзаком к дверям военкомата
Он пришел на третий день войны...

А когда последние резервы
На рассвете подняли в штыки,
Из траншеи через бруствер первым,
Ливню пуль и страху вопреки,
Прыгнул он.
Пилотка соскочила
И одна осталась средь песка.
Солнце в рыжем ежике лучилось,
Каждого касаясь волоска.

Он бежал,
от ярости безмерной,
То ль от вдохновения дрожа.
И упал в траву одним из первых
Перед амбразурой блиндажа.

...Из его мешка тетрадь достали,—
Мятую, в махорочной пыли...
Всё по разу вслух перечитали.
О войне стихов там не нашли.

Он писал не о смертельной стали,
Он писал про школу и весну.
...О героях позже написали
Сверстники, прошедшие войну.

И. В. Бордачев. БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ. (В дни наводнения в ГДР.)

РАБОТЫ ВОЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ СТУДИИ ИМЕНИ М. Б. ГРЕКОВА.

В. Н. Медведев. УЧЕНИЕ В ГОРАХ.

П. Т. Мальцев. ШТУРМ САПУН-ГОРЫ. Эскиз диорамы.

Н. В. Денисов. У ПИРСА.

М. И. Самсонов. КОК ПАВЕЛ ТИМОФЕЕВИЧ.

В. и З. Правдины. СЫНОЧЕК.

СОЛДАТУ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Марта ДОДД,
американская писательница

— Эгей, русски!

— Ура, американцы!

Полтораста метров воды разделяли обе армии. Некоторые из солдат, слишком нетерпеливые и возбужденные, чтобы дожидаться выполнения формальностей, бросались в реку и плыли, стремясь встретиться лицом к лицу с боевыми товарищами. Уже много дней каждый батальон, каждый солдат только и думал о том, чтобы поскорее дойти до этого места. Наконец они дошли, встретились, обнялись, расцеловались. Они не знали языка друг друга, эти уставшие от походов солдаты, но у них нашелся общий язык — язык боевого опыта, приобретенного под бомбами, в артиллерийском огне, в рукопашных схватках; язык крови, смерти и победы. Рослый техасец снимал свои нашивки и прилаживал их к погонам приземистого украинца, крепко прижимал его к груди и без конца повторял одно слово: «Сталинград».

Лодки перевозили солдат и офицеров с одного берега Эльбы на другой. Обменивались сигнальными флажками, пили за здоровье друг друга, за победу, за мир навечно. Сами собой вспыхивали песни, солдатские песни, к которым и те и другие привыкли на длинных переходах, на привалах перед боем. Все опустошали карманы, одаривая друг друга на память любыми мелочами, вплоть до пуговиц. Всем словно хотелось перемешаться, слиться — людям с Миссисипи и с Волги, Скалистых гор и Урала, с равнин ковбойского Запада и степей Украины и Дона, солдатам, которые воевали и поставили на колени общего врага — фашизм.

Сошлись два полушария Земли. Четыре года эти союзники пробивали путь через моря и континенты, чтобы наконец соединиться. Этот час наступил четырнадцать лет тому назад на немецкой реке Эльбе.

Скрытые враги (они гнездились и в городах Германии и на земле Америки) исподтишка наблюдали за этим зрелищем, полные подозрений, хмурые, готовые уловить даже самую слабую нотку раздора. Ведь не может быть, чтобы люди коммунистической и капиталистической стран сошлись вместе без чувства ненависти друг к другу?! Но ненависти не было; ее не было ни тогда, ни позже. Враг с холодными глазами молча присматривался. Нужно терпение, надо выждать, получше подготовиться и тогда — кто знает?..

На Эльбе американский генерал обратился к солдатам с прочувствованным словом: он воздавал хвалу Советской Армии. «Эти солдаты,— говорил он,— шли навстречу вам от руин Сталинграда и Севастополя, через опустошенные города Украины. За два года они прошли с боями тысячи километров, заставили немцев отступить из России и преследовали их до реки Эльбы. Их воинские успехи увенчали бессмертной славой этот народ, который не хотел быть побежденным...»

Не хотел быть побежденным? Нет! Он не только не хотел быть побежденным, он твердо решил победить, чего бы это ни стоило!

Советская Армия!.. Что значило это слово для американцев — солдат и простых граждан? Сразу приходит на память образ молодого русского в защитной гимнастерке, помятой солдатской пилотке с красной звездой, с винтовкой в руках — солдата, стоявшего насмерть на рубеже свободы. Умноженный тысячекратно в бесчисленных боевых шеренгах, он грудью преграждал дорогу звериной жестокости и первобытному мраку; сражаясь в одиночестве, он спасал нашу цивилизацию!

Американский народ и наши солдаты, сражавшиеся и умиравшие на далеких дальневосточных островах, благоговели перед вами! Президент Рузвельт, пораженный тем, что предстало перед ним, сказал просто и искренне о своем глубоком уважении к почти сверхчеловеческому мужеству и силе воли русских.

Американцы не очень много знали о Советской Армии, но многим было уже известно, что вы армия рабочих и крестьян, армия первого в истории социалистического государства. Это кое-кого тревожило и пугало. И это же наполняло теплотой и гордостью подавляющее большинство граждан Америки. Все мы внезапно ощутили большую симпатию к вашему народу, который подвергся столь вероломному нападению 22 июня 1941 года.

Все громче звучали у нас голоса, требовавшие американо-советского сближения и сотрудничества. Но наперекор им уже поднимался скрипучий хор лицемерных политиканов, всяких военных «специалистов» и «экспертов» по международным делам. Пусть, говорили они, два гиганта в страшной схватке ломают кости друг другу, пусть льется их кровь до тех пор, пока оба не обессилят и рухнут от истощения...

В первые месяцы войны, в тяжелые месяцы временного отступления Советской Армии, когда гитлеровские войска глубоко проникли в глубь Советского Союза, мы, антифашисты, хорошо понимали, что с каждым шагом вперед враг приближается и к нашей собственной земле. Это был период тяжелого беспокойства, почти отчаяния для некоторой части нашего народа, период растерянности и бездействия нашего правительства.

Потом на нас обрушился удар — предательское нападение японцев на Пирл-Харбор. Оно заставило американский народ встряхнуться. С этого момента и до конца войны мы, американцы, следили за действиями Советской Армии с таким же пристальным и горячим вниманием, как и за операциями наших собственных войск.

Прошло время сожалений, страха и растерянности. На их место пришла глубокая, целеустремленная ненависть к врагу. Мы внимательно изучали карту Советского Союза, старались понять вашу творческую военную стратегию, поражались гигантской эвакуации заводов и населения, вашему упорнейшему сопротивлению и несказанному самопожертвованию.

Стараясь правильно выговаривать непривычные для нас названия, мы толковали о местах, где происходили титанические бои, титанические и по размаху и по храбрости: Великие Луки, Смоленск, Тула, Ельня, Можайск... Широкие территории были под пятой неприятеля. Но Москва стояла непоколебимо! Ленинград и не думал сдаваться. Имена этих городов были близки и любимы нами, как имена городов Америки.

Мы, американские штатские люди, которым мужество и героизм вашей армии дали возможность не испытывать бедствий войны, были полны одним желанием: помогать ей как можно больше. Многие из нас отдавали деньги, посылали лекарства, медицинское оборудование, одежду. Но что составляла эта капля в океане ваших нужд!

И вот пришел Сталинград, эта вершина человеческого мужества. Мысли и чувства всех людей на нашей планете были устремлены к этому куску русской земли. Американцы с жадностью впивались глазами в военные сводки, приникали к радиоприемникам. Мы восхищались тысячами и десятками тысяч героических подвигов ваших воинов. Мы в скорбном молчании читали рассказы о ваших павших героях, о дневниках и клочках бумаги, которые товарищи находили в их застывших руках. Кто может забыть эти наскоро записанные перед боем, запятнанные кровью слова Николая Островского:

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества...»

После Сталинграда у каждого заликовало сердце, всех воодушевлял ваш пример. Американцы ясно поняли, что в мире появилось что-то новое, великое, новый

Встреча на Эльбе в 1945 году.

дух, новые человеческие достоинства. В следующем году вы отбросили врага далеко от сердца Родины. На вашем обратном, победном пути перед вами раскрывались ужасы, гнусности и зверства, которые фашисты учиняли в масштабах, невиданных в человеческой истории. Вы все это видели и запоминали. И вы сохранили это в памяти, как и антифашисты всего мира.

События быстро следовали одно за другим; одна победа Советской Армии сменяла другую. И вот наступил конец войны. Кончилась она и на Дальнем Востоке, куда устремилась нам на помощь Советская Армия.

Но незадолго до этого долгожданного дня злые молнии прорезали небосвод, земля словно разверзлась, и отравленные облака окутали десятки тысяч живых человеческих существ. Мы стали свидетелями чудовищного рождения атомной бомбы.

Кончилась война, наступала новая эра. Но этот страшный, враждебный человечеству акт возмутил умы людей, пристыдил моих соотечественников на целое поколение. Многие из нас понимали, что это было откликом вампира на бессмертное человеческое величие Сталинграда.

Кто может сказать, когда началась «холодная война»? Можно ли назвать точно день, когда наши правители начали выражать свой страх и ненависть перед социализмом? Все тот же холодный, жестокосердный и хорошо откормленный враг мира стоял у колыбели «холодной войны». Сталинград показал ему, что вы непобедимы в сражениях, но этот враг еще не полностью познал вашу силу в период мира. Ослабленные и истощенные — так думал он,— вы должны были быть принуждены к покорности. И, кроме того, в его руках было новое страшное оружие, которым он размахивал над вашими головами.

А вы уже снова были за работой. Вы, солдаты, опять превратились в крестьян, рабочих, восстанавливали ваши города и поселки, снова возвращали плодородие вашей измученной и опустошенной земле. Вас снедал гнев при виде колоссальных потерь, причиненных вам фашизмом, но вы строили, восстанавливали, засевали поля, сажали деревья — для будущего.

Мир начал понимать, что Сталинград был не только знаменем воинской доблести у берегов замерзшей Волги. В широкой программе восстановления и нового строительства, которое вы выработали, в монументальных планах, которые вы тут же принялись выполнять, вам уже виделись первые мирные атомные станции, работающие на пользу человечества. Вы оказались настолько вооруженными в науке, чтобы послать спутников вокруг Земли, ракету в сторону Луны и Солнца, чтобы планировать дальнейшее проникновение в глубины мировых надзвездных пространств! И все умножаются признаки изобилия для вас, простых людей, на самой Земле. Все доступнее становятся для вас блага жизни, все ближе грядущий урожай полного благоденствия.

Вам от роду сорок один год. Но вы так же молоды, как и в день вашего рождения. Несмотря на горячую войну и войну холодную, которые вы перенесли, вы сейчас сильнее, чем когда-либо!

Жестокосердный враг мира все еще пышет злобой к вам. Но мы, американцы, уже чувствуем, что наступает период оттепели. Уже взламывается лед «холодной войны», уже начинают зеленеть поля мирного сотрудничества.

Канзас и Украина обмениваются посланцами, которые толкуют о том, как лучше возделывать безбрежные черноземные поля. Наша американская молодежь уже не раз бродила по улицам ваших городов, танцевала вместе с вами, пела и мечтала о мире для всех народов. Ваши блестящие ансамбли, ваши замечательные музыканты встречают ошеломляюще горячий прием, когда появляются в Америке. И рядом с этим молодой американский парень завоевывает Москву свежестью своего таланта, и лучшие люди его страны аплодируют его успеху среди советских людей.

Много дорог ведет к дружбе, и по многим из них мы уже идем навстречу друг другу. У нас, американцев и русских, много общего. Мы не должны застывать в незнании друг друга, а тем более во враждебности. Теплотой наших сердец, дружескими совместными усилиями мы растопим лед, переменим климат, породивший «холодную войну». Это стоящая задача, задача, настоятельная для наших крепких, великодушных и творческих народов. Они с одинаковым нетерпением ждут дня, когда мы пойдем совместно рука об руку по открытой широкой дороге.

Лейтенант Робертсон и лейтенант Сильвашко на восточном берегу Эльбы.

Записи

Сергей КРУШИНСКИЙ

Письма-треугольники

Вот они, передо мной,
Письма без конвертов,
От друзей, с передовой.

Под дождем и ветром
Их писали на колене,
На солдатском котелке,
На березовом полене,
Папиросном коробке,
На стволе орудия
Иль на танковой броне,
Дома и за Бугом —
В далекой стороне.

То песчинки мелкие
В лист пожухлый вкраплены,
То косой линейкой —
След еловой лапки,
Как чужой земли печать...
Все пусть сохранится!

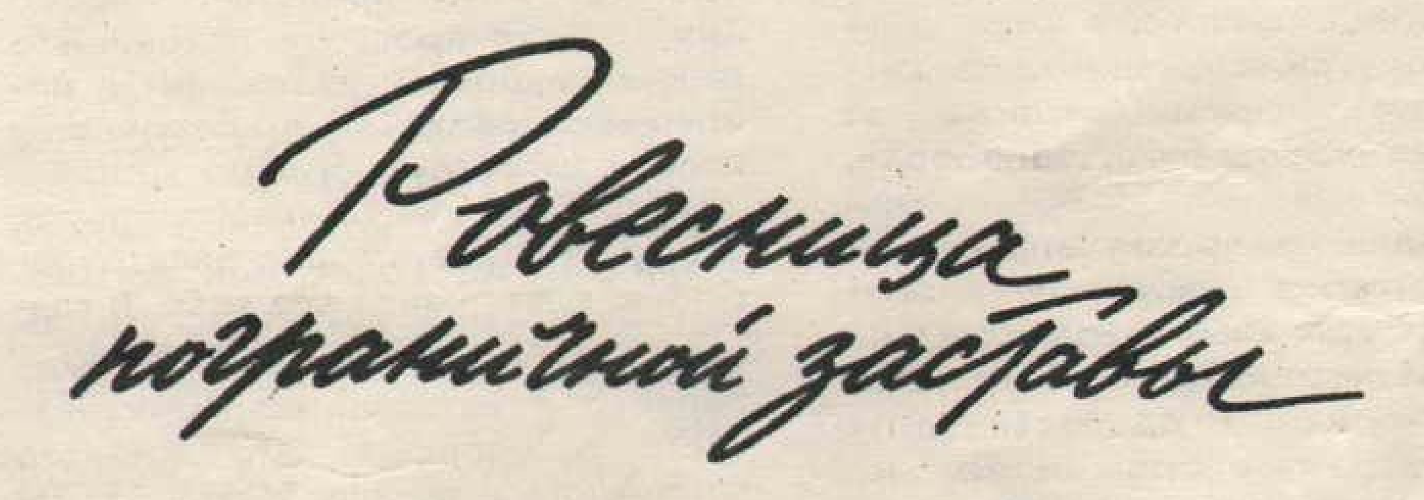
Так пришлось и мне начать
Путь по заграницам.

Рубежи

Крупный узел обороны —
Город Яссы.
Здесь тебя и похоронят,
Может статься.
Тут позиции врага
На высо́тах.
Не одна полегла
Наша рота.

И ничто не растет,
Только мина — к мине!
И ничто не цветет,
Кроме касок в глине...

Но довольно о былом
Точить лясы.
Разве много лет прошло?
Не узнаешь Яссы!
В зарослях зеленых
Дрозды свистят,
Травы на склонах
Тихо шелестят,
Вдоль коммуникаций
Цветут, цветут акации
И кружит шмель сонный
С песней монотонной.

Борис ДУБРОВИН

Хлестал афганский ветер,
Насвистывая власть...
В палатке на рассвете
Людмила родилась.

Покуда еле-еле
Входил в палатку быт,
Из списанной шинели
Был мишка ей пошит...

Теперь игрушек стая
И куколки подряд,
Глаза приоткрывая,
Ей «мама» говорят.

Но, кинувшись вприпрыжку
Из дома до ворот,
Она с собою мишку
Под мышкою несет.

Ее у дома кружит,
Поглядывая вбок,
Ушастей всех игрушек,
Покорный ишачок.

Веселая, без страха,
По десять раз на дню
Протягивает сахар
Отцовскому коню.

Нередко в полдень жаркий
Бежит она легко
И в блюдечке
Овчарке
Подносит молоко.

Безумная девчонка!
Угрозам вопреки
Кладет она
Ручонку
На острые клыки...

Бела Людмилы майка,
И голова светла,
Не девочка, а чайка,
Ручонки — два крыла.

Поет она и скачет,
Улыбки пронося.
Но если вдруг заплачет,
Встревожатся друзья:

Хоть только у телеги,
Измученный, прилег,
Приподнимает веки
Вздремнувший ишачок;

Пожевывая глуше,
Отбрасывая сны,
Нацеливают уши
Донские скакуны;

Ссутуливая спину,
Припавшая к песку,
Овчарка, как пружина,
Готовится к броску...

Людмила каждый вечер,
Сбегая по крыльцу,
Торопится навстречу
Усталому отцу.

В кудрях дочурки тонет
На миг всего, легка,
Пропахшая погоней
И порохом рука.

МОСТ

Андрей Мацкевич.

Ал. ШЛАЕН

В это утро Андрей Мацкевич проснулся раньше обычного. Рассвет только занимался. Андрей вышел на площадку. Со всех сторон его окружала тишина. Высоко над головой парил орел. Андрей невольно залюбовался стремительной легкостью его крыльев.

Тишина... Только изредка доносятся глухие удары камней, срывающихся с горных стремнин. Тишина... Андрей огляделся по сторонам. Солнечные лучи, рассеяв дымку предрассветного тумана, вызолотили снежники Шхельды. Крошечные росинки на скалах заискрились, заиграли, точно в каждой зажглось по маленькому солнцу. А орел все парил над горами.

— Хорошо-о-о! — во всю мощь своих легких прокричал Андрей. И из глубины горных отрогов, от вершин донеслось стоголосое: ого-го-го!..

— Подъем!—прозвучала команда. И через несколько минут лагерь наполнился веселым гомоном молодых голосов. Закурился дымок кухни. Запахло вкусным завтраком. Начались последние приготовления, осмотр снаряжения. Не прошло и часа, как группа альпинистов во главе с инструктором мастером спорта Андреем Мацкевичем снялась с ночевки и ушла в поход.

Предстояло последнее в том сезоне восхождение на пик Щуровского. Спортсмены медленно поднимались ввысь. Связанная между собой для страховки специальными шнурами (репшнурами), группа совершала свое восхождение. Солнце заканчивало дневной путь, а они только достигли узенького карниза, который изобретательная природа неизвестно как прилепила к скале.

Привал. Непродолжительный отдых. И вот уже снова звучит команда инструктора. Отсюда, с этого карниза, началась самая трудная часть похода—вертикальный подъем. Не мешает перед началом еще раз внимательно проверить снаряжение. Торопливые инструкции. Забивается в скалу первый крюк, и труднейшее восхождение началось.

Гулко отдаются в горах звуки ударов камней, которые, срываясь с горной кручи, стремительно проносятся мимо альпинистов. Прошло уже много времени, а до цели еще далеко. Начинает сказываться усталость.

Шаг за шагом, метр за метром спортсмены поднимаются вверх. Вдруг, забивая очередной крюк, Андрей заметил, что большой камень, сорвавшись с уступа скалы, летит прямо на голову его товарищу, шедшему ниже. Раздумывать некогда: оставались секунды, мгновения... Удар принять на себя! Качнулся на шнуре в сторону, как раз под удар, слегка развернулся, чтобы камень пришелся на рюкзак, напрягся, приготовился, замер... От волнения в висках застучала кровь. Показалось, что эти глухие удары слышно далеко вокруг. Удар! И резкий вскрик разорвал воздух...

То ли удар был сильнее, чем Андрей предполагал, то ли был допущен какой-то просчет, но крюк, брызнув каменной крошкой, выскочил из скалы... В лицо Андрею дохнул зияющий провал пропасти.

Боль в спине, словно электрический ток, пронзила все тело. В глазах пошли радужные круги, почему-то вспомнились утренние росинки, и потом — темнота...

Андрей пролетел вниз не более двадцати метров и повис на репшнуре. Когда его подтянули наверх, он был без сознания.

В вечернее небо взвилась ракета — сигнал бедствия. Своими силами начинать спуск с раненым товарищем альпинисты не решались: ведь у Андрея был перелом позвоночника. Так они и провели всю ночь над пропастью, накрепко привязанные к скале.

Утром были в лагере. К Андрею вернулось сознание. Как-то непривычно тихо стало в лагере. Даже разговаривать стали шепотом. Каждый невольно чувствовал себя виноватым. А днем на имя Андрея Мацкевича пришла телеграмма из Харькова. В ней сообщалось, что ему, инженеру Мацкевичу, и его соавтору Лукьянову присуждена первая премия на городском конкурсе за лучший проект моста. И тут же требовался его незамедлительный приезд в Харьков, так как на днях должны были начаться подготовительные работы на строительстве.

И Андрей, превозмогая нечеловеческую боль, стал требовать, чтобы его немедленно отправили в Харьков. Естественно, что никто даже слушать этого не хотел. Все единодушно согласились в одном: у Андрея не хватит сил для такой поездки, это равносильно самоубийству. Следовало отправить его в ближайшую клинику, длительный переезд недопустим.

— Нет,— все время возражал Андрей.— Мне это нужно. Помогите же мне!

Споры не могли продолжаться до бесконечности. Нужно было принимать какое-то решение.

И вот он в Харькове, в городской клинике.

За все время существования больницы в ней никогда не лежал такой больной. Нет, он не привередничал, не хандрил. Он просто во что бы то ни стало хотел жить, ему необходимо было жить.

После тщательных исследований сделали операцию. А когда Андрея привезли в палату, он через несколько дней, немного придя в себя, потребовал, чтобы к его постели поставили чертежную доску.

Врачи не могли пойти на это. Долго они совещались. Мнения разделились. Разгорелись жаркие споры. Более осторожные советовали воздержаться, выждать. Другие предлагали разрешить. В одном только сходились все: состояние Мацкевича очень тяжелое, но... Мацкевич — человек обреченный. Были взвешены все «за» и «против». И Андрею разрешили. Самым действенным может оказаться не лечение медикаментами и бесчисленными уколами, а лечение любовью к жизни. Но даже и в этом случае, по самым оптимистическим предположениям, он смог бы продержаться очень недолго.

Они отлично знали медицину, но, да простят нас доктора, не учли громадной человеческой любви к жизни.

А тем временем тихая больничная палата, где даже разговаривать привыкли вполголоса, начала превращаться в рабочий кабинет. Андрей не строил себе иллюзий. Он превосходно сознавал всю безнадежность своего положения. И твердо решил: ни одна минута не должна пропадать даром.

Ежедневно рано утром, как только заканчивался обход врачей, в его палате появлялся соавтор Лукьянов. А вместе с ним врывались запахи чудесной осени и неисчерпаемая энергия молодости.

Время — наилучший судья. Теперь уже многое казалось в проекте спорным, многое хотелось переделать. Ранее принятое решение уже не удовлетворяло. Проект требовал большой «доводки». И Андрей, напрочно запертый в четырех стенах, лишенный возможности двигаться, по-новому, по-настоящему начал понимать значение такого простого, обыденного, такого будничного и повседневного слова: «простор».

Он закрывал глаза. Вспоминались синева утреннего неба, легкие облака и, словно задевающий их своими крыльями, парящий орел. И в эти минуты он всем своим естеством ощущал, что проекту, как этой больничной палате, не хватает простора, не хватает стремительной легкости, как его неподвижному телу.

Почти полностью парализованный, едва двигая руками, он упорно работал, пренебрегая всеми предписанными ему режимами. Под хрупким грифелем карандаша возникал вариант за вариантом. Но слово «простор» не давало ему покоя. И вот безжалостная рука снова и снова перечеркивает чертеж. Нужно найти новое, наиболее верное, а значит, наилучшее решение. Нужно!

Лукьянов спорил с ним, отстаивал свою точку зрения. Перед ним был не больной Андрей, а его товарищ и соавтор, тот самый прежний Андрюшка. И эти бесконечные споры помогали Андрею, вселяли в него новые силы. А на листах ватмана начинали вырисовываться окончательные контуры нового моста.

Об Андрее Мацкевиче говорила вся клиника. Постепенно палата стала превращаться в своеобразный клуб. Сюда приходили товарищи по работе, спорту, сюда заходили больные из других комнат и отделений. Здесь никогда не было места нытью. Смех, шутки, веселье.

Врачи никак не могли понять, что же происходит. Их прогноз не оправдывался. Андрей Мацкевич жил.

Прошла осень, уже зима подхо-

А. Мацкевич в горах.

дила к концу. Причудливое кружево мороза на оконных стеклах исчезло. Зазвенела первая весенняя капель. Андрей жил.

На деревьях весенняя листва. Андрей жил.

Но силы уже подходили к концу.

Днем, как и раньше, шла напряженная работа. Правда, временами уже трудно было сосредоточиться. Тогда он напрягался до предела, усилием воли подавлял в себе слабость, и работа все-таки продолжалась. Труднее было ночью. Мучила боль. К постели подходила дежурная медсестра со шприцем в руках. Андрей молча, одним движением головы запрещал делать болеутоляющие уколы. В их составе наркотики, а для работы нужна свежая, ясная голова. Время не ждало. Он отчетливо понимал, что оставались считанные дни.

Чтобы как-то заглушить боль, он пел. Пел шепотом. Он знал много песен.

До сих пор в клинике помнят эти страшные ночи. Дежурные врачи, медицинские сестры, сиделки и больные стояли у его палаты. Тот, кто когда-нибудь боролся с болью, тот, кто боролся со смертью, знает, чего стоит эта победа. Из-за двери доносились слабый стон и тихое пение. Многие плакали, не стыдясь своих слез, бессильные хоть чем-нибудь облегчить страдания этого замечательного человека. Обреченного человека.

Работа над проектом подходила к концу. И вот наконец наступил тот день, когда, кажется, исправлять уже больше было нечего. Еще и еще придирчиво смотрел Андрей на проект. И так вдруг не захотелось расставаться с этим последним листом, последним!.. Но все уже сделано. Дрожащая рука ставит подпись в последний раз: А. Мацкевич. И сразу внутри словно что-то оборвалось. Охватила непривычная усталость. Со всех сторон навалилась звенящая тишина.

— Кончено!—чуть слышно прошептали губы.

Веки сами сомкнулись. Андрею виделся новый мост. Нет, не тот, что был пока еще только в листах проекта, а уже воздвигнутый руками строителей, которые теперь перехватили эстафету из его рук.

Вот он! Влажный после первого весеннего дождя, с шумливым нескончаемым человеческим потоком. И так захотелось жить, чтобы построить еще не один мост, чтобы еще не один раз подняться в горы и встретить там солнце раньше всех!

Этой же ночью Андрея Мацкевича не стало...

...Я стою на этом прекрасном харьковском мосту, что ведет на Холодную гору. Его формы отличаются какой-то необыкновенной стремительной легкостью, как крылья того орла, что парил в сентябрьском небе над головой Андрея Мацкевича.

Мимо меня проносятся автомашины, нескончаемым потоком идут пешеходы. Пожалуй, не каждый из них знает о замечательном подвиге человека, создавшего этот мост. Пусть на мосту еще пока нет золотых букв с именем Андрея Мацкевича. Они должны быть! Они будут! Но главное то, что и сейчас этот человек живет среди нас своей осуществленной мечтой, своими делами, своим большим сердцем.

ЯПОНИЯ ВБЛИЗИ

А. СОЛОДОВНИКОВ,
директор МХАТа имени М. Горького

Япония всегда казалась мне страной загадок и легенд. Своеобразие японского театра, живописи, национального костюма, поражающих изысканностью красок и вкуса, представлялось издали как бы несколько надуманным. Стилизация — закон японского искусства, так думал я раньше. И это, видимо, потому, что нам, россиянам, даже при самой пылкой фантазии трудно представить себе ту повседневную жизнь, ту природу, которые отражены в линиях японского рисунка, изяществе национальной одежды, грации движений, оригинальности сценических приемов.

Побывав в Японии, я убедился, что своеобразие японской культуры зиждется на своеобразии страны.

Путешественника поражает японский пейзаж. Горы и каналы, рисовые поля, склоны холмов, поросшие темно-зелеными чайными кустами, заросли бамбука, рощи низкорослой японской сосны, деревья, усеянные золотистой хурмой, старинные пагоды, дымящие трубы заводов, приземистые домики, шоссе с мчащимися роскошными лимузинами, обгоняющими наш автобус, и согбенные фигуры крестьян, копающихся на своих полях, залитых водой,— все эти картины непрерывно сменяются, создавая каждый раз новое яркое впечатление. И постепенно возникает подлинный образ страны и народа — людей трудолюбивых, настойчивых в борьбе с природой, дорожащих каждым локтем пригодной земли...

Артисты МХАТа встретились с ведущими актерами театра Кабуки в городе Токио.

МХАТ провел в Японии сорок дней. Мы выступали со спектаклями в Токио, Осаке, Нагое, Фукуоке, Явате. Посетили старинные центры национальной культуры — Киото и Нару. Путешествовали в поезде, на автобусах, в самолете и пешком. Пересекли страну с севера на юг. Побывали в театрах, университетах, на фестивале народных хоров, в храмах, музеях и парках. Провели множество встреч и бесед с представителями японской интеллигенции.

Сейчас, когда все это необозримое море впечатлений улеглось, хочется сказать о самом существенном — о той сердечности и дружелюбии, с которыми отнеслись к нам японцы.

Интерес к спектаклям был огромный. Может быть, потому, что имена Станиславского и Немировича-Данченко знает каждый театральный деятель Японии, а слова «Московский Художественный театр» повсеместно произносятся с неизменным уважением.

К началу каждого мхатовского спектакля зрители уже задолго на местах. У всех программы, где на японском языке подробно, по актам и явлениям, изложено содержание пьес. Гаснет свет — и в зале моментально устанавливается напряженная тишина. По радио звучит теплый женский голос. Это известная японская актриса Иошико Окада, которая учится в Московском театральном институте, рассказывает об авторах, о пьесе, о содержании каждого акта. Мы записали ее комментарии на пленку, и она — вернее, ее чудесный голос — была неизменным нашим спутником и участником каждого спектакля.

Но вот красочный, похожий на большую картину японский занавес уходит вверх, и над декорациями парит мхатовская чайка. С этой минуты и до конца спектакля актеры чувствуют токи непрерывного внимания, идущие из зала к сцене. Жаждущая искусства аудитория волнует актеров, создавая атмосферу творческого подъема. И хотя зрители не знают русского языка, это не мешает актерам: создается тот контакт, который нужен театру так же, как кислород человеку.

Когда занавес опускается в последний раз, его заставляют подниматься снова и снова. Актерам несут букеты цветов, из зала к нам тянутся руки. У входа в театр теснится толпа особо ревностных почитателей. Снова аплодисменты и возгласы, просьбы об автографах...

Наконец, все актеры уселись в автобус. Но к окнам машины подходят двое юношей и прижимают к стеклу билет на мхатовский спектакль. На нем среди японских иероглифов крупными русскими буквами написано: «Миру — мир». Так кончается спектакль — выражением солидарности двух народов в борьбе за мир.

Эту солидарность, желание трудовой Японии жить с нами в дружбе и добром согласии мы ощущали повсеместно и повседневно. И все же юноши, подошедшие к нашему автобусу со своеобразным лозунгом мира, были чрезвычайно осторожны. Об этом говорило все их поведение. Дело происходило в Фукуоке — городе, где много американцев, где американские истребители и бомбардировщики притаились на аэродроме, как хищные птицы.

Тень летящего американского бомбардировщика легла на Японию... Дело не только в том, что острова, соседние с нашей страной, стали военной базой далекой державы. Американцы стараются прибрать к рукам в Японии все: от политики до развлечений, от экономики до бытового уклада.

У меня создавалось впечатление, что Япония словно двоится. Подлинно народное, японское постоянно контрастирует с американским. Рядом с тихими, темными улицами, где, казалось, уснули столетия, высятся кварталы железобетонных громад, на которых вертится, прыгает, скачет, беснуется неоновая реклама — совсем как на Бродвее. Ковбойские фильмы заполняют японский экран. Рядом с национальным театром Кабуки показывают ревю на американский манер. И тут же мюзик-холл, оттеснив подальше к окраинам другие японские театры, беззастенчиво и пышно рекламирует танцы обнаженных девиц.

На художественных выставках воинствуют абстракционисты, и лишь кое-где по углам жмутся картины, в которых живет душа народа. Японские радиостанции порою передают хорошую музыку. Но непрерывно функционирующая американская станция с каким-то тупым упрямством транслирует только визгливый, хрипящий джаз.

Япония, японская интеллигенция, японская культура — на распутье. Волна буржуазного космополитизма грозит захлестнуть все то подлинно прекрасное, что уходит своими глубочайшими корнями в национальную, народную традицию.

Однако мы убедились и в том, что среди японской интеллигенции есть люди, которые искренне хотят, опираясь на лучшие достижения человечества, строить новое. Их немало.

Артистка МХАТа Г. Калиновская беседует с японскими артистками и их детьми.

С. ГЕРАСИМОВ
Народный артист Союза ССР

Седина земли...

Среди сценаристов и режиссеров много споров по поводу экранизации. Есть точка зрения, что экранизация, в общем, дело малопочтенное, как бы идущее вразрез с общим развитием художественной кинематографии. Есть и иная точка зрения, которая, быть может, заслуживает большего внимания.

В самом деле, что же такое экранизация? Не есть ли это кинематографическое решение любого литературного произведения (а к ним, надо думать, следует отнести и сценарий)?

Ведь и сами сценаристы, отстаивая среди литераторов значительность своего жанра, справедливо доказывают, что хорошие сценарии печатаются и, таким образом, становятся литературой для чтения. Но, как ни парадоксально, они же возражают против экранизации повестей, романов или рассказов. Не схоластический ли все это спор?

Сейчас экранизирован известный рассказ М. Шолохова «Судьба человека». Получилась, на наш взгляд, необычайно интересная картина — произведение кинематографическое до самой своей основы. Сценарий, написанный по рассказу М. Шолохова Ю. Лукиным и Ф. Шахмагоновым, сохраняет суровую энергию шолоховского языка, развивая приведенные в рассказе факты биографии Андрея Соколова, его человеческую судьбу.

Сценарий похож на рассказ. И это в нем больше всего ценно, так как при экранизации близость к первоисточнику должна зачисляться, на мой взгляд, не в слабость, а в силу. Право же, легче всего дополнить чужое воображение своим, внести, так сказать, посильный вклад в чужое творчество и этим часто изменить его до неузнаваемости.

Не боясь обвинений в иллюстративности, авторы сценария сумели передать рассказ Шолохова так, как он написан самим Шолоховым, и передали этот сценарий в руки режиссеру-дебютанту, человеку мне дорогому и близкому, о котором я с радостью пишу эту статью.

Сергей Бондарчук, осуществляя постановку «Судьбы человека», впервые взялся за самостоятельный режиссерский труд. А это труд сложный, коварный, приносящий художнику столько же радости, сколько и разочарования, требующий от него и духовных и физических сил, неустанной, настойчивой работы в течение всего времени создания фильма. Мало того, Бондарчук, взявшись за постановку картины, сам решил исполнять и главную роль. А может быть, было наоборот. Возможно, он прежде решил сыграть Андрея Соколова, а затем, чтобы обезопасить себя от неточной режиссуры, взялся и за постановку фильма. И в данном случае, кажется, это было наиболее правильное решение.

Есть актеры исполнительского склада, есть актеры авторского склада. К последним, бесспорно, принадлежит Бондарчук. Мы знали об этом еще в годы его учения в институте. И всегда считали это качество большим преимуществом Бондарчука перед другими учениками. В постановке «Судьбы человека» он показал себя режиссером в лучшем значении этого слова — столько же художником, сколько и организатором. Он привлек к исполнению ролей своих сверстников и друзей по школе, разумно разделив режиссерский труд со своим другом Анатолием Чемодуровым, который помог ему довести дело до конца.

И вот перед нами фильм. Он может больше или меньше нравиться зрителю, но ни в коем случае не оставит его равнодушным.

Прежде всего картина «Судьба человека» глубоко реалистична. Реализм ее — социалистический реализм, так как, обнажая всю жестокость враждебного мира, он не опускает знамен. Он раскрывает такие творческие черты в человеке нового мира, которые поднимают в нас, зрителях, чувство гордости за все уже совершенное нами и рождают стремление жить, работать, помогать друг другу во имя победы самого справедливого и разумного строя на земле.

Восприняв от Шолохова лучшие черты его творчества, фильм показывает действительность с беспредельной правдивостью. Он показывает и мерзость человеческую, но не фатально, а с позиций борца, наделенного разумом и силой, способного отбросить со своего пути всякое непотребство для того, чтобы с каждым днем и часом все чище и лучше становилась жизнь на земле.

Но, говоря о самых страшных страницах истории — о нападении гитлеровских полчищ на мирные народы, на нашу Советскую страну, — говоря о лагерях смерти, фильм вслед за рассказом поднимает своего героя — русского человека Андрея Соколова — на невиданную высоту. Ведь в этом, собственно, та обаятельная сила рассказа, какая сразу привлекла к нему внимание миллионов читателей, едва он был опубликован на страницах «Правды».

Кадр за кадром восстанавливается в фильме жизнь шофера Андрея Соколова. Фильм показывает и меру его простого человеческого счастья и меру его нечеловеческих страданий, соизмеряет радость и горе и оставляет у нас ощущение неистребимой силы, завещанной человеку Родиной, народом, убеждениями, всей системой нашей жизни, которую за годы самой жестокой, самой свирепой войны предстояло нам отстоять и которую мы отстояли.

Бондарчук очень точно знает, чего он хочет как постановщик фильма. Не менее точно он знает,

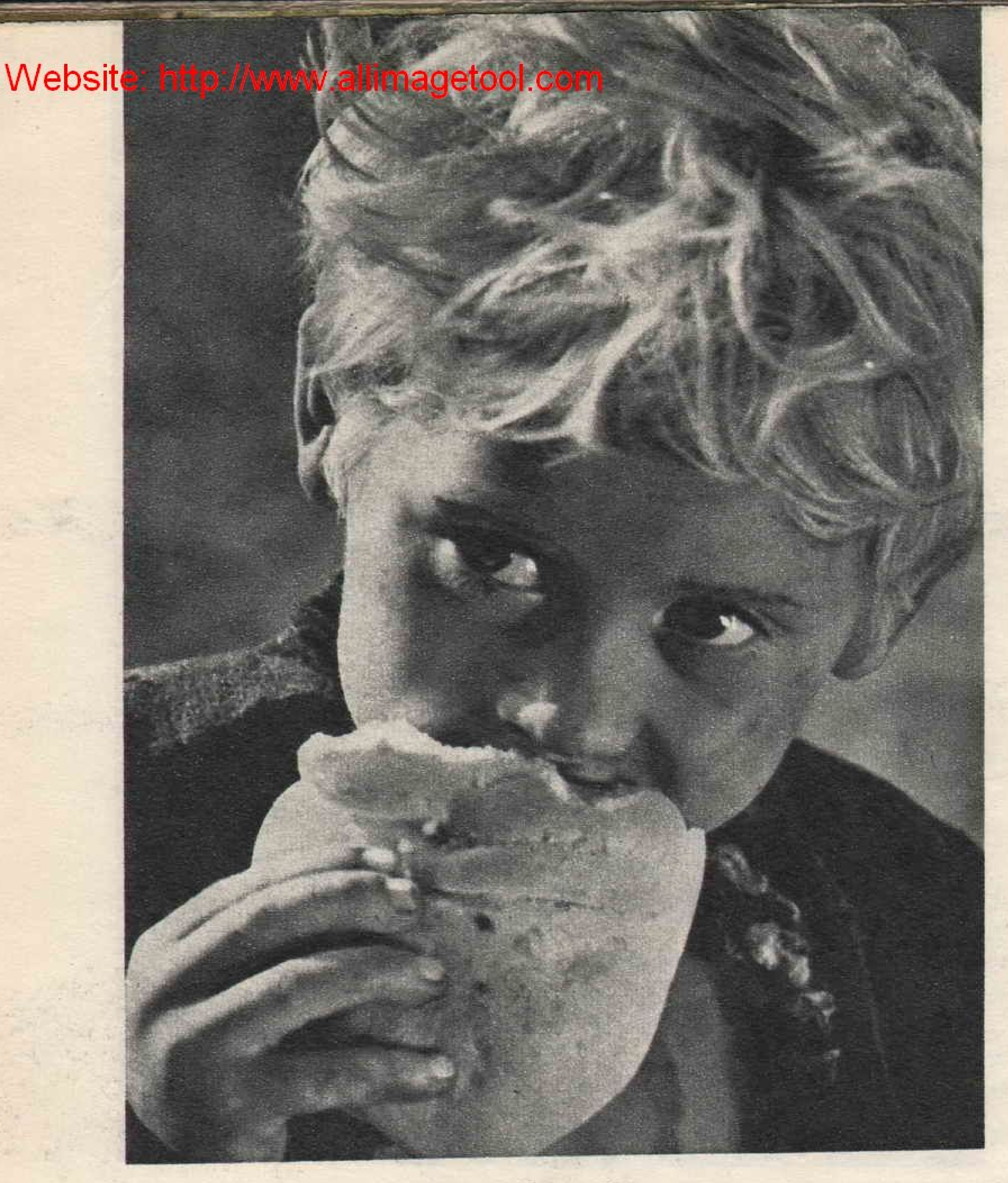

Андрей Соколов — С. Бондарчук.

Ирина — З. Кириенко.

Ванюша — Павлик Борискин.

что хочет передать своему зрителю как исполнитель главной роли. Он хочет, чтобы его герой был неотделим в своем облике, во всех своих душевных проявлениях от массы трудовых людей, будь то водители машин, плотники, сталевары, горняки, которые, закончив свой трудовой день, возвращаются в свой дом, где их ждет семья со всеми радостями и трудностями личной человеческой жизни. Ведь так построен рассказ. И очень разумно, что так же развивается история жизни Андрея Соколова в фильме. Здесь очень важно было сохранить ту естественность голоса, каким разговаривает в своих сочинениях М. Шолохов, сохранить ее как главный признак шолоховского стиля. И опять-таки, не боясь обвинения в иллюстративности, Бондарчук пошел за Шолоховым и нашел своих героев, облик их и поведение с необычайной, просто редкой достоверностью.

Рабочий момент съемки фильма.

Фото В. Уварова.

Мне меньше всего хотелось бы «захваливать» молодую артистку З. Кириенко, которую я еще недавно видел ученицей нашей мастерской. Но педагогика педагогикой, а справедливость справедливостью. Думается мне, что играет она в этой картине прекрасно. Слово «играет» здесь даже, собственно говоря, не подходит. Вот уже много дней прошло, как я посмотрел этот фильм. Но до сих пор стоит перед глазами ее заплаканное, изуродованное отчаянием лицо в минуты прощания с мужем, руки, сложенные крест-накрест на груди, когда она бежит за поездом, или улыбка ее, стыдливая, застенчивая и материнская в своем всепрощении... Прекрасный образ! Свободный от суесловия, от лишней, засоряющей детализации, но — законченный, верный, отточенный. И, что самое главное, работающий, так сказать, не только «на себя», но на весь фильм в целом, на весь его гуманистический строй, дающий разбег к иным человеческим судьбам, и прежде всего к судьбе самого Андрея Соколова.

Не сыграй так Кириенко маленькую роль Ирины, трудно было бы понять и объяснить ту силу, какой держался Андрей Соколов в минуты самых жестоких испытаний. А, право же, показать нашему зрителю силу человеческой любви, ее обнадеживающую глубину, ее беззаветную верность — немалая задача нового, социалистического искусства. Задача не менее почетная, чем показ тех материальных достижений, которые пришли к нам с историческими победами нашего строя.

Бондарчук играет Андрея Соколова с беззаветной увлеченностью. Она позволяет актеру уже как бы не отделять себя от образа, а полностью заполнять его своим душевным содержанием.

Для примера возьму несколько сцен.

Вот одна из них. Соколов влюбился. Эта любовь его, такая краткая по времени и исчерпывающая по своей преданности и ясности, выражается, по сути, одной сценой. Вечером Соколов и девушка, его будущая жена, слушают пение бригадира. Маленькую роль бригадира исполняет артист Павел Волков. И хоть мне приходилось слышать в его исполнении эту песню не раз, в фильме я слушал ее словно впервые. Так к месту, так верно она была поставлена режиссером и артистом! Так прекрасно, естественно выслушана она влюбленными героями!

И когда позже она далеким отголоском возникает, как краткое воспоминание, — сердце сжимается тоской по минувшему счастью...

Вершиной и режиссерского и актерского раскрытия трагедии героя мне представала сцена в овсах, когда Андрей Соколов, осуществив задуманный побег, теряет от голода остатки сил посреди овсяного поля. Он наспех поедает овсяные зерна, едва ошелушив их меж черных ладоней. Удивительно живут в это время глаза артиста. В них нечеловеческая боль. И скорбь. И будто бы даже отвращение к своей слабости. И первые проблески того счастья, какое дает человеку свобода... Без слез невозможно смотреть эту сцену... Но вот человек «поел» и повалился на сухую осеннюю землю. И вдруг, по воле режиссера и оператора В. Монахова,— к слову сказать, отлично понимающего режиссера и отлично помогающего ему — овес словно уже перестает быть овсом. Его сухой осенний отлив становится как бы сединою самой земли, истерзанной, иссохшей, измученной свирепым врагом. И в этих седых космах, клонимых ветром, лежит человек — живой, любящий, страдающий, пламенно жаждущий человеческой жизни...

Редко когда на долю зрителей выпадает столь полное, исчерпывающее по силе впечатление. И за него нельзя не поблагодарить артиста и отличного режиссера Сергея Бондарчука, весь его умный и преданный реалистическому искусству творческий коллектив.

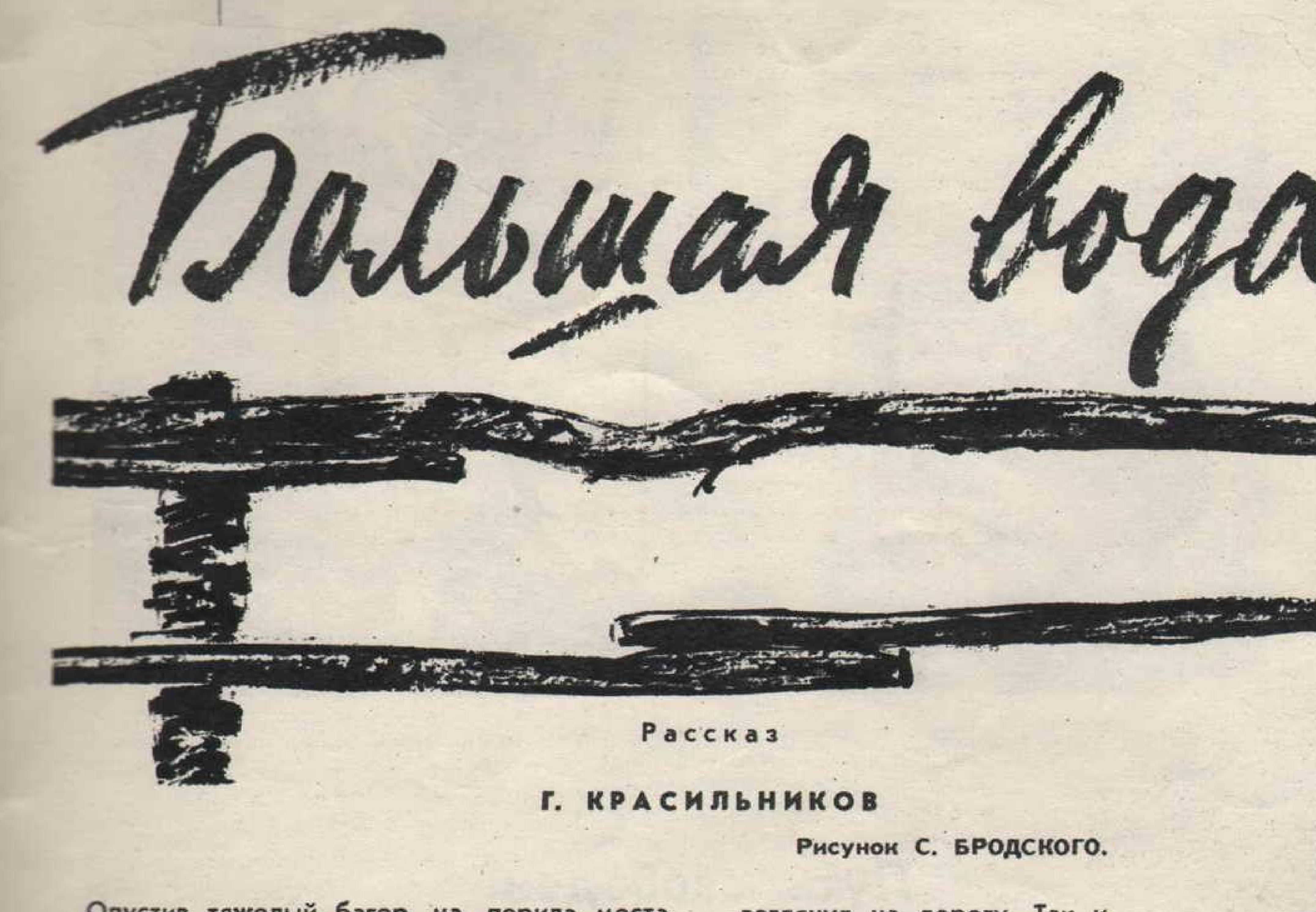
Я знаю, что рецензии, или, для важности скажем, критические статьи, надлежит оснащать, помимо похвал, замечаниями о недостатках. Но традиция эта, думается мне, требует внимательного изучения, а может быть, и пересмотра. История литературы знает многие и многие критические статьи, свободные от критических замечаний, которые, как правило, у нас подверстываются после хвалебных, перед заключительной похвалой на предмет сохранения «баланса». Мне же кажется, что критический баланс, который, разумеется, необходим для развития искусства, как и любого иного творческого процесса, часто лежит за пределами той или другой статьи, а не обязательно внутри нее. И мне бы очень хотелось, заключая разбор фильма «Судьба человека», покритиковать не его, а иные, в большинстве подражательные картины. Те, которые, пытаясь заигрывать с жизненной правдой, маскируются реализмом, видя в нем лишь умеренное жизнеподобие, с сохранением всех внешних пропорций при полной потере художественной, а стало быть, и идейной цели искусства.

Что же явилось художественной целью этой картины?

Только ли рассказ о великой доброте нового, советского человека, «вываренного» во всех щелоках суровой битвы за Родину? Рассказ о доброте Андрея Соколова, какая приводит его к вымышленному отцовству и приковывает к нему сердце маленького человека, его названого сына?

Нет. Думается мне, дело обстоит и шире и глубже. Фильм, так же как и рассказ, имея в себе глубокую трагическую основу, подобно всем трагедиям, сталкивает человека со зверем. Поэтому он не остается на позициях добренького христианского гуманизма. Он идет дальше — по пути социалистического пролетарского гуманизма.

Это фильм о людях, борющихся против зверей, которые далеко еще не прекратили своего существования на нашей планете. И в этом действенная сила картины. В этом ее шолоховский размах. В этом победа молодого режиссера и опытного артиста Сергея Бондарчука и всего творческого коллектива.

Большая вода

Рассказ

Г. КРАСИЛЬНИКОВ

Рисунок С. БРОДСКОГО.

Опустив тяжелый багор на перила моста, Федосей стал искать по карманам кисет: без курева в таком положении никак нельзя. А случится что — Даша окликнет, не зазевалась бы только. Очень хотелось Федосею в эту минуту поговорить. Беда вот — не с кем. Даша — та разве поймет? Девчонка... Стоит и будто смотрит вверх по реке, откуда должен пойти лед, а в голове одно: как бы поскорее на гулянку...

Федосей аккуратно оторвал клочок газеты, по привычке прочитал обрывки строчек и потом уж скрутил добротную цигарку — надолго хватит. Стал вспоминать все, как было с начала дня.

Пожалуй, самое главное то, что охранять мост послали не кого-нибудь, а его, Федосея. Сам Макаров, председатель сельсовета, в колхозной конторе сказал: надо выделить надежных людей. Это Федосей сам слышал. И еще добавил товарищ Макаров, что если пойдут порожние машины из райцентра, то возвратить их назад: с базы не успели за зиму вывезти несколько тонн удобрений — с последней дорогой это надо сделать во что бы то ни стало. Так и сказал товарищ Макаров: оставим удобрения — народ насмешим.

Председатель колхоза ничего не сказал. Давно ушел Макаров, а он все сидел за столом, постукивал пальцами и прикидывал: кого послать на мост? Федосей понимал: и ему нелегко — вот-вот посевная, люди все давно распределены, так что и послать-то некого.

Потом взглянул председатель на Федосея, на его деревяшку вместо ноги и спросил вдруг: «Ты, может, пойдешь, Федосей Иваныч?» Федосей сам давно в голове держал это, да не так-то скоро согласился: не подумал бы председатель, что у Федосея своего ума нет.

Сказал наконец: «Поскольку, скажем, дело нужное, то чего же... могу и пойти».

Дали вот девчонку в напарники. Это уж все равно, что одному: толку от нее мало. Ей бы все по сторонам глазеть. И сейчас вон: будто и на воду смотрит, а в голове, небось, другое...

Федосей подобрался к самому краю моста, кое-как ухитрился встать на колени и взглянуть вниз. Кипит у свай пена, мутные волны бьются о дерево, несутся откуда-то с верховья стружки, щепки, солома. Вот мелькнуло и целое бревно, огромной щукой нырнуло под мост и торчмя всплыло с другой стороны.

— Ах ты, нечистая сила!..— развел руками Федосей.— Зацепить бы! А ведь это от соседней бригады приплыло — там зимой новый овчарник строили. Хозяева тоже! Деловое бревно, а зря пропадает...

Если долго смотреть на воду, кружится голова и кажется, что мост вместе с ним и Дашей плывет против течения.

Где-то невидимо заворчали моторы. Федосей поспешно вскочил, из-под руки взглянул на дорогу. Так и есть: идут грузовые машины, сразу три. Федосей засуетился, кинул в воду цигарку и, подхватив багор, заковылял с моста навстречу машинам.

Увидев на дороге щупленького человека с деревянной ногой, с длинным багром в руке, водитель затормозил машину. Вслед за ним остановились и другие. Из кабины выскочил молодой паренек в ватнике.

— Папаша, как проезд? — озабоченно спросил он.

— А вы куда едете? Что везете? — не отвечая, стал допрашивать Федосей.— Порожняком, что ль?

— А ты какой такой автоинспектор выискался? — беззлобно ухмыльнулся шофер.

Задние машины нетерпеливо загудели.

— Ну, хватит, папаша, мы с тобой в другой раз побеседуем. Убирай-ка эту штуку,— кивнул шофер на багор.— Цел мост — значит, поедем. Поговорили бы, да спешить надо...

— Кто поедет, а кто, может, и нет. А ну, поворачивай!

— Чего, чего? — удивился шофер.

— Поворачивай, тебе говорят! Оглох?

— Да ты шутки, что ли, шутишь, папаша? Чего ты беспокоишься? Цел будет твой мост: машины порожние.

— То-то и оно, что порожние! Поворачивай, поворачивай давай, поедете на базу сельхозснаба — удобрения повезете колхозу!

Шофер ничего не ответил, молча сплюнул и полез в машину.

— Тьфу! Тоже мне начальство! А ну-ка, посторонись, а то боюсь, как бы тебе вторую ногу не отдавило...

Федосей нацелил острие багра на колесо машины.

— Тронь, тронь! С ногой-то, может, и ничего не станет, а баллон твой свистнет, истинный бог!

Должно быть, вид у Федосея был самый решительный, и шофер подумал: «А и в самом деле проткнет, хромой черт!» Он выругался и снова выскочил на дорогу. Шоферы других машин тоже подошли к мосту: узнать причину задержки.

— Что там, Алеша?

— А вот, видели? Партизан тут... с одной ногой! — возмущенно мотнул головой в сторону Федосея первый шофер.— Поворачивай, говорит, назад, удобрение там у него какое-то осталось...

— Поворачивайте, сказано вам! Добром сказано! — не отводя багра, кричал Федосей.— А не хотите — и проезда вам нету!

И в подтверждение этих слов конец багра высунулся вперед.

— На базу — и какой тут может быть разговор!

Шоферы обозлились:

— Да ты что еще за начальник! Ты нам путевые листы подписывал? Да чего с ним возиться — в речке его искупать, чтоб остыл малость!

— Вот я тебе искупаю! Я тебе искупаю! — Багор еще высунулся вперед.— Как бы ты сам скорей моего не искупался!

Один из шоферов вступил в переговоры:

— Слушай, как там тебя... комендант! Да ты послушай, что я скажу. Нам же ехать нужно, тут каждая минута дорога... Мы за кирпичом.

— А это не мое дело: за кирпичом или не за кирпичом. Сказано, чтоб порожним не ехать,— власть приказала. Я, может, от самого исполкома тут поставлен, то-то вот и оно!

Шоферы замолчали, переглянулись между собой. Паренек в ватнике, которого назвали Алешей, свирепо взглянул на Федосея, на Дашу, которая с непонятной улыбкой посматривала на них, и полез в кабину. Включив мотор, сердито засигналил и стал разворачиваться. За ним — другие. И скоро все три машины, брызгая дорожной грязью, повернули назад, на станцию.

— Там скажут, куда везти! — крикнул вслед Федосей.

За шумом машин его никто не услышал. Разве только Даша, которая по-прежнему безучастно стояла на мосту и глядела в верховье реки.

Вода шумит. Летом эту речушку курица вброд перейдет и ног не замочит, а сейчас не узнать: вышла из берегов, разлилась.

«Ты скажи на милость — развоевалась как... И не речка даже — так... недоразумение одно, а что делает! Того и гляди, через пойдет,— беспокоился Федосей, заглядывая опять под мост.— Вот приметил недавно сучок на свае, а его уж и нет — как воды прибыло...»

— Дядя Федосей, лед пошел! — послышался голос Даши.

Федосей взглянул на реку: из-за поворота, по течению, изредка целиком погружаясь в воду, плыли льдины, пока небольшие. Федосей прикинул: свободно пройдут между сваями, не дать бы им только застопориться. Он нацелился багром в ближайшую льдину.

— Дашка, шестом подсобляй! Промежду свай, промежду свай их пропихивай! А там сами дорогу найдут...

Первую льдину пропустили сразу. А вторая — Федосей лишь поддел ее багром,— как живая, повернулась боком и ударилась о сваю. Мост вздрогнул. Но тут Даша ловко повернула льдину шестом, и она, неуклюже задевая краями о сваи, поползла под мост. Провожая ее, Федосей с облегчением выругался:

— Эк-кая дура нерукотворная!..

А потом лед пошел гуще. «К урожаю»,— вспомнил Федосей старинную примету.

Вот уже несколько лет лед на реке не поднимался, его заливало водой, и он «сгнивал». И все-таки годы были урожайные. «Урожай — вон он где, на базе. В удобрении урожай... Что-то долго нет машин. Может, авария какая? Ишь ты, запротивились было — некогда им! Ну, правда, машины и не колхозные: одна райпотребсоюза, другая, видно, с промкомбината, а третья неизвестно чья... Да хоть чья бы ни была! Раз нужно,— значит, нужно: хлеб — он не спросит, чья да откуда...»

Докончить свои рассуждения Федосей не успел: Даша окликнула его тревожно:

— Ой, дядя Федосей, глянь-ка, какая плывет!

Огромная льдина еще хранила следы саней, чернеющие кучки навоза: видно, по этому месту зимой была проложена дорога. Она плавно и на вид очень мирно приближалась к мосту.

Федосей забегал вдоль перил:

— Даша, ты гляди, в оба гляди! Не пройти такой махине между свай! Колоть ее надо, проклятую! Не дай бог, встанет поперек: начисто сваи срежет!..

Хотел было остановить льдину багром, да чуть багор не упустил из рук. Льдина приблизилась к свае и легонько, казалось бы, ткнулась, а мост так и заходил ходуном, задрожал весь... Льдина остановилась, загородив полреки.

Федосею впору бы спрыгнуть с моста да ударить хорошенько ломом. Да куда ему с деревяшкой!.. Первый раз за все время с тех пор, как потерял ногу, пожалел себя Федосей.

В тот же момент Даша, быстро скинув с себя ватник, перелезла через перила и прыгнула на льдину. Льдина накренилась, стала боком уходить в воду. Даша быстро шагнула от края, закричала:

— Багор, давай багор!

Стараясь не стоять на одном месте, Даша изо всех сил била острием багра в края льдины, откалывая большие куски. Вдруг льдина раскололась надвое. Даша удержалась на одной половине, но та уже не могла держать девушку и окунулась в воду.

— Бросай!.. Багор давай, багор! — метался на мосту Федосей.

Даша все-таки успела ухватиться руками за край настила. Ноги ее купались в воде, а подтянуться и вскарабкаться на мост у нее не было сил. Федосей, дрожа от натуги, с трудом вытянул Дашу наверх.

— Экая ты... быстрая! Утопла бы так — очень просто... Ах ты, боже мой! — Лицо у Федосея было сердитое, а голос ласковый.— Да разве ж можно так, а? Ты подумай! А ну как да тебя под мост бы утянуло!..

Даша молчала. Она села на бревно, лежавшее у края моста, стянула с ног один за другим сапоги и принялась отжимать чулки.

На дороге показались машины.

— Ага, едут! — Федосей сорвал с головы шапку и потряс ею.— Давай-давай! А понасыпали-то сколько!

Поравнявшись с ним, передняя машина затормозила, паренек в ватнике высунулся из кабины:

— Эй, комендант, тебя еще водой не смыло тут? А мост как — выдюжит?

Федосей посторонился, давая дорогу, и убежденно сказал:

— Ты езжай, не сомневайся... По такому мосту хоть паровоз пущай, понял? А вам сказали там, куда везти?

— Знаем, сказали. Ну, и комендант тут объявился! Может, еще раз воротишь?

Покосившись на багор, шофер тронул машину. Проезжая мимо Даши, что-то крикнул ей. Даша улыбнулась в ответ. А потом так и осталась стоять с улыбкой, пока не прошла последняя машина. Федосей, все еще держа шапку в руке, задумчиво качал головой, бормотал: «Узнать бы, сколько пудов прибавки даст такая куча? Должно быть, немало...» Снова захотелось курить, потянулся за кисетом. Оглянулся на Дашу: она стояла, облокотившись на перила, и задумчиво глядела в воду. «Шла бы она домой, еще простуду схватит, чего доброго! Раз за главного сюда приставлен, отвечать придется. Девчонка она, не понять ей того...»

Шумела река, заметно прибывала вода. Снова пошли некрупные льдины, терлись о сваи, шурша, проходили под мостом. По-весеннему мягкий ветерок трепал чуть рыжеватые Дашины волосы, а сама она, глядя на реку, чему-то улыбалась. И было не понять, чему...

Перевод с удмуртского.

После работы. Машинист-инструктор И. Дударенко (слева) и машинист И. Котов (справа) в гостях у своего товарища И. Янина.

Фото Д. Ухтомского.

Путь свободен! →

Много повидал на своем веку, о многом может рассказать путевой обходчик Николай Ефимович Аввакумов.

Потомственный яицкий казак, он хорошо помнит конец минувшего столетия, когда в горах Южного Урала загрохотали взрывы динамита, застучали кирки строителей и по скалистым склонам пролегли первые километры рельсов. Новый стальной путь связал тогда старейший рабочий город Урала Златоуст с Поволжьем и Сибирью.

Сколько длинных товарных составов пропустил Николай Ефимович, стоя у полотна с желтым флажком в руке: «Путь свободен»! Выходит он к поездам и теперь, хоть уже третий год живет на пенсии. И теперь, завидев «деда Аввакумова», машинисты салютуют ему, выглядывая из своих кабин.

Век нынешний и век минувший... Вместо паровозов и паровозиков появились на магистралях стремительные электровозы.

Шестьсот тонн весил прежде товарный состав, а сейчас норма на Южно-Уральской дороге — три тысячи. Лучшие машинисты Златоустовского отделения водят составы и свыше четырех тысяч тонн.

Вот уже который год, как протянулись над рельсами провода. То шагая сквозь чащу, то взбираясь в гору, то сбегая в лощины, встали шеренги стальных мачт.

Златоустовское отделение Южно-Уральской железной дороги — одно из самых напряженных по грузообороту. Днем и ночью электровозы тянут составы с железной рудой из Златоуста, с углем из Кузбасса и Караганды, со строевым лесом Сибири, с зерном целины. С каждым годом все больше и больше энергии потребляет транспорт. И вот златоустовские железнодорожники по опыту своих товарищей со Свердловской железной дороги начали экономить энергию. Ведь на горных участках, спускаясь под уклон, машинисты ведут поезда с выключенными электромоторами, используя силу инерции. И мало того, локомотив, оборудованный особыми устройствами, способен при таком движении сам вырабатывать ток, преобразуя кинетическую энергию в электрическую, и вливать этот ток в контактную сеть.

Этот метод так называемого рекуперативного торможения, примененный в Златоустовском отделении, позволил только в прошлом году сэкономить три миллиона рублей.

Молодой инженер Александр Наумович Карасев успешно руководит передовым на Южно-Уральской дороге Златоустовским отделением и одновременно учится в заочной аспирантуре.

Круглый год — летом и весной, осенью и морозной вьюжной уральской зимой — ритмично, четко, словно гигантский конвейер, работают электрифицированные магистрали Южного Урала.

С. МЕСЯЦЕВ

Участок пути в районе станции Усть-Катав.
Фото Д. Ухтомского.

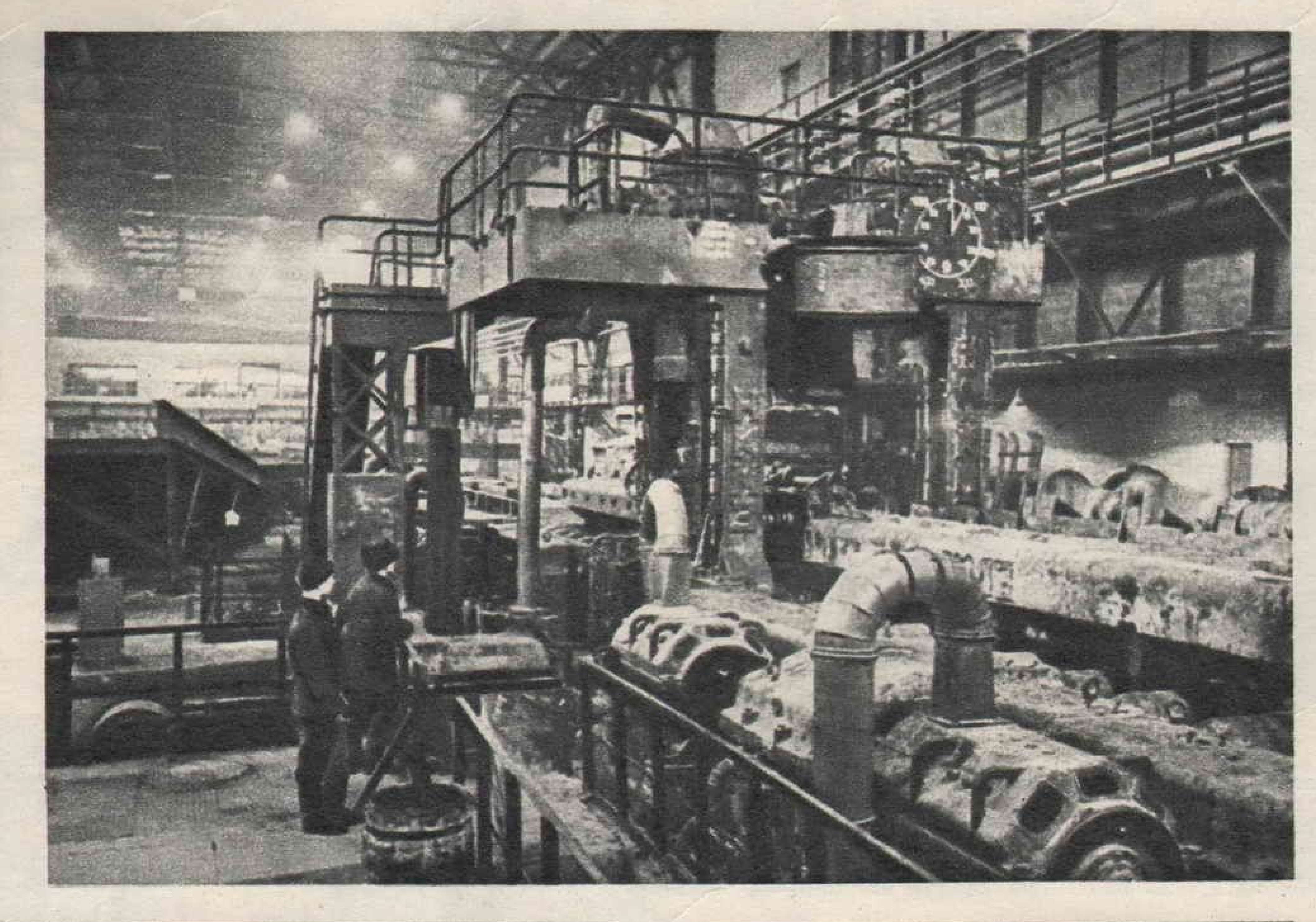
Составитель поездов станции Бердяуш И. Н. Староверов.

Старейший железнодорожник Южного Урала пенсионер Николай Ефимович Аввакумов.

Со станции Бакал отправляется состав с железной рудой.

День за днем

КРУПНОСОРТНЫЙ ПРОКАТНЫЙ СТАН «650» на Нижне-Тагильском металлургическом заводе досрочно сдан в эксплуатацию в дни работы XXI съезда КПСС.

Фото И. Тюфякова.

МОЛОДОЖЕНЫ ВЕВЕРИС, электрик Айвар и кондитер Ядвига, вышли победителями на конкурсе медленного танца в Риге. Конкурс проводился после двухнедельного семинара преподавателей танцев, в котором участвовало 70 человек, съехавшихся в республиканскую столицу из Лиепаи, Даугавпилса и других городов Латвии.

Вскоре в Риге состоится первый республиканский конкурс по современным бальным танцам. На снимке: супруги Веверис исполняют медленный вальс.

Фото И. Семина.

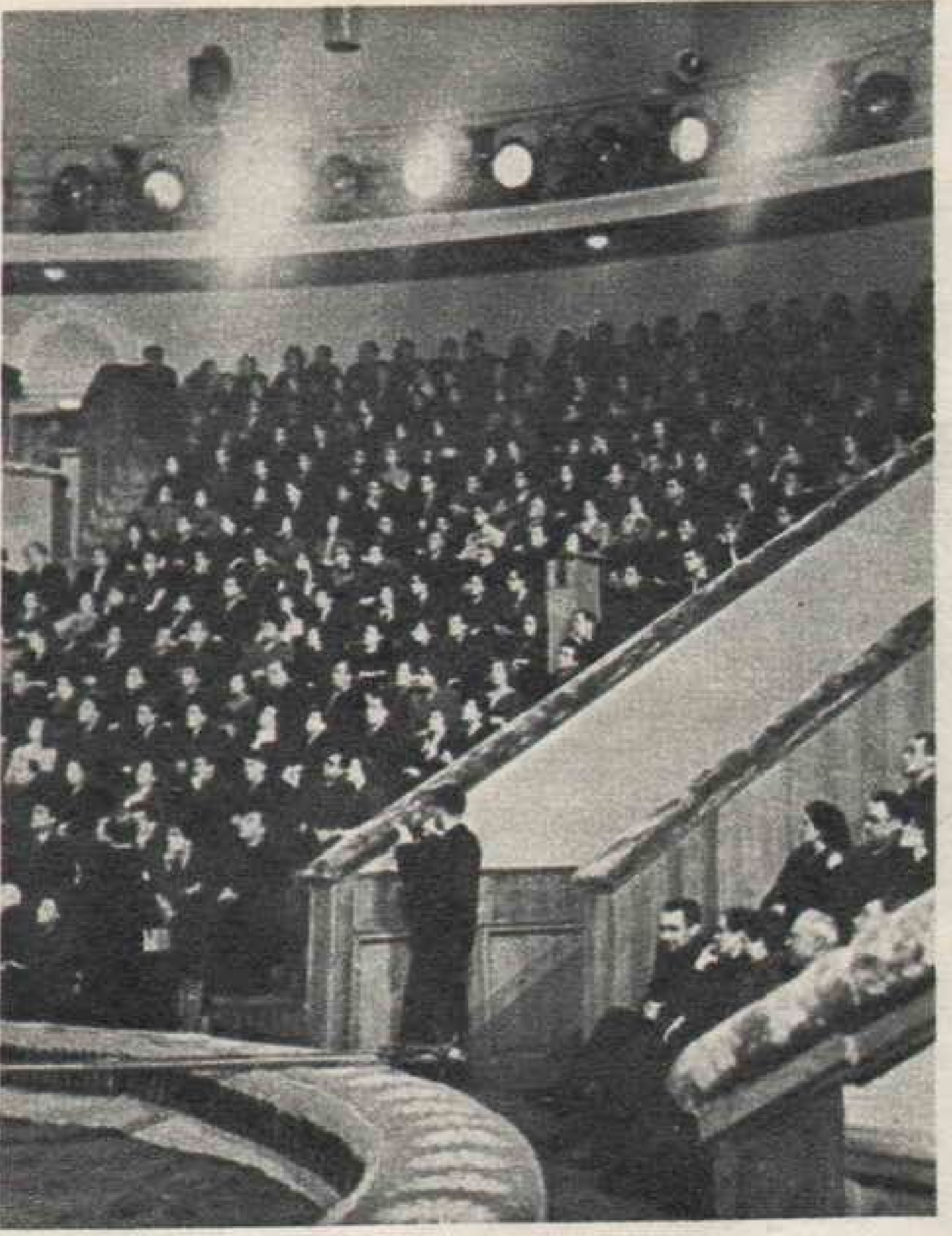

В ДНИ ПРАЗДНОВАНИЯ 15-ЛЕТИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКО-СОВЕТСКОГО ДОГОВОРА Франтишек Рихард был награжден орденом Красной Звезды. Франтишек, который был в России в качестве военнопленного империалистической войны, в первые годы Советской власти служил в Красной Армии. Он был страстным агитатором, раскрывшим многим своим соотечественникам-чехам глаза на истинные цели Красной Армии и молодой Советской республики.

По возвращении на родину бывший красноармеец вступил в коммунистическую партию. Он с честью пронес высокое звание коммуниста и в застенках гитлеровского концлагеря и в боях за новую Чехословакию.

На снимке: Франтишек Рихард с женой и внучкой.

Фото Ярослава Зима.

КРАСИВОЕ ЗДАНИЕ, УВЕНЧАННОЕ СЕРЕБРИСТЫМ КУПОЛОМ, выстроено в центральной части Минска, на самом берегу Свислочи. Это цирк. Работая над проектом, архитектор В. А. Жуков консультировался с известными мастерами циркового искусства Дуровым, Эдером.

Недавно состоялось торжественное открытие цирка. 1 700 зрителей заполнили огромный амфитеатр. Они отметили великолепную видимость и акустику.

В программе премьеры приняли участие артисты только что созданного белорусского циркового коллектива.

После представления участники обменялись впечатлениями о новом цирке. Самые бывалые единодушно признали, что он один из лучших в стране.

Фото А. Дитлова.

ТРЕТЬЯ ПОБЕДА. В Челябинске состоялся очередной розыгрыш первенства Советского Союза по скоростному бегу на коньках для женщин. Ленинградка Тамара Рылова в третий раз завоевала это почетное звание. Чемпионка мира Инга Артамонова заняла второе место.

28 февраля в Свердловске будут происходить соревнования чемпионата мира по скоростному бегу на коньках для женщин.

Фото А. Бочинина.

В ЛОНДОНЕ ПОЛЬЗУЕТСЯ УСПЕХОМ ВЫСТАВКА русского и советского изобразительного искусства. За месяц с экспозицией познакомились более 50 тысяч человек.

На снимке: в залах выставки.

ЛЮБЕРЕЦКИЙ ГОРОДСКОЙ МОЛОЧНЫЙ ЗАВОД каждый день доставляет во все школы города молоко. На снимке: в школе № 8 за завтраком.

Фото С. Белицкого.

Зима в Сокол

Ю. КРИВОНОСОВ, В. ГРИГОРЬЕВ

Воскресенье мы решили провести в Сокольниках. Захотелось отдохнуть самим и посмотреть, как отдыхают другие зимой в этом обычном городском парке.

Ранним утром в притихших аллеях мы уже застали бегунов, а по нетронутому зеркальному льду уже вычерчивал замысловатые узоры первый конькобежец.

Но не прошло и получаса, как морозный воздух наполнился веселыми голосами...

Свежий воздух полезен и для тех, чей мир пока ограничен коляской. Воскресенье — папин день; под такой опекой спится особенно сладко.

На детской площадке краснощекие ребятишки стремились насладиться всеми зимними удовольствиями. Вертелись карусели, звенели бубенцами тройки, шуршал полозьями санный поезд.

Этому малышу больше всего пришлась по душе ледяная горка.

В открытом павильоне, несмотря на мороз, разгорелись жаркие шахматные сражения.

Попробуй догони ездока, когда маленькая дворняжка развивает чуть ли не космическую скорость!

ьниках

Санный поезд.

Увы! Такой «передвижной гардероб» был бы вовсе не нужен, если бы зимой на павильонах Сокольнического парка замков висело меньше, а раздевалок было больше...

На лоне природы, как известно, разгорается аппетит. Мы изрядно проголодались и, увидев табличку «На лыжной станции открыт буфет», поспешили туда. К сожалению, на двери замок. Спрашиваем гардеробщицу:

— Когда откроется?

— А кто его знает! Когда буфетчица захочет, тогда и откроет...

Девушки, подкреплявшиеся на ходу пирожками, вселили в нас новую надежду.

— Где покупали?

— Дома испекли! — смеются они в ответ.

Находим два кафе. Оба заколочены. Единственное действующее — на катке. Здесь тесно и неуютно. Наскоро проглотив мутный чай из бумажного стаканчика, спешим на свежий воздух.

Этим «золотым» забором (парк на его установку и ремонт ежегодно тратит колоссальные средства) обнесен каток.

Он, как видите, не такое уж непреодолимое препятствие. Понаблюдав за этой своеобразной и неудобной «калиткой», убеждаемся, что с коньками сюда почти и не лезут: просто никому не хочется делать большой крюк. Мы увидели на катке лишь одного нарушителя. Однако стоит ли таких затрат «заяц», который и сам, как видно, не получает большого удовольствия?..

Низкое вечернее солнце удлинило тени, а домой уходить не хочется. Любят москвичи свои Сокольники! Тысячи юных и взрослых любителей природы каждое воскресенье приходят сюда отдохнуть и набраться сил.

Парк прекрасный. Только нельзя ли попросить вас, товарищи администраторы, и особенно вас, директор парка тов. Голенкова, чтоб было здесь поменьше заборов, замков, грозных табличек, а побольше хорошей изобретательности, выдумки и заботы об отдыхе людей!

Победа в Сант-Яго

С. СПАНДАРЯН,
заслуженный мастер спорта,
старший тренер сборной
баскетбольной команды СССР

Накануне встречи с нами в предварительных играх мирового баскетбольного чемпионата тренер бразильской команды Ренардо Суарес заявил репортерам, что ему известна «формула победы» над русскими. Какова эта формула, никому узнать не удалось, поскольку на другой же день команда Бразилии потерпела от нас поражение. Выигрыш у бразильцев вслед за выигрышем у мексиканцев решил наш выход в число финалистов соревнований. Из патриархального Темуко, с его индейцами, погоняющими волов, и пирамидальными тополями вдоль тихих улиц, советские спортсмены возвратились в шумную столичную суету раскаленного сорокаградусной жарой Сант-Яго.

— Вам все же придется играть с тайванцами. И они попали в финал! — сказал руководителям советской делегации Вильям Джонс, генеральный секретарь Международной федерации баскетбола (ФИБА).

— Мы предупреждали еще в прошлом году и сразу же после приезда сюда повторили, что ни при каких условиях встречаться с так называемой «командой Тайваня» не будем. Вот с командой Китая, будь она прислана из Пекина, мы сыграли бы с огромным удовольствием!

Советский баскетболист Я. Круминьш (в центре) забрасывает мяч в корзину команды Пуэрто-Рико.

Водянистые глаза Джонса зло прищурились, зубы крепче сжали сигару.

— Вы дождетесь, что оргкомитет не допустит вас к участию в финальных соревнованиях!.. И потом... В конце концов, у меня даже нет вашего заявления в письменной форме об отказе играть с представителями Тайваня в данном чемпионате.

Вручили Джонсу письменное заявление. Он потребовал, чтобы еще и секция баскетбола СССР телеграммой из Москвы солидаризировалась с занятой нами позицией. Вскоре пришла и такая телеграмма. Однако оба документа, как и наше прошлогоднее обращение к ФИБА по поводу тайванцев, Джонс скрыл от членов федерации, а также от представителей печати. Узнав об этом, советская спортивная делегация созвала пресс-конференцию, на которой объяснила журналистам положение вещей.

Далеко не все из них объективно осветили вопрос. Многие предпочли и вовсе его не касаться, а выдавать читателям совершенно фантастические сенсации, о которых до хрипоты кричали продавцы газет:

— Советский гигант Ян Круминьш съедает в день 15 бифштексов и выпивает ведро воды!

— По дороге в гостиницу Круминьш поднял на воздух такси. Шофер заболел от испуга!

Все же после пресс-конференции Вильям Джонс как будто немного присмирел, и о том, что нас не допустят к участию в дальнейших соревнованиях, больше не было речи. Начались финальные игры. Первую мы провели с незнакомой для нас командой Пуэрто-Рико.

Баскетболисты этой небольшой латиноамериканской страны превосходно владели спортивной техникой, а кроме того, играли очень дружно и напористо. Душой всех атак наших противников был Хуан Висенте, в недавнем прошлом игрок одной из профессиональных команд США.

На первых порах нам пришлось туго. К началу восьмой минуты мы проигрывали 3 : 16. Исключительно меткие броски Висенте угрожали и дальше увеличить разрыв в счете. Маневрируя составом игроков, мне все же удалось «подобрать ключи» под темпераментных пуэрториканцев и к концу первой половины игры выровнять счет. Во второй половине противник был окончательно сломлен, и мы победили с преимуществом в 29 очков.

Вторую финальную встречу провели с командой Бразилии. Борьба развернулась исключительно остро, временами драматично, бразильцы играли блестяще, но победа и на этот раз осталась за нами.

Мы радовались нашим успехам, мы усиленно готовились к предстоящей игре с чемпионом мира — командой США, не подозревая того, что исход наших соревнований решается вовсе не в честном спортивном турнире.

Исход мирового чемпионата, как потом выяснилось, был предрешен закулисным сговором трех лиц: президента Международной федерации баскетбола В. Грейма, генерального секретаря федерации В. Джонса и руководителя Чилийской баскетбольной федерации и председателя организационного комитета чемпионата С. Агуада.

Несколько слов об этой троице... Грейм — пожилой американец, бизнесмен, привыкший разговаривать в ФИБА голосом не президента, а диктатора. Джонс — личность с весьма пестрой биографией. Родился он в Италии, по национальности и подданству англичанин, все последние годы жил в Швейцарии, а недавно перебрался в Мюнхен. Во время войны Джонс служил в английской военной разведке. Вышел в отставку в генеральском чине. Сейчас он стал в Мюнхене директором института ЮНЕСКО. Сабино Агуад — чилийский джентльмен с тонкими усиками. Агуад — политикан; говорят, что он намерен выставить свою кандидатуру в парламент. Он и делец, всегда готовый услужить американским джентльменам.

Конечно, эта компания отлично сознавала, что мы не изменим своему слову и не станем встречаться с чанкайшистами, однако поднимать вопрос о нашем исключении из чемпионата пока не решалась. И вот почему: игры с участием команды СССР привлекали на стадион максимальное количество зрителей. Тайвань Тайванем, но равнение прежде всего на кассу! В нее текли сотни тысяч долларов. К тому же руководители ФИБА вкупе с организаторами чемпионата, по-видимому, решили соразмерить «санкции» к советской команде с ее успехом в финалах и пойти напролом в том случае, если мы станем претендентами на золотые медали.

В начале финальных игр все протекало относительно нормально. Мы ощущали лишь мелкие пакости чилийского джентльмена с тонкими усиками: организаторы чемпионата то не дают нам мячей для тренировки, то отказывают в пропусках на стадион, то не могут заменить надоевшую, плохо утоляющую жажду кока-колу обычной минеральной водой. Но вот мы победили команды Пуэрто-Рико, Бразилии, Болгарии, а затем и команду Чили... Вильям Джонс отреагировал на успехи советских спортсменов тем, что перестал с нами здороваться. Ну, да не нуждаемся мы в его поклонах! И вообще нам теперь не до Джонса. Следующая игра—самая ответственная, самая решающая — встреча с командой США.

Нет в баскетболе соперников более грозных, умелых и сильных, чем американцы! Четыре раза встречалась сборная СССР с национальной командой Соединенных Штатов в официальных соревнованиях, дважды происходили между ними товарищеские матчи. До сих пор ни одной встречи мы не выиграли. Американцы были сильней, и мы не только проигрывали им, но и кое-чему у

Бразильцы, сидящие на скамье запасных, подбадривают своих товарищей по команде.

них учились. Раз от разу советские баскетболисты держались в играх с командой США все увереннней. Что сулит новая встреча?

Соединенные Штаты были представлены на чемпионате в Сант-Яго великолепной командой, составленной в основном из лучших игроков Калифорнийского, Вашингтонского, Колорадского и других университетов, среди которых был и знаменитый Роберт Дженгергард, входивший в последнюю олимпийскую команду США.

В Сант-Яго я видел игру американцев с болгарами. Наибольшее впечатление оставили Ричард Уэлш и Джером Вейд, рослые, неутомимые, прекрасно знающие баскетбол парни. Да и вся команда США действовала под управлением своего тренера Чарльза Беннета как мощная, хорошо налаженная машина.

Но нет, уступать и этой команде мы не собирались! Полные решимости победить, вышли мы на площадку, где уже стояли судьи француз Бланшер и бразилец Регето.

Счет открыли американцы. Изящным и точным броском Вейд на первой же минуте отправил мяч в нашу корзину. Зубков отвечает попаданием со штрафного, и счет становится 2 : 1. Однако Вейду также удается штрафной. Счет 3 : 1 в пользу американцев... Впрочем, не стоит писать запоздалый отчет о ходе игры. Скажу лишь, что наши баскетболисты действовали умело, стойко и самоотверженно.

На мой взгляд, «эпицентр» соревнования был между шестой и одиннадцатой минутами второй половины встречи. В начале седьмой минуты мы вели 27 : 18, но разрыв в девять очков не был страшен команде такого класса, как американская. Наши соперники считали, что смогут догнать советскую команду, и рванулись к нашему щиту. Ничего не получилось. Каждый американский игрок испытывал на себе все неудобства плотной персональной опеки наших баскетболистов. Американцы стали бить по кольцу издали, но их мячи перехватывались в воздухе. Время шло, истекли и седьмая, и восьмая, и девятая минуты, а у американцев по-прежнему имелось только восемнадцать очков.

Почти все наши атаки удавались. Муйжниекс, Торбан, Круминьш при поддержке остальных увеличили счет в пользу советской команды до 36 : 18. Я знаю психологию игроков и прекрасно понимаю, как тут нужен был американцам хоть один мяч, попавший в нашу корзину. Возможно, что такой мяч внес бы перелом в игру, что дальше соревнование сложилось бы по-иному. Но попаданий у американцев не было и на десятой минуте. Счет стал 38 : 18. Разрыв уже в двадцать очков ликвидировать за оставшиеся десять минут не так-то просто. Встреча была американцами уже проиграна, мы довели счет до 62 : 37 в нашу пользу.

Стоит ли говорить о том, какую радость принесла нам эта победа! Приближалась, однако, и «расплата» за наше торжество.

Наступил день, отведенный расписанием для встречи между командами СССР и Тайваня. Ребята, чувствуя себя «выходными», отправились в кино, мне же пришлось пойти на стадион, чтобы взглянуть, как там оформят нашу неявку. Обычно за неявку команде проставляют ноль в турнирной таблице. Тем дело и кончается... Но на стадионе в Сант-Яго была разыграна целая интермедия.

На баскетбольную площадку вышли вызванные судейским свистком тайванцы. Кстати сказать, на своих тренировочных куртках они носят надпись «Китай». Этакое самозванство уж совершенно возмутительно! Судья подкинул мяч, один из тайванцев принял его и забросил в никем не защищаемую корзину другой половины поля... Затем было объявлено, что команда Тайваня выиграла встречу у команды СССР со счетом 2 : 0.

На этом интермедия не кончилась. Только теперь появилось главное действующее лицо — Вильям Джонс. Он тоже вылез на площадку и стал пожимать всем чанкайшистам руки, поздравляя их с «победой». Никогда не выходил Джонс на площадку, никого публично не поздравлял, а вот теперь пришлось ему стать участником глупой демонстрации... До каких только унижений может дойти отставной английский генерал, желая выслужиться перед мистером Греймом!

Вскоре состоялось заседание исполнительного бюро Международной баскетбольной федерации. Грейм рвал и метал. По его требованию бюро приняло решение о дисквалификации советской команды на время III чемпионата мира по баскетболу и об аннулировании всех наших результатов. Аналогичное решение было принято и по отношению к болгарской команде, также отказавшейся играть с никого не представляющим тайванцами.

Решения дикие, беспрецедентные, не выдерживающие никакой критики! Ни одну команду нельзя принуждать встречаться с другой. Это прежде всего. Но допустим, только допустим, что у бюро ФИБА имелись основания ставить вопрос о дисквалификации той или другой команды на время чемпионата. Тогда следовало разбирать подобный вопрос перед соревнованиями, а не после них. Где это видано, чтобы в спорте наказывали задним числом, да еще отбирали добытые в честной борьбе достижения, да еще искусственно увеличивали таким путем успехи других и перетасовывали все фактически показанные результаты!

Бюро ФИБА ни перед чем не остановилось. Поэтому-то дважды побежденная нами команда Бразилии объявлена чемпионом мира, команда США оказалась на втором месте, а чилийцы—на третьем. Вряд ли могут кого-нибудь радовать незаконно полученные награды! В сущности, бюро ФИБА ничего не достигло, а только скомпрометировало себя. Ведь теперь повсюду, даже в американском сенате, говорят, что на розыгрыше мирового баскетбольного первенства 1959 года успешнее всех выступила советская команда, что только она не имела поражений в финальных играх и поэтому лишь она фактический чемпион.

Не удалось политиканам и бизнесменам от спорта и поссорить нас с баскетболистами США, Бразилии, Чили. Мы знаем, что они превосходные спортсмены. Наши отношения остались дружескими. Мы будем и дальше искренне радоваться новым встречам.

Когда мы возвращались домой и в аэропортах Буэнос-Айреса, Монтевидео, Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Лиссабона, Женевы журналисты спрашивали, кто же из наших противников был самым сильным, мы неизменно отвечали:

— Бюро ФИБА! Самая сильная команда, во главе с Греймом и Джонсом. Вот кого мы действительно не могли переиграть!

ФИНСКИЙ ДУПЛЕТ

Ник. КИСЕЛЕВ

Торжественный подъем норвежского государственного флага в честь открытия соревнований на первенство мира по конькам поручили двум солдатам. Горнисты уже сыграли все такты национального гимна, а флаг, застрявший где-то посредине мачты, упорно не хотел взвиваться по флагштоку. Пришлось его спустить и поднять вновь, уже без музыки. Зрители, заполнившие до отказа трибуны стадиона «Бишлет», недовольно загудели. Мои соседи, два местных журналиста, промолвили: «Плохая примета. Не развеваться нашему флагу в честь победителя!»

Мрачное предсказание оправдалось. Когда финишировала последняя пара, то оркестр заиграл в честь нового чемпиона мира финский гимн.

А как хотелось норвежцам, чтобы выиграл их любимец Кнут Юханнесен, который совсем недавно в соревнованиях с этими же соперниками завоевал звание чемпиона Европы! А два года назад К. Юханнесен стал чемпионом мира. Но и то и другое событие произошло на катках Швеции, а у себя на «Бишлете» норвежцам никак не удавалось увидеть победы своих кумиров.

В дни, предшествовавшие состязанию, газеты единодушно сходились на том, что Кнут Юханнесен — самый верный кандидат на получение лаврового венка. Журналисты уверяли, что он сделает «трипл» (это английское слово означает тройную победу), то есть выиграет первенство страны, Европы и мира. Увы!.. Кнут Юханнесен остался за чертой призеров.

Не удержался и прошлогодний чемпион мира Олег Гончаренко. Крушение надежд норвежских и наших любителей конькобежного спорта произошло на «Бишлете» 14 и 15 февраля, где 45 скороходов 14 стран оспаривали звание сильнейшего. Погода в субботу была пасмурная, температура стояла на грани оттепели.

Судьба первого места на дистанции 500 метров решилась в забеге, в котором стартовали москвич Г. Воронин и студент из Харбина Ян Цзюй-чен. Стремительно мчались они по дорожке, не уступая друг другу ни метра, и только на самом финише конек Воронина на какое-то мгновение пересек красную черту раньше. Ему и присуждена победа. Оба показали одинаково хороший результат —42,4 секунды.

В беге на 5 тысяч метров победителем стал нидерландский фермер Я. Песман. Юханнесен проиграл ему одну десятую долю секунды. Но по сумме очков двух дистанций первого дня победителем оказался финский рабочий Ю. Ярвинен. Известно, что он недавно в Гетеборге занял второе место в чемпионате Европы.

На следующий день засияло солнце, но ртуть в термометре опустилась ниже нуля. Состязания в беге на 1 500 метров закончились победой финского спортсмена Т. Салонена. Кандидат в чемпионы Ярвинен был вторым. Юханнесен выиграл самую дальнюю дистанцию —10 тысяч метров, конькобежный марафон,— но сократить просвет в набранных очках, отделявших его от Ярвинена, уже не смог. Ю. Ярвинен в красивой борьбе опередил О. Гончаренко.

По сумме очков четырех дистанций (190, 155) Ярвинен вышел на первое место. Серебряная медаль вручена его соотечественнику Салонену, бронзовая — москвичу Р. Меркулову.

Олег Гончаренко за 2 недели растерял почти все свои титулы: чемпиона мира, Европы и рекордсмена СССР. Удастся ли ему удержать последнее почетное звание — чемпиона СССР,— покажут соревнования в Вологде, которые состоятся в начале марта.

Крупное поражение потерпели и норвежцы.

В первый ряд выдвинулись теперь финны, доказавшие, что их победы в Гетеборге не были случайностью. Кончилась ли гегемония двух великих конькобежных держав — СССР и Норвегии — или финны окажутся калифами на год, покажет будущее.

А пока они закончили нынешний сезон официального международного турнира очень хорошим финским дуплетом.

г. Осло.

Скучаловка

Лариса **ПИСЬМЕННАЯ**

Рисунки Э. **РОГОВА.**

В дверь постучали. Аркадий Павлович вскочил, сделал бесполезную попытку разогнать рукой скопление табачного дыма, грозовой тучей нависшее над его растрепанной шевелюрой, и повернул ключ. Ехидно пискнув, дверь приоткрылась, в комнату заглянула хозяйка квартиры. Манерно изгибая ниточки выщипанных бровей, она укоризненно сказала:

— К вам какая-то...

Аркадий Павлович нерешительно взглянул на свою измятую пижаму.

— А может, не ко мне?..

— Нет, к вам. Я сказала, что вы работаете, но она настаивает. Я ее впущу.

Аркадий Павлович поспешно убрал с подоконника остатки холостяцкого ужина и глубже запихнул под кровать потертый, видавший виды чемодан.

В комнату вошла высокая худая особа неопределенного возраста и удивленно прищурилась.

— Здравствуйте. Мне нужно видеть... — она поискала глазами, — писателя Аркадия Чемера.

— Это я,— смущенно отрекомендовался Аркадий Павлович, стараясь незаметно пригладить волосы.— Извините за беспорядок, только что возвратился из командировки... Срочная работа...

Плотно сжав тонкие, бесцветные губы (она явно была шокирована видом комнаты и ее хозяина), гостья протянула руку.

— Неонила Викентьевна Ярмолюк. Преподаватель языка и литературы.

— Очень приятно. Чемер Аркадий,— поклонился, бережно пожимая сухую, плоскую руку, Аркадий Павлович. Вспомнив, что уже раз отрекомендовался, он

еще больше сконфузился и зачем-то запер дверь на ключ.

— Я к вам, товарищ Чемер, по важному делу.— Неонила Викентьевна строго смерила хозяина взглядом.— Сейчас начались в школах каникулы, и вам, как писателю, должно быть известно, что мы обязаны организовать досуг учеников, а не пускать его на самотек.

Аркадий Павлович вежливо кивнул головой, хотя и не понимал, почему нельзя досуг учеников пускать на самотек.

— Таким образом, у нас запланирован ряд мероприятий. Завтра, например, намечена встреча наших читателей с вами. Надеюсь, вы не откажетесь прийти?

— Ну, что вы! — встрепенулся Аркадий Павлович.— Я с величайшей радостью!

Назавтра Аркадий Павлович старательно побрился, надел свой новый праздничный костюм и в приподнятом настроении вышел из дому. В руке его трепетала небольшая книжечка — те самые «Беспокойные друзья», о которых он сегодня услышит мнение своего маленького читателя. Что это будет искреннее мнение, он не сомневался: ведь ребята — открытые души.

Работая над этим сборничком рассказов, он так хотел, чтобы книга была веселой: детвора любит посмеяться. Если они пожелают, он еще расскажет им о своих замыслах. В новой книге будет множество увлекательных и забавных приключений, и писатель постарается, чтобы вовсе не было скуки. Правда, оратор из него никудышный, он всегда конфузится и теряет слова, но с ребятами он, конечно, найдет общий язык.

Писатель шел в школу, как на праздник: ведь это была его первая встреча с живым читателем. Он решил, что надпишет и подарит книгу тому мальчугану (а это наверняка будет мальчик), который лучше всех поймет его мысли.

Его встретила Неонила Викентьевна и провела в учительскую.

— Посидите, пожалуйста, немного, мы сейчас все организуем. Я уже послала пионервожатую за детьми.

— А разве они сами не соберутся?

— Ну, на это не следует рассчитывать! Если позволить делать то, что им захочется, то они целый день проведут на катке или в снежки проиграют.

— А разве это нехорошо?

— Но мы же должны провести все намеченные на каникулы мероприятия!

И Неонила Викентьевна вышла.

Аркадий Павлович один сидел в холодной учительской (во время каникул, очевидно, экономили топливо) и чувствовал себя очень сиротливо. Он со страхом думал о том, что же будет, если читатели вообще не соберутся или окажется, что никто из них не читал его книгу.

Прошло с полчаса. Не забыли ли о нем? Аркадий Павлович подошел к двери и украдкой выглянул.

В конце пустого темноватого коридора какая-то молодая девушка, наверно, пионервожатая, раздраженно жаловалась Неониле Викентьевне:

— Попробуйте их собрать! И на веревке не затащишь! Давайте начинать, не то и эти разбегутся.

— А сколько их?

— Душ тридцать согнала. Больше все равно не будет.

— Начнем, пожалуй,— решила Неонила Викентьевна и направилась к учительской.

— Читатели собрались, ожидают вас,— провозгласила, появляясь в учительской, Неонила Викентьевна и даже любезно улыбнулась.

Аркадий Павлович замялся.

— А... они читали мою книгу?

— Не беспокойтесь, мы обо всем позаботились.

В большом зале, который казался еще больше оттого, что был почти пустым, покорно сидела кучка школьников. Пионервожатая уже стояла у столика, застланного кумачовой скатертью. Ребята вскочили и нестройным хором поздоровались.

— Здравствуйте, товарищи! — по возможности бодрым голосом ответил Аркадий Павлович и осекся. Нужно было сказать по-другому — ребята или друзья...

Неонила Викентьевна властно окинула взором притихших школьников и объявила, что все они собрались для встречи с дорогим гостем, писателем Аркадием Павловичем Чемером, книгу которого «Беспокойные друзья» все должны были прочесть и полюбить.

— А сейчас,— Неонила Викентьевна заглянула в бумажку,— выступит ученик четвертого «А» класса Вовченко Евгений.

Вовченко Евгений, круглощекий, остриженный под машинку парнишка, поспешно вышел вперед и, став спиной к залу, напряженно застыл.

— Вовченко, стань так, чтобы тебя все видели.

Паренек послушно повернулся лицом к залу, спиной к дорогому гостю. Тогда Неонила Викентьевна взяла его за плечи и поставила сбоку, рядом со столиком.

— Теперь говори,— приказала она.

— Я прочел книгу «Беспокойные друзья» писателя Аркадия Чемера, и она мне очень понравилась,— деревянным голосом зарапортовал Вовченко.— Больше всего мне понравился рассказ «Андрейка». В нем... в нем...

— В нем автор описывает мальчика,— подсказала Неонила Викентьевна.

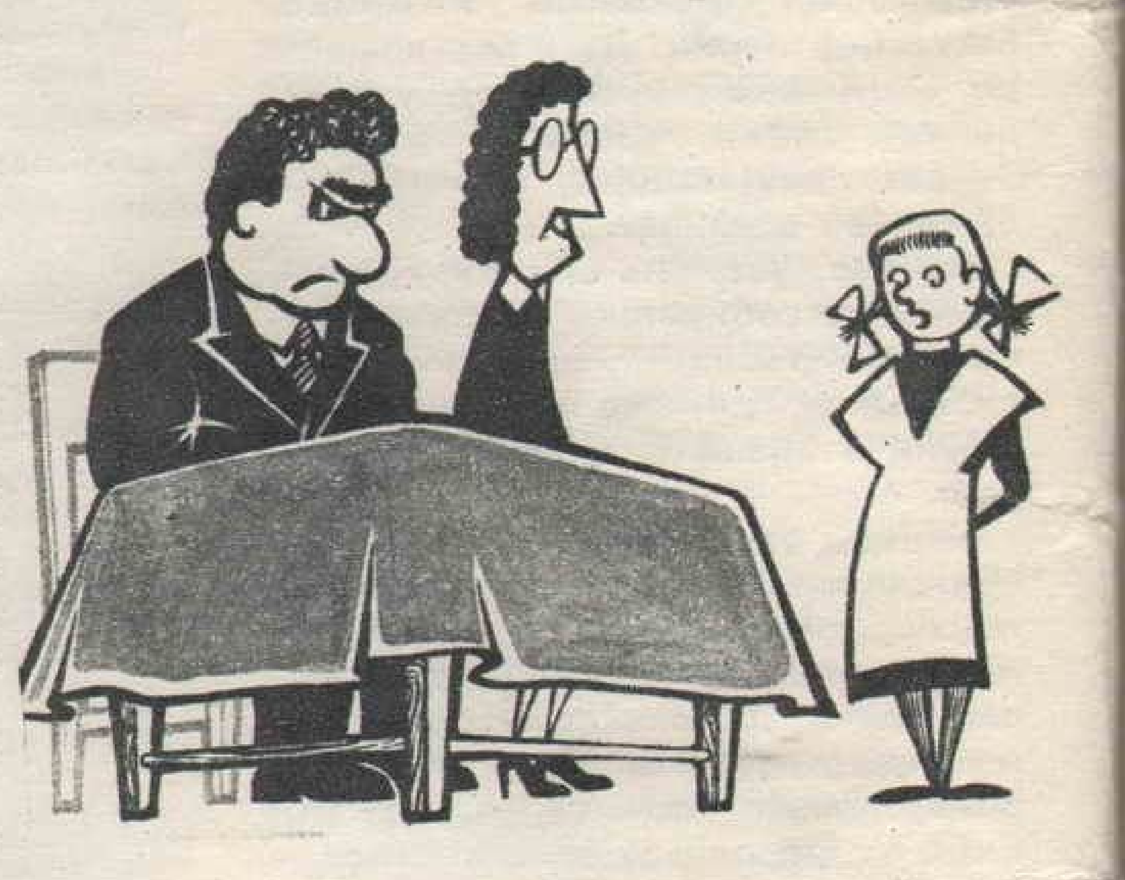
— В нем автор описывает мальчика... Он любил работать... Он всегда делал... так... делал...

Вовченко снова сбился и тоскливо покосился на Неонилу Викентьевну. Но она тоже не помнила, что именно делал мальчик из рассказа, и, в свою очередь, взглянула на пионервожатую. Та, не моргнув глазом, подсказала:

— Он всегда служил примером для товарищей.

— Он всегда служил примером для товарищей. Когда у него заболела сестра, он был... он был...

Наконец Вовченко кое-как справился со своей миссией, и ему разрешили сесть на место. После него вышла белобрысенькая девчушка с задорными короткими косичками и милой розовой мордашкой. Остановившись у стола, она оцепенела.

Пионервожатая подала ей знак.

— Я тоже читала книгу писателя Аркадия Чемера. Она мне очень понравилась. Больше всего мне понравился рассказ «Веселые ручейки»... В нем автор описывает...

Белобрысенькая, видимо, назубок заучила свою «речь». Ни разу не споткнувшись, она единым духом отбарабанила ее до конца. Неонила Викентьевна, весьма довольная, одобрительно покачивала головой.

Затем вышла еще девочка, еще мальчик... Всех восемь, ровно столько, сколько рассказов было в книге «Беспокойные друзья».

Аркадий Павлович сидел как на иголках. Он не смотрел на ребят, боясь встретиться с их равнодуш-

ными, откровенно скучающими взглядами. И потому, что он по-настоящему любил детвору, озорную, пытливую, ему было очень больно и стыдно.

Наконец Неонила Викентьевна величественно поднялась, поблагодарила Аркадия Павловича и торжественно пожала ему руку. Нужно было видеть, как сразу ожили ребята, с какой радостью повскакали с мест и мигом ринулись на волю!

— Все! — объявила Неонила Викентьевна и удивленно взглянула на Аркадия Павловича: чего же он еще ожидает?

Аркадий Павлович порывисто повернулся к ней. Лицо его пылало, словно ему кто-то надавал увесистых пощечин.

— Послушайте, что же это такое?

— То есть как что? — искренне изумилась Неонила Викентьевна.— Обычная читательская конференция. Вы чем-то недовольны? По-моему, мы ее организовали вполне удовлетворительно.

— Вы... организовали...— Аркадий Павлович задыхался от возмущения.— Я даже не знаю, какими словами все это можно назвать...

Неонила Викентьевна пожала плечами. Она никак не могла понять, что произошло с этим застенчивым чудаком.

— Кто дал вам право так убивать в детях любовь к книге? Да они же теперь навсегда возненавидят и мою книгу и все другие, над которыми вы устроите подобное издевательство! Счастье, что вам не удалось согнать их побольше!..

— Товарищ Чемер! — повысила голос возмущенная Неонила Викентьевна.— Я не понимаю, почему вы накинулись на меня! Все было нормально проведено.

Аркадий Павлович махнул рукой и выбежал из зала. У выхода от него испуганно шарахнулась пионервожатая.

Чемер сгоряча хлебнул полной грудью колючий морозный воздух и задохнулся. Наверно, его приняли за сумасшедшего. Пускай. Все можно стерпеть: неблагоустроенность своего холостяцкого быта, неделикатность посторонних людей, которые так часто пользуются его застенчивостью, множество других неприятных, но, очевидно, неизбежных в жизни вещей,— только не это! Но как протестовать? Как запретить Неониле Викентьевне насаждать скуку и равнодушие?

— Эй, Женька! — раздался за его спиной звонкий мальчишеский голос.— Ты принес мне коньки?

— Нет! — сердито откликнулся другой.—Я был в школе, Крокодила Викентьевна заставила.

С Аркадием Павловичем поравнялись двое мальчишек. Один из них был тот самый Вовченко Евгений. Только сейчас это был совершенно иной парнишка, занозистый и вполне нормальный. Аркадий Павлович поспешно отвернулся.

— А что там было? — спросил Женькин приятель.

— А! — отмахнулся с досадой Женька.— Так, скучаловка...

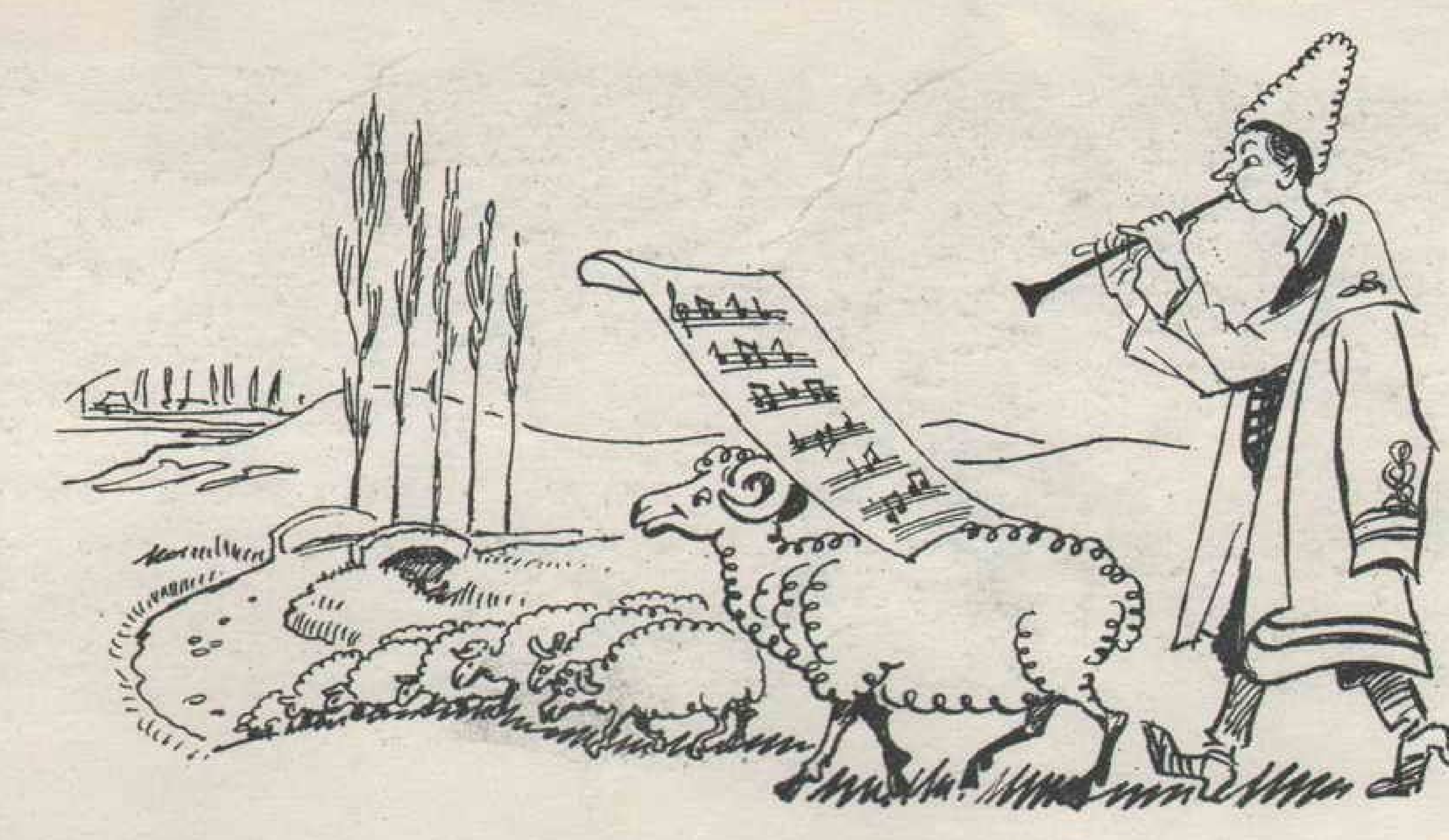
«Скучаловка»! Лучше не скажешь!

Аркадий Павлович с грустью посмотрел вслед своему навсегда утраченному читателю и сунул руку в карман за папиросой. Там он нащупал книгу. Это были «Беспокойные друзья», которых сегодня некому было подарить.

Черкассы.

Венгерские зарисовки

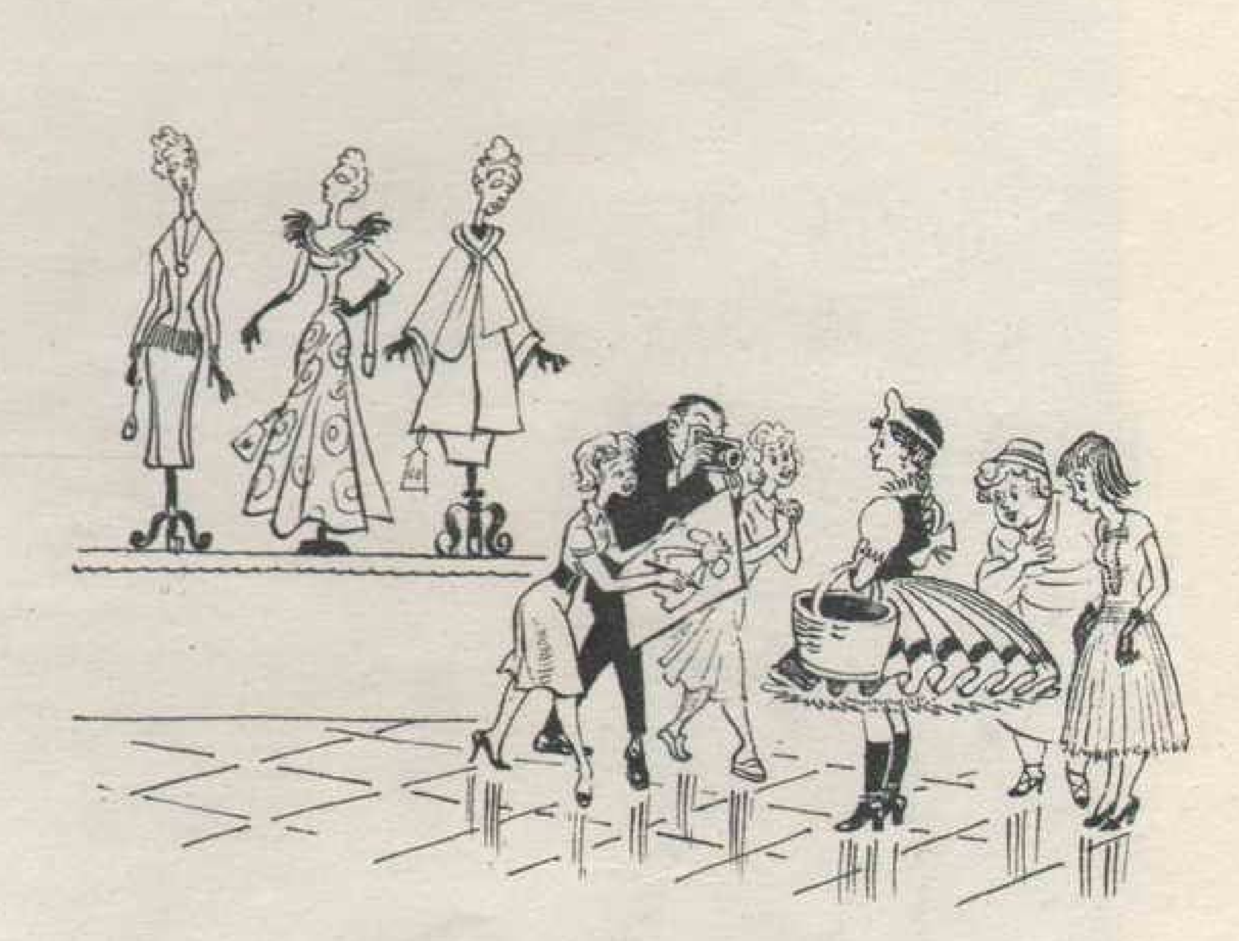
Изорепортаж
Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

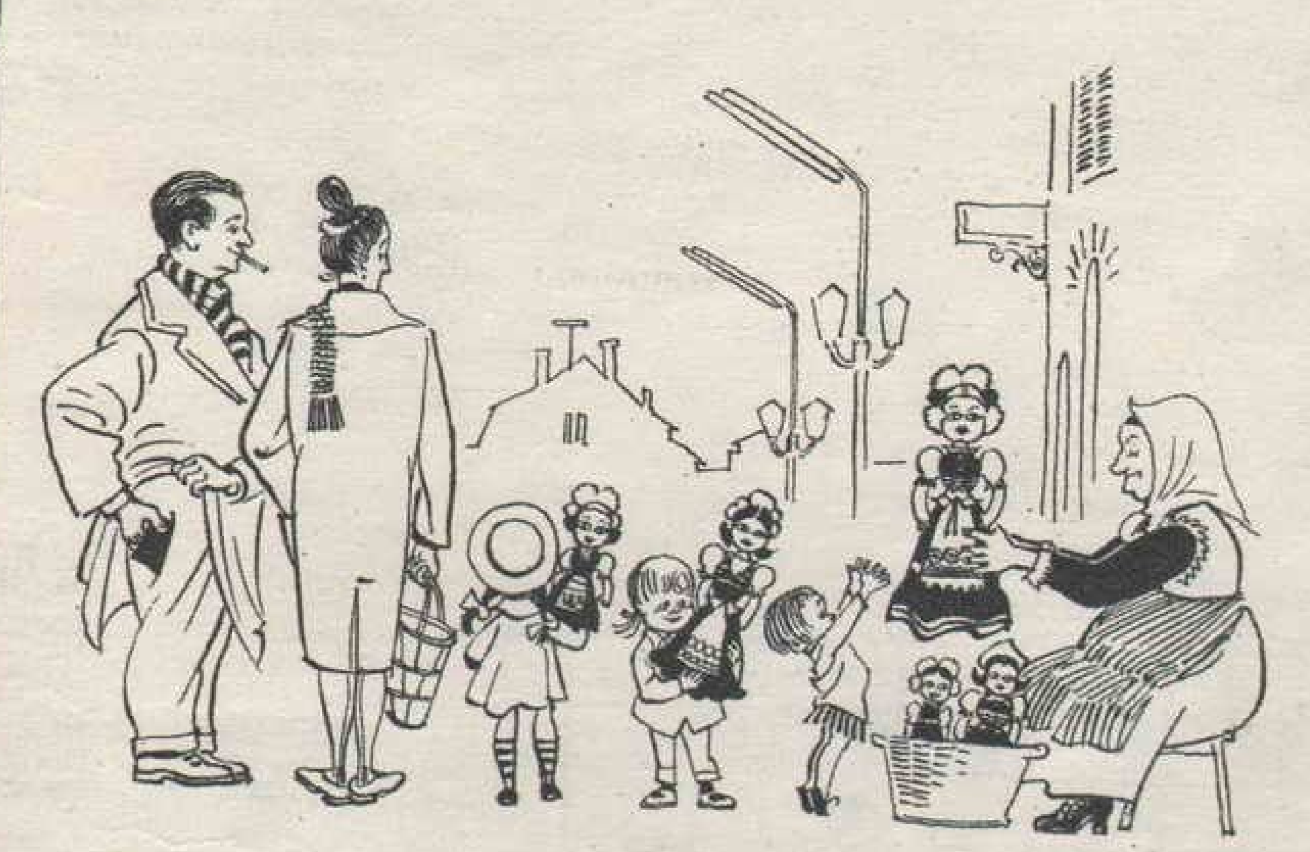
Венгерские мотивы.

Дружеские рукопожатия не помешали выполнению плана на 210 процентов. (Завод «Гамма». Будапешт).

Случай в магазине мод.

Оптовый покупатель народных игрушек.

Дорожный завтрак. (В кооперативе Вереш Марти).

После дегустации. (Винные подвалы Эгера).

Современная защита крепостных ворот.

«Конкурс» (№ 3) — победитель большого зимнего четырехлетнего приза.

Фото А. Бочинина.

ЗИМНЕЕ ДЕРБИ

Розыгрыш больших призов на Московском ипподроме имеет полувековую историю.

Начиная с 1895 года разыгрываются рысистые испытания для трехлетних рысаков, так называемое дерби на дистанцию 1 600 метров. Позже в этих традиционных состязаниях начали принимать участие и четырехлетние лошади. Среди победителей дерби были известные рысаки «Улов», «Морской прибой», «Квадрат» и другие.

Тысячи любителей конного спорта собрались в прошлое воскресенье на Московском ипподроме, где состоялось очередное зимнее дерби.

Центральным событием дня явился розыгрыш больших призов для резвейших рысистых пород.

В призе для лошадей, рожденных в колхозах, победу одержал мастер-наездник А. Бондаревский на «Чудном полете» (колхоз имени Мичурина, Орловской области).

Главный приз дня для орловских рысаков выиграл мастер-наездник А. Щельцын на «Конкурсе» (Московский конный завод).

Приз для русских рысаков оспаривали 10 лучших четырехлеток. Мастер-наездник П. Шаронов на «Миньоне» (Смоленский конный завод) был первым в обоих гитах и показал лучшее время дня — 2 минуты 14 и пять восьмых секунды.

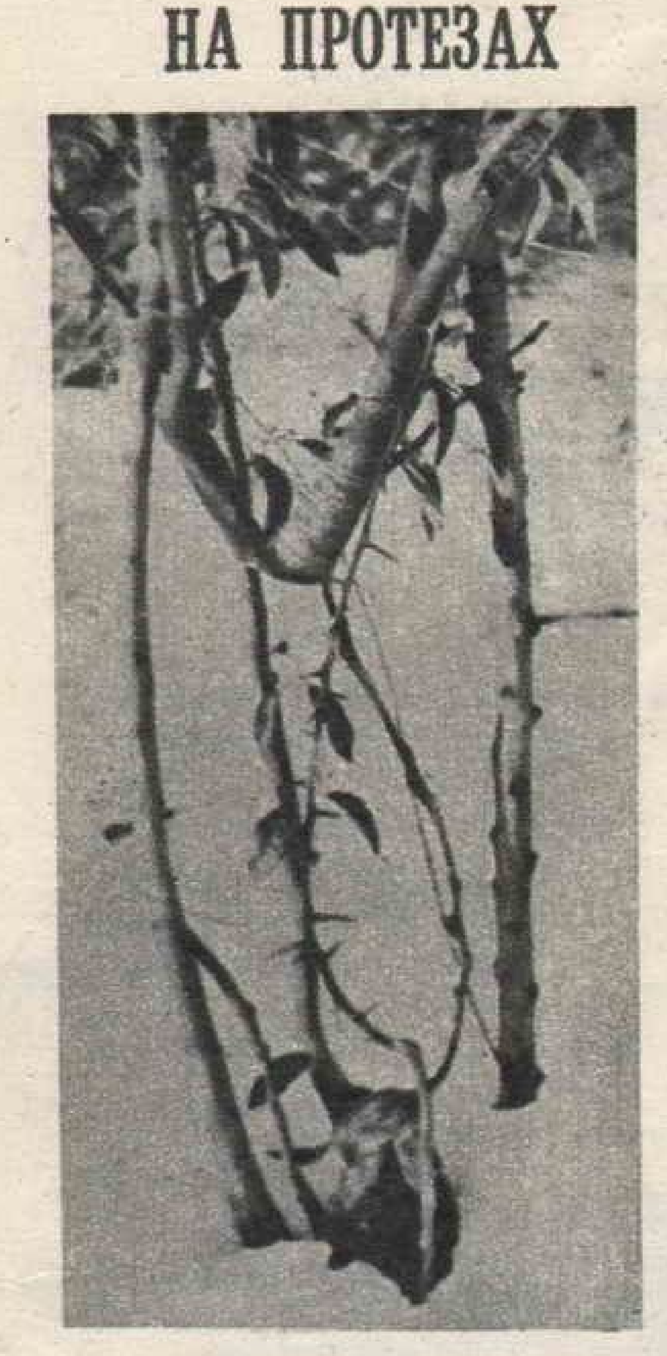
Кроме того, состоялись испытания лошадей старшего возраста. Мастера-наездники В. Тарасов на «Ловкаче» и А. Зотов на «Парке» были победителями.

Зрители с большим интересом наблюдали за коннолыжными соревнованиями, а также за гонкой русских троек.

Победители больших зимних призов награждены ценными подарками.

Г. НЕЧИПОРЕНКО

МАНДАРИН НА ПРОТЕЗАХ

Несколько лет назад в селекционном саду Сочинской опытной станции у 14-летнего мандарина полностью пострадал от мороза ствол. Раз нарушилась связь кроны с корневой системой, гибель дерева становилась неизбежной. Работники решили спасти его. Рядом выкопали яму и посадили трифолиату (трехлисточковый лимон), ее вершину запривили в здоровую ветку мандарина. Трифолиата приросла и предотвратила гибель растения. Но на поврежденном стволе возникли грибные заболевания, которые могли перейти на здоровые ветки. Пришлось срочно выпиливать ствол. Крона мандарина не могла держаться на тоненькой трифолиате, и под нее подставили кол.

Весной от корней мандарина пошла поросль, у дерева появились живые стволы. Питание спасенных веток увеличилось, они дали новые сочные побеги. В прошлом году на них созрел первый урожай.

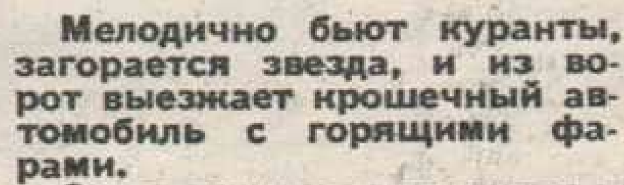
Ф. ЗОРИН, кандидат сельскохозяйственных наук

Закат в Арктике

Обычно у берегов Земли Франца-Иосифа даже в летние месяцы небо пасмурно и редко видишь солнце. За несколько лет плавания в Арктике я впервые наблюдал такой красивый закат, напоминавший по необычайно ярким краскам сказочный пожар.

А. НАПЛЕКОВ, механик теплохода «Немирович-Данченко»

Бьют куранты

Мелодично бьют куранты, загорается звезда, и из ворот выезжает крошечный автомобиль с горящими фарами.

Около двух лет трудился в свободные вечера над макетом Спасской башни офицер Советской Армии Павел Леонович Леонов.

Башня деревянная, из березы. Музыкальное устройство в точности копирует бой кремлевских курантов. Время показывают все четыре циферблата. Механизмы двух будильников и настольных часов с боем связаны в единую сложную систему с помощью рычагов и шестеренок. «Электрохозяйство» часов питается от карманной батарейки.

К. ЮРЬЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Квитанция к железнодорожному билету. 8. Неопытность, неискушенность. 9. Дикий осел. 11. Должник. 12. Игра в мяч. 14. Крупная стрекоза. 15. Артист эстрады. 17. Представитель одной из народностей острова Великобритания. 18. Плоский обработанный камень. 21. Плотная тонкая ткань. 23. Расширение на конце трубы. 24. Звездное скопление в созвездии Рака. 25. Старинная испанская монета. 27. Объединение промышленных предприятий. 28. Небольшое судно. 29. Увлечение технической стороной дела. 32. Итальянский живописец и гравер эпохи Возрождения. 33. Зоологический сад. 36. Порт на Цимлянском море. 37. Специалист по глазным болезням. 38. Герой произведений В. Катаева. 39. Морская мера. 40. Столярный инструмент.

По вертикали:

1. Город во Франции. 2. Способность предвидеть, предугадать. 3. Вулканическая горная порода. 4. Мелкая озерная рыба. 5. Устройство для питания радиоприемника в автомобилях, самолетах. 6. Исполнитель ролей без слов. 10. Машина для сортировки сыпучих материалов. 13. Медицинское учреждение. 16. Характер исполнения мелодии. 19. Художественный музей в Париже. 20. Крупная птица отряда голенастых. 21. Орудие лова рыбы. 22. Белорусский поэт. 24. Медоносные травы. 26. Неглубокий овраг. 30. Обоз для передвижения в пустыне. 31. Нарушение ритма. 34. Письменный знак. 35. Соцветие и плод хвойных растений.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

7. Готланд. 8. Строчок. 9. Дифирамб. 11. Лапчатка. 12. Бизон. 13. Триод. 14. Пикап. 17. Спартакиада. 18. Боронование. 22. Флора. 23. Скула. 24. Бином. 27. Птолемей. 28. Одеколон. 29. Черешня. 30. Шолохов.

По вертикали:

1. Позиция. 2. Иллинойс. 3. «Анчар». 4. Стопа. 5. Рогатина. 6. Домкрат. 10. Баратынский. 11. Леонкавалло. 15. Кайра. 16. Кашне. 18. Барельеф. 19. Епиходов. 20. Глетчер. 21. Косогор. 25. Умань. 26. Перов.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00146. Подписано к печати 18/II 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 138. Заказ № 309.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Кадр из фильма «Судьба человека». В роли Андрея Соколова народный артист СССР Сергей Бондарчук.

Цена номера 3 руб.

Л...
...00146...